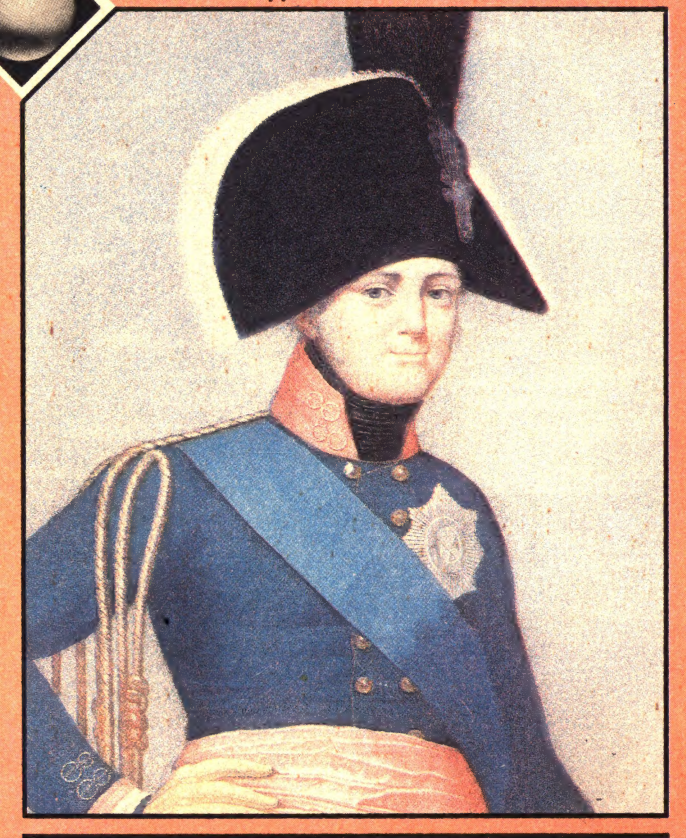
Века и люди

А. Валлоттон

Александр I

«Прогресс»

Дорогим

…992 г.

HENRY VALLOTTON

LE TSAR ALEXANDRE Ier

ÉDITIONS
BERGER-LEVRAULT

1966

А. Валлоттон

Александр I

«Прогресс»
Москва

ББК 63.3(2)47
В 15

Перевод с франц. языка *А.Г. Светлова*

Редакторы: *Т.В. Хордина и Н.В. Дейнеко*

Послесловие кандидата исторических наук

Н.И. Казакова

Валлоттон А.

В-15 Александр I: Пер. с франц./Послесл. Н.И. Казакова.-М.: Прогресс, 1991 — 397с.

Эта книга — одно из немногих жизнеописаний российского императора Александра I. Написанная легко и доступно, она позволяет составить живое представление не только о личности и делах героя повествования, но и о бурной эпохе его царствования, полной дворцовых интриг, войн и попыток реформирования России. Взаимоотношения Александра и Наполеона, виднейших фигур на европейской сцене начала XIX века, составляют одну из основных сюжетных линий книги. Ее автор — швейцарский дипломат и писатель Анри Валлоттон (1891 — 1971) известен целым рядом биографических работ, с одной из которых знакомится советский читатель.

Книга иллюстрирована репродукциями картин и портретов той эпохи.

Настоящее издание открывает серию популярных биографий «Века и люди», которую Издательство намерено выпускать.

В $\frac{4703010100-245}{006(01)-91}$ КБ-23-38-91 ББК63.3(2)47

ISBN 5-01-003613-4

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга Анри Валлоттона открывает новую серию «Века и люди». Человеческие судьбы, замыслы и дела выдающихся персонажей бесконечной исторической драмы, загадочные события прошлого — все это найдет свое место на страницах книг этой серии.

Произведения швейцарского писателя, политика и дипломата Анри Валлоттона (1891 — 1971) хорошо известны во франкоязычных странах. Он автор 24 книг, написанных большей частью в жанре исторической биографии. Среди них — жизнеописания Альфонса XIII, Марии-Антуанетты, Екатерины II, Ивана Грозного и др. За работы «Семь шведских королей», «Петр I», «Бисмарк» он был удостоен премий Французской академии. Это была достойная оценка напряженного писательского труда, ставшего для него основным занятием лишь после завершения политической деятельности в 1956 г. Более 20 лет (с 1921 по 1943 г.) А. Валлоттон входил в состав высших законодательных органов Швейцарской конфедерации, после чего проработал 13 лет на дипломатическом поприще — посланником в Бразилии, Швеции и Бельгии.

Богатый дипломатический опыт, несомненно, подсказал А. Валлоттону выбор героев его повествований. Все они сыграли заметную роль не только в национальной, но и в европейской истории. Именно деятелем такого масштаба и представлялся

А. Валлоттону российский самодержец Александр I. Конечно, швейцарец А. Валлоттон не мог пройти мимо темы воспитания Александра своим соотечественником Лагарпом, а для автора, пишущего по-французски, благодатной была возможность сопоставления своего персонажа с героем Франции — Наполеоном. Но это только дало ему повод внимательно изучить характер и индивидуальность Александра, проследить и оценить самостоятельность этого исторического деятеля, на чью долю выпали немалые испытания. Автор приводит множество свидетельств современников, суждений историков о правлении Александра I, стремясь при этом быть объективным. И хотя не все стороны его деятельности прописаны равноценно, книга, бесспорно, будет полезна читателю, стремящемуся пополнить свои знания по истории далеко не самым скучным образом.

В послесловии, написанном историком Н.И. Казаковым, читатель найдет многое из того, что осталось за рамками книги А. Валлоттона, а также иные версии некоторых из описанных им событий.

Глава 1

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА

> *Дети высокомерны, заносчивы, раздражительны, завистливы, любопытны, корыстны, ленивы, непостоянны, застенчивы, распущенны, лживы, скрытны...*
>
> Лабрюйер

В сентябре 1773 г. 19-летний великий князь Павел, сын правящей царицы Екатерины II[1] и покойного Петра III, женился на принцессе Вильгельмине Гессен-Дармштадтской, получившей имя и титул великой княгини Натальи Алексеевны. В апреле 1776 г. Наталья скончалась при родах в ужасных муках; вместе с ней умер и ребенок. Обезумевший от горя Павел изломал мебель в своих покоях, пытался выброситься из окна, запретил предавать земле тело супруги, утверждая, что она жива! В это время царевичу было уже 22 года. Он был некрасив, ленив, характер имел взбалмошный, хотя и стремился быть справедливым и вести себя как истинный христианин. Этот большой непоседа с детства, то грубый, то нежный, то жестокий, то великодушный, часто чем-то раздраженный, хмурый, готовый наброситься на любого, причинял большое беспокойство своей матери. В бумагах покойной жены он обнаружил любовные письма Андрея Разумовского, своего единственного друга, — это вызвало у

него приступ страшной ярости и сделало недоверчивым на всю жизнь.

Всецело поглощенная государственными делами, Екатерина II решила как можно быстрее вновь женить сумасбродного сына. Она поделилась своей заботой с принцем Генрихом Прусским, находившимся в то время проездом в Санкт-Петербурге. Тот обратился к брату, Фридриху II, и великий устроитель судеб предложил свою племянницу, Софью Доротею Августу, дочь герцога Фридриха Евгения Вюртемберг-Монбельярского. Итак, в июне 1776 г. Павел прибыл в Берлин, чтобы встретиться с юной принцессой. Он нашел ее очень красивой. Однако посмотрим, как сама Екатерина II описывает этот новый роман Гримму, своему «подневольному слушателю»[2]:

В Петергофе, 29 июня 1776 г. «Я не теряла времени зря... Засучив рукава, я сразу же взялась за дело, чтобы возместить утрату и тем самым рассеять угнетавшее нас глубокое горе. Я начала с того, что предложила отправиться в путешествие, а потом сказала: «Мертвые умерли, надо думать о живых». Если человек верил, что он счастлив, а потом потерял эту веру, нужно ли оставлять надежду обрести ее вновь? «Пойдем же ... поищем эту новую веру!» — «Но кого?» — «О, у меня уже есть кое-кто на примете!» — «Как, уже?» — «Да, да, и она — прелесть!» И тут он стал само любопытство: «Кто это? И как это произошло? Она брюнетка, блондинка, маленькая или высокая?» — «Она нежна, красива, очаровательна, прелесть, просто прелесть!». Слово «прелесть» его обрадовало; он улыбнулся; слово за слово, мы позвали третьим в нашу компанию неко-

его путешественника, проворного малого, из тех, на которого чертыхаются все, кого он обгоняет на своем пути; он как раз прибыл к нам именно с целью утешить и развлечь. Вот он осмотрелся, предложил свое посредничество; вот он ведет переговоры; вот почта отослана, ответ получен, путешествие сговорено, встреча устроена. Все это сделано было с быстротой невероятной, так что сердца, сжатые горем, начали смягчаться; грусть еще не покинула их, но они должны уже были заняться подготовкой к путешествию и устройством того, что в нем необходимо для тела и для души».

Павел за время пребывания в Берлине показался Фридриху II высокомерным, напыщенным и резким. Те, кто знал Россию, опасались, что ему будет трудно удержаться на троне. 16-летняя принцесса, выехав вслед за женихом в Россию, встретила там самый чудесный прием у царицы. Екатерина сообщала своей подруге г-же Бьелке, что совершенно очарована принцессой, буквально очарована! Она именно такая, какой ее хотели видеть: талия нимфы, лилейно-розовый цвет лица, самая прекрасная в мире кожа, рост высокий и довольно широкие плечи. Характер у нее легкий; нежность, доброта, чистота мыслей видны на лице. Все окружающие ею очарованы, и те, кто не полюбят ее, совершат большую ошибку, так как она родилась доброй и делает все, чтобы такою и быть, писала Екатерина.

Добродетельная прелестная принцесса переменила веру и вышла замуж за Павла менее чем через год после кончины Натальи, приняв имя и титул великой княгини Марии Федоровны. Ничего не скажешь, берлинское брачное агентство сработало быстро! В качестве награды Екатерина II продлила

договор с Пруссией о союзе. Мария Федоровна оказалась достойной выбора своего дядюшки, произведя на свет десятерых детей; двое ее сыновей стали царями, две дочери стали королевами[3].

* * *

12 декабря 1777 г. 23-летний наследный принц Павел и его супруга Мария Федоровна, которая была на 5 лет моложе его, радостно отметили рождение первенца. Два дня спустя Екатерина II сообщила Гримму:

«Великая княгиня только что родила сына, который в честь святого Александра Невского получил громкое имя Александр... Aber, mein Gott, was wird denn aus dem Jungen werden? Но Бог мой, что станет с этим младенцем? Меня утешают Бейль и отец Тристрама Шенди, который считал, что имя влияет на предмет, им обозначаемый. Гордец! Что до нашего имени, то уж оно-то прославлено: его носил даже кое-кто из матадоров!..».[4]

Вначале молодые супруги были очень счастливы. Мария Федоровна писала баронессе Оберкирх, что своего дорогого мужа она любит до безумия! А что же Павел, характер которого, казалось, стал поспокойнее? Он сообщает своему другу Сакену, что у него не может быть ни пристрастия, ни интереса иного, кроме государственного. И тут же жалуется на свою праздность архиепископу Платону: «Пот покрывает мой лоб, но это не от усталости, а от скуки!» Он сурово критикует внешнюю политику и указы своей матери, в особенности касающиеся армии.

Екатерина, возобновив попытки достичь взаимного понимания, дважды в неделю посвящает все утро сыну, дабы приобщить его к государственным делам. Но царевич быстро устает от этих уроков. Бледный, с пронзительным, а порою блуждающим взглядом, свободно изъясняющийся по-французски и по-немецки, обидчивый, язвительный, спесивый, раздражительный, он... предпочитает муштровать рекрутов, пользуясь для этого своей собственной безжалостной и жестокой методой: солдат с пятнышком на мундире мог подвергнуться порке кнутом или быть сосланным. Все было устроено на прусский манер: мундиры, ботфорты, треуголки, усы, косички. Страсть к вещам военным господствует в жизни великого князя. С рассвета и до поздней ночи, по 12 часов подряд, он командует потешными маневрами, ведет мальчишеские баталии, выкрикивает команды своему карманному воинству, одетому в забавную униформу. Придворные, в том числе и дамы, вынуждены наблюдать за подобными учениями или присутствовать на парадах *гатчинского войска*. А вечером, греясь у огня, вообразивший себя соперником Фридриха II комедиант повествовал, подобно Гомеру, о подвигах, совершенных его рейтарами на картофельных полях! Павел все больше напоминает своего несчастного отца, Петра III. Пристрастие отца к армии он довел до безумных размеров. Он мог бы сказать, как Гамлет, что может «в причуды облекаться иногда».

По отношению к матери князь не проявляет ничего, кроме ледяной вежливости, как будто бы ис-

пытывая к ней отвращение. Он упрекает ее в том, что она завладела Александром и Константином, его сыновьями. И это справедливо. Екатерина, которую князь Адам Чарторыйский называл «Юпитером в образе женщины»[5], прибрала к рукам двух внуков с момента рождения, чтобы воспитывать их у себя, на свой лад, забыв, как она сама страдала, когда Елизавета отняла у нее Павла. Подобный шаг Екатерины можно еще было бы объяснить дурным характером наследника престола, однако ведь Мария Федоровна была способна, без сомнения, воспитать своих сыновей. В ней, разумной, скромной, верующей, не было ничего, что оправдывало бы подобное отлучение. Она жестоко страдала, так как ей было оставлено одно право: никогда не вмешиваясь в дела, касавшиеся ее детей, видеть их несколько минут в день! Она писала, что никого не осмеливается послать к детям, что императрица сама назначает им даже гардеробных девушек!.. Екатерина II «любезно» называла своего сына и невестку «*le gros bagage*» (буквально «крупным багажом», т.е. большой обузой. — *Перев.*).

Следуя примеру Петра I, совершавшего длительные путешествия в Европу, Павел с женой отправились туда в сентябре 1781 г. под именем «графа и графини Северных». Они побывали в Польше, Австрии, Швейцарии, Италии, Франции, Бельгии и Голландии. Зная чрезмерное восхищение своего сына Фридрихом II, Екатерина II запретила ему посещение Берлина. Будучи во Флоренции, Павел открыл свое сердце Леопольду Тосканскому, брату австрийского императора Иосифа II: осудил захватническую политику своей матери и разразился угрозами в адрес приближенных Екатерины II. На

следующий день во время пышного обеда у великого герцога Павел вдруг выскочил из-за стола и, крича, что его отравили, засунул пальцы в рот, чтобы вызвать рвоту!.. С большим трудом его удалось успокоить.

Однажды, когда разговор шел о России, он воскликнул: «Законы в России? В стране, где та, которая царствует, остается на троне лишь потому, что попирает их все!..» Будучи в Неаполе, он вел себя по-хамски: в последний момент послал извинения королю за то, что не сможет присутствовать у него на обеде... повара. В Версале, где Людовик XVI и Мария-Антуанетта приняли их очень сердечно и устроили для них пышные празднества, граф и графиня Северные не скрывали своей неприязни к русской царице. Павел с горечью говорил о стеснении, противодействии и даже об унижениях, которые ему приходится испытывать в Санкт-Петербурге; он жаловался на слежку за ним недоброжелателей, на дерзость фаворитов, мучавших его, преследовавших все, что могло служить его удовольствию и отдыху, а также благу его доверенных приближенных.

По возвращении в Россию признаки нервного расстройства у Павла усилились. Он приказал разрушить дома вокруг своих дворцов в Павловске и Гатчине и прятался там под прикрытием немецких полков. Он стал настолько мелочно придирчивым, озлобленным и даже грубым, что его жена и дочери жили в постоянном страхе, тогда как Александр и Константин мирно росли у своей бабушки.

В 1780 г. после первого посещения Екатерины II бельгиец принц де Линь писал о Павле, которому было тогда 26 лет, что он способен к

труду, но слишком часто меняет мнения и фаворитов, так что не может иметь ни фаворита, ни советника, ни любовницу. Он быстр в действиях, пылок, непоследователен, так что в один прекрасный день может стать опасным. Ум его блуждает, сердце прямо, суждения зависят от игры случая. Он недоверчив, обидчив, любезен в обществе, несговорчив в делах, он поборник справедливости, однако горячность не позволяет ему увидеть, где правда. Выставляет себя фрондером, жертвой преследований, хотя его мать требует, чтобы ему оказывали должное внимание и предоставляли в его распоряжение все, что может послужить его развлечению. Горе его друзьям, врагам, союзникам и подданным! Кроме того, он чрезвычайно непостоянен, однако если в какой-то момент он всем существом своим хочет чем-то обладать, или что-то любит, или ненавидит, то делает это со страстью и упрямством. Он презирает свой народ и однажды в Гатчине говорил принцу о нем такие вещи, которые невозможно повторить...

Что же можно сказать об образе мыслей этого наследника российского престола, который «презирает свой народ» (он даже как-то выразился: «мой сволочной народ») и говорит о нем своему знатному гостю такие слова, которые тот не осмеливается повторить?.. Нам могут возразить, что де Линь, будучи близок к царице, плохо знал великого князя. Это правда, но и посол Франции де Жюинье говорил, что Павел и его жена не любят русских и не стараются это скрыть. Один из близких к царевичу людей, граф Ростопчин, писал графу Воронцову, послу в Лондоне, что ничто не может быть для него

более противно, чем благосклонность Павла. По его словам, великий князь сидит в Павловске с головой, набитой химерами, окруженный людьми, самый честный из которых заслуживает виселицы без суда и следствия!

29 ноября 1793 г. шведский посол граф Стединг сообщил в Стокгольм в шифрованной депеше, что великий князь-отец продолжает вести себя очень плохо и с каждым днем теряет во мнении не только высшего света, но и народа. Он проникся ревнивой завистью к своему старшему сыну, на которого действительно обращены все взгляды и которому императрица оказывает знаки исключительного расположения.

Французский посол де Сегюр напрасно старался успокоить великого князя, ведь царица позволяет ему содержать его двор так, как ему заблагорассудится, иметь около себя, в непосредственной близости от Царского Села, батальоны, где он сам назначал офицеров, которых муштровал, вооружал, одевал как хотел, тогда как Екатерина, не проявляя никакого опасения, держала под рукой одну лишь гвардейскую роту.

Чем же объяснить грубое и оскорбительное отношение Павла к матери, его возраставшую до самой смерти царицы враждебность к ней? По всей видимости, мы найдем ответ на этот вопрос в давнем письме от 31 июля 1764 г. поверенного в делах Франции Беранже герцогу Праслину, где он сообщает, что юный князь проявляет зловещие и опасные наклонности. От одного из его камердинеров Беранже узнал, что Павел спрашивал, почему умертвили его отца и почему мать возвели на принадлежащий ему по праву трон. Он прибавил так-

же, что когда вырастет, то сумеет потребовать обо всем этом отчет. Этот ребенок слишком часто позволяет себе подобные высказывания, и о них, конечно, было доложено императрице[6].

Будучи почти что верным супругом (за свою жизнь он имел только двух любовниц), Павел сурово осуждал любовные связи и так называемые альковные тайны матери. После краткого затишья напряженность в их отношениях вновь возросла, и царевич скрылся в своем дворце-казарме в Гатчине.

* * *

Пылкая любовь, которую Екатерина вначале питала к своему сыну Павлу, была так плохо вознаграждена, что, отдалившись от него, она перенесла свою материнскую привязанность на двух внуков. В декабре 1777 г. она приняла в свои руки Александра, такого чудесного, такого тяжеленького, крепенького и замечательно сложенного малыша, ему как нельзя кстати подходило имя великого завоевателя. Она купала его, пеленала, прижимала к своему сердцу, владела им, как добычей. Родители могли прийти посмотреть на старшего сына, но лишь при условии, что будут себя благоразумно вести! Когда «божественный младенец» плакал или «кричал как сумасшедший», императрица всея Руси откладывала в сторону бумаги с противоречивыми рассуждениями Иосифа II и Фридриха II в споре за баварское наследство и устремлялась к малышу, который почти сразу затихал. Екатерина делилась своей радостью с Гриммом:

«Я без ума от этого мальчугана... Каждый день мы приобретаем новые знания, иначе говоря, из

каждой игрушки мы делаем их десяток или дюжину и соревнуемся в том, кто лучше при этом проявит свои дарования. Удивительно, какими мы при этом становимся изобретательными!.. Пополудни мой малыш снова приходит на сколько хочет и проводит таким образом три или четыре часа в день в моей комнате...».[7]

Полное согласие царит между бабушкой и старшим из ее внуков. Восхищенная сообразительностью и обаянием Александра, царица учит его читать и писать, рассказывает ему о славных днях русской истории. Эта восторженная любовь, от которой отказался Павел, создает вокруг Александра настолько благоприятную атмосферу, что уже только поэтому ребенок становился лучше и красивее. «Он будет наследством, которое я завещаю России», — говорят, воскликнула однажды Екатерина. В отличие от Александра Константин, родившийся через полтора года, здоровье имел слабое и забот причинял много. «Я не поставлю на него и гроша; или я совсем ошибаюсь, или он не жилец на этом свете»,[8] — писала царица. Однако молоко кормилицы-гречанки, прибывшей прямо с горы Олимп, настолько его укрепило, что Екатерине II даже стало казаться близким возрождение греческой империи! Теперь оба брата, по-прежнему разлученные со своими родителями, играли на ковре в красном кабинете; когда к ним присоединялась императрица, смех там звучал не переставая ... Послушайте разговор между Александром и одной из фрейлин:

— На кого я похож? — спрашивает мальчик.
— Лицом — на Вашу мать.
— А манерами?
— На Вашу бабушку.

— Я так и думал! — восклицает Александр, бросаясь на шею женщине.

Вот несколько отрывков из писем Екатерины II Гримму:

Царское село, сего 23 августа 1779 г. «Когда г-н Александр приходит, я делаю из него обворожительного малыша. Удивительно, что, не умея говорить, этот ребенок знает в возрасте двадцати месяцев то, что неспособен понять любой другой ребенок трех лет. Бабушка делает из него все, что хочет. Пусть! Он будет премиленьким! Меня в этом не разубедить. Как он весел и доброжелателен! Уже сейчас он старается понравиться. Прощайте! Мне нужно идти играть с ним...».

Плесков, сего 14 мая 1780 г. «Вот уже два месяца, как, потихоньку законодательствуя, я принялась для собственного развлечения составлять маленький словарик изречений г-на Александра, которые отнюдь не дурны. Время от времени у него вырываются совершенно замечательные ответы. Поневоле задумаешься. Так, например, вчера, когда его портрет по моему заказу писал Бромптон, хороший английский художник, а мальчик никак не мог спокойно усидеть на месте, я спросила его: «Как же Вы держите себя, сидя перед художником?» На что он мне сказал: «Я не знаю, я ведь не вижу сам себя...». Я была поражена этим ответом, показавшимся мне очень глубоким, тем более что утомленный сеансом ребенок стал для меня сущим наказанием...».

Царское Село, сего 24 мая 1781 г. «Бог его знает, чего только не делает старшенький: он читает по складам, рисует, роется в земле, мастерит оружие, садится на лошадь, делает двадцать игрушек из одной, у него чрезвычайно

сильное воображение, он беспрестанно задает вопросы. Вчера он захотел узнать, как так получилось, что в мире есть люди, и для чего он сам появился в этом мире или на Земле. Я не знаю, но в голове у этого малыша зреют мысли исключительной глубины, и при всем при этом он так весел; посему я ни к чему его не принуждаю; он делает что хочет; мы не даем ему лишь причинять зло себе и другим».

Петергоф, 9 июля 1781 г. «...Это чудо-ребенок... Константин похож на Бахуса, тогда как Александр мог бы послужить художнику моделью Купидона...».

Царское Село, сего 3 июня 1783 г. «Если бы Вы видели, как г-н Александр мотыжит землю, сажает горох, высаживает капусту, идет за плугом, боронит и затем, весь в поту, бежит ополоснуться в ручье, после чего берет сеть и вместе с сударем Константином лезет в воду ловить рыбу. И вот они уже отделяют щук от окуней, потому что, видите ли, щуки поедают других рыб; надо, следовательно, держать их в другом месте. Чтобы отдохнуть, он идет к своему учителю письма или учителю рисования; он учится у одного и у другого по методу педагогической школы: мы делаем все это по своей воле, с одинаковым увлечением, даже не замечая, что мы делаем, и никто нас к этому не обязывает; мы веселы и живы, как рыбы в воде; нет ни нотаций, ни плохого настроения, ни упрямства, ни плача, ни криков; мы берем книгу для чтения с тем же настроением, с каким садимся в челнок, чтобы грести; и надо видеть

нас сидящими в этом челноке. У Александра удивительная сила и ловкость...».

25 апреля 1785 г. «Господа Александр и Константин выглядят прекрасно, они красивы, рослы, сильны, крепки, толковы, послушны; видеть их одно удовольствие. Я убеждена, что Александром будут всегда и в полной мере довольны, так как он соединяет большую уравновешенность характера с удивительной для его возраста любезностью. У него открытое, смеющееся, приветливое лицо; его устремления всегда благожелательны: он хочет преуспеть и во всем добивается большего, чем можно ожидать в его возрасте. Он учится ездить на коне, он читает, он пишет на трех языках, он рисует, и его ни к чему не принуждают; то, что он пишет, — это или история, или география, или избранные изречения, или что-нибудь веселое. У него прекрасное сердце...

Благородством, силой, умом, любезностью, знаниями г-н Александр значительно превосходит свой возраст; он станет, по-моему, наипревосходнейшим человеком, лишь бы всякие второстепенности не задержали его успехов...».[9]

И все же Александр, случалось, был равнодушен к бабушке, а Константин высказывался о ней в недопустимых выражениях.

* * *

В 1785 г., после смерти гувернантки детей, Екатерина доверила своих внуков заботам генерала Николая Ивановича Салтыкова, которому помогали ученый-географ Паллас, тонкий эрудит Михаил Муравьев, физик Крафт и богослов Самборский.

Салтыков, смахивавший своими повадками на обезьяну, был нескладен, кривоног, горбат, маленького роста, желтолиц, однако не стеснялся выставлять напоказ свое физическое уродство, когда появлялся во время утреннего выхода в окружении генералов. Французский эмигрант граф Ланжерон писал, что здоровье Салтыкова требовало постоянных забот. Он не мог носить подтяжек и поэтому был вынужден то и дело поддергивать известную часть своего туалета[10]. В довершение всего он отличался чрезмерной скупостью и постоянным лицемерием. Этот выдающийся в своем роде наставник главным образом старался предохранить обоих своих учеников от сквозняков и засорения желудка, на что Чарторыйский заметил, что для подобного ухода предпочтительнее был бы ветеринар.

* * *

В конце 1786 г. Екатерина II, отправляясь в путешествие в Крым, захотела взять с собой обоих внуков. Однако Павел этому воспротивился, и между ними произошел обмен довольно резкими письмами. Но тут как раз заболел Константин, и царица отправилась в путешествие одна. Раздосадованная, она написала Салтыкову, чтобы он не допускал во время ее отсутствия никакого вмешательства родителей в воспитание детей, никакого сближения!

По совету Гримма Екатерина, называвшая себя в шутку *«Universalnormalschulmeisterin»* (директрисой высшей педагогической школы), назначила учителем французского языка своих внучат Фредерика Сезара де Лагарпа. Этот 33-летний адвокат из швейцарского

кантона Во не поладил с властями Берна, которые мудро, но иногда тяжелой рукой правили этой областью с 1536 г. Когда стряпчий Штейгер спросил его во время одного из судебных заседаний: «Разве жители Во не знают, что они являются подданными Берна?» — гордый Лагарп вспылил, покинул зал и оставил профессию адвоката...

Новый наставник, который не был только «продавцом причастий», как говорили тогда в России, первым делом составил программу воспитания Александра, где изложил свою цель: сделать из Его Императорского Высочества просвещенного гражданина. Екатерина одобрила план — и наставник взялся за его осуществление. Он быстро выучил русский язык и полностью посвятил себя заботам о двух, таких разных, учениках: все выходило просто с одаренным, часто ленившимся, но послушным и ласковым Александром, и, напротив, во всем приходилось трудно с Константином.

Погожими летними днями царица часы напролет проводила в Царском Селе со своими внуками. Дети купались, плавали, катались на лодке, с увлечением играли в жмурки или бегали взапуски — но все это в отсутствие родителей. Мальчуганы гонялись за министрами, «брали в плен» генералов Барятинского и Львова.

Враждебное отношение великого князя Павла очень осложняло задачу воспитателя, однако царица, внимательно следившая за занятиями внуков, ободряла Лагарпа: высокие идеи, которым он обучал Александра, способствуют укреплению его души. Екатерина была бесконечно довольна стараниями учителя. Она пишет Гримму, что Александр —

восхитительный ученик. Обучающий его Лагарп связывает с ним самые высокие надежды. И самое главное, этот швейцарец Лагарп отнюдь не приукрашивает жизнь, он кормит Александра «горьким хлебом исторических фактов и рассказывает голую правду».

Александр очень ценил своего учителя. Он написал ему множество записок на своем тарабарском французском языке. Вот несколько образчиков в переводе, передающем всю их детскую неуклюжесть:

1785 г. «Простите мне, г. де-ла-Гарп, обещаюсь завтра исправиться».

1786 г. «Очень сожалею, что Вы нездоровы. Г.Салтыков приказал чтобы я учился с братом по-русски, патаму что не нашли бумаги, а Кавдий ушел.

Остаюсь Ваш покорнейший слуга

Александр».

1786 г. «...лишь бы на мои глаза я был совершенством, мне нет дела до сострадания разумных людей о моем невежестве.

Так приятно ни о чем не стараться, что я бы желал даже, чтобы другие могли за меня ходить, есть, пить и говорить, ничему так не завидую, как быть похожу на статую.

Александр».

1790 г. «Эгоист, лишь бы мне ни в чем не было недостатка, мне мало дела до других. Тщеславен, мне бы хотелось высказываться и блестеть за счет ближняго, потому что я не чувствую в себе нужных сил для приобретения истинного достоинства.

13 лет я такой же дитя, как в 8 и чем более я подвигаюсь в возрасте, тем более приближаюсь к нулю. Что из меня будет? Ничего, судя по наружности»[11].

Александру нравилось гуманистическое, широкое образование, которое он получает от своего гувернера. Он ценит «свободу, одинаково данную всем людям»; мечтает о равенстве и братстве; страстно желает свершить великие дела. Во время Великой французской революции Лагарп продолжает давать уроки либерализма будущему царю, однако императрица ничуть ему в деле воспитания не противоречит, хотя и называет Революцию «гниющим и смердящим чудовищем» и восклицает, что нужно подавить анархию, уничтожить адвокатов и сапожников, обманщиков, преступников, бандитов, которые завладели властью. «Дело короля Франции — это дело всех королей. 10 тыс. солдат и полмиллиона денег будет достаточно, чтобы вернуть власть», — так наивно считает она[12]. Но не дает ни единого солдата, ни единого рубля! Вот удивительное по своему простодушию высказывание! Царица еще не чувствует силу ветра, который проносится над Францией. Она пишет Гримму: «Французские революционеры — это висельники, которые сами лезут в петлю...» (27 августа 1791 г.)[13].

* * *

«14-летний Александр не имеет себе подобных в мире», — утверждал Ростопчин. На следующий год Екатерина II говорит, что он и вырос, и очень красив, и обладает чрезвычайной скромностью. *«Das ist unser Herzblatt»* («Это отрада нашего сердца»). «А душа у Александра еще прекраснее, чем его тело», — добавлял Воронцов. Однако этот прекрасный юноша был подвержен легкой глухоте, вызванной артиллерийской стрельбой. С годами глухота

усилится. К сожалению, леность все более его одолевает; его явно волнуют необоримые физические желания, что не может укрыться от проницательного ока царицы, великой умелицы в этих делах!

По приглашению Екатерины, которую Чарторыйский совершенно несправедливо называет «честолюбивой, грубой, злобной, мстительной, не признающей законов, бесстыдной (!) женщиной»[14], в октябре 1792 г. в Санкт-Петербург прибыли принцессы Луиза и Фредерика Баденские, 13 и 11 лет. «Это запасец на будущее! Это дьявольская шутка, которую я играю с Александром, вводя его в искушение», — писала самодержица Гримму. Луиза Баденская сообщала своей матери, что жених ей очень нравится и, кажется, он тоже ее любит. Он сказал ей, что с нетерпением ждет Пасхи, чтобы открыто пожать ее руку, потому что сейчас несколько раз уже делал это, но под столом! На следующий год юная принцесса переменила веру и вышла замуж за прекрасного Александра, став великой княгиней Елизаветой Алексеевной. Лишь с большим трудом удалось уговорить Павла принять участие в брачной церемонии, так как с ним и не подумали посоветоваться о женитьбе его старшего сына!

Супруге тогда было 14 лет, а супругу — 16. «Эта пара прекрасна, как ясный день, в ней пропасть очарования и ума... Это сама Психея, соединившаяся с любовью»[15], — сообщает Екатерина «господину подневольному слушателю» Гримму. Чарторыйский подтверждает ее слова, говоря, что невозможно было увидеть более прекрасную пару.

Оба блистали грацией, юностью и добротой. Воспитатель Александра Протасов пишет о его юной супруге: «В ней виден разум, скромность и пристойность во всем ее поведении, доброта души ее написана на глазах, равно и честность»[16].

Молодожены устроились в просторных и роскошных покоях Зимнего дворца на то время, пока в Царском Селе, в нескольких километрах от Гатчины, для них строился новый дворец. Их двор насчитывал около 15 человек. Во время одного из приемов молодая принцесса поскользнулась, упала и несколько секунд оставалась без чувств. Суеверные люди (а их было много тогда!) увидели в этом дурное предзнаменование. Однако Александр говорил Лагарпу, что невозможно быть счастливее его. Ах, как временно было очарование, как эфемерна страсть! Потеря двух детей черным облаком накроет это счастье[17].

Благодаря настойчивости Лагарпа Александр научился хорошо говорить по-английски, писать по-французски и по-русски. Ростопчин отмечал, что хотя у великого князя самая лучшая в мире натура, он ленив и не хочет ничем заниматься; к книгам даже не прикасается. Это справедливо, и сам Александр писал:

«Я решительно не способен ни к какому соревнованию и жажде знаний и лишь бы я ел и пил, мог играть, как шестилетний ребенок, и болтал, как попугай, мне ничего более не нужно. Я все-таки буду довольно смышлен; к чему же мне стараться? *Принцы, подобные мне, знают все, ничему не учась!..»*[18].

Будем, впрочем, беспристрастны и прибавим к этому, что временами Александр занимался с большим усердием.

* * *

Казнь Людовика XVI и Марии-Антуанетты, а также последовавшие за этим кровавые события вызвали негодование царицы. По наущению придворных она решила уволить Лагарпа, считавшегося слишком «левым». Однако тому была и другая, более личного характера причина: 18 октября 1795 г. во время двухчасового разговора с глазу на глаз с Лагарпом царица пыталась выведать у него, как бы он отнесся к возможному восшествию Александра на престол после устранения его отца, Павла. В полном замешательстве наставник перевел разговор на другую тему. Позже он рассказывал, что это были два самых тяжелых часа в его карьере и что мысли об этой беседе отравляли ему последние дни пребывания в России. С этого момента он всеми способами старался избегать царицу, раздраженную тем, что не нашла в нем желаемого помощника. Он был уволен.

* * *

Каким было политическое кредо воспитателя царя? Был ли он «пылким республиканцем»? Проник ли вместе с ним в обиталище царей революционный дух? В глазах Валишевского Лагарп был чем-то вроде поджигателя, который раздувал пожар, готовившийся в Европе!

2 декабря 1794 г. Салтыков уведомил Лагарпа, что исполнение его обязанностей окончится 31-го числа, однако этот срок был отодвинут. 31 января 1795 г. граф Салтыков получил следующий рескрипт императрицы:

«Граф Николай Иванович, находившегося при любезных внуках наших великих князьях подполковника Фридриха Лагарпа, в изъявление нашего благословения к трудам, им понесенным при воспитании их высочеств с успехом, пожаловав в полковники, увольняем из службы нашей и повелеваем отпустить в отечество, производя ему сверх пенсии, указом нашим от 10-го мая 1793 года определенной, полное по чину жалованье из того места, откуда он и прежде получал, на проезд же выдать тысячу червонных, истребовав оные из нашего кабинета. Пребываем вам благосклонны.

Екатерина»[19].

Действительно ли идеи швейцарца-воспитателя так уж были похожи на мысли Робеспьера? (Валишевский). Был ли он «негодяем»? (Панин). Набил ли этот нелепый педагог голову своего ученика отвлеченными понятиями, гуманистическими и философскими мыслями, оставив его в неведении о действительности? (Палеолог). Был ли он «грязным якобинцем», «опасным революционером», как постоянно говорил о нем великий князь Павел? Нет! Будучи либералом, демократом, истинным христианином, Лагарп учил своих воспитанников любви к ближнему, уважению к человеческому достоинству и справедливости; он превозносил чувство долга и преданности Родине. Он полностью отдал себя делу и, как писал в письме своему другу Луи Фавру, «старался дать почувствовать князю Александру и хорошенько убедить его в том, что все люди рождаются равными и что наследная власть некоторых есть дело чистого

случая». Вот так! И поэтому признаем, что идеи этого убежденного республиканца были полной противоположностью тем, что разделял русский двор, и Лагарп оказался явно «не ко двору». Несмотря ни на что, друг молодых лет царевича Адам Чарторыйский отдавал ему должное; он считал, что Лагарп был единственным человеком, которого с похвалой можно упомянуть среди всех тех, кому доверено было воспитание обоих великих князей. В своем блестящем труде о Екатерине II г-жа Лаватер-Сломан пишет: «Благодаря Лагарпу Александр стал человеком с широким сердцем, либералом, проникнутым идеями всеобщего братства...»[20].

* * *

Узнав об увольнении своего воспитателя, Александр с рыданиями бросился ему на шею. 9 мая 1795 г., в день отъезда Лагарпа, он тайком пробрался в Таврический дворец и передал ему усыпанные бриллиантами свой и великой княгини портреты вместе с таким взволнованным посланием:

«Прощайте, любезный друг, чего мне стоило сказать Вам это слово. Помните, что Вы оставляете здесь человека, который Вам предан, который не в состоянии выразить Вам свою признательность, который обязан Вам всем, кроме рождения... Будьте счастливы, любезный друг, это желание человека любящего Вас, уважающего и почитающего выше всего. Я едва вижу, что пишу.

Прощайте в последний раз, лучший мой друг, не забывайте меня. — Александр.

Жена поручает повторить Вам, что она вовек не забудет всех Ваших о ней попечений.

Еще раз*, мой дорогой, мой друг, мой благодетель».

Впоследствии Александр будет писать Лагарпу письма, из которых мы приводим несколько отрывков:

27 октября 1795 г. «...Мне Вас ужасно не хватает... Обнимаю Вас тысячу раз.

Александр».

21 февраля 1796 г. «Любезный друг! Как часто я вспоминаю о Вас и обо всем, что Вы мне говорили — когда мы были вместе! Но это не могло изменить принятого мною намерения отделаться со временем от моего бремени. Оно день ото дня мне становится все более невыносимым по всему, что я вижу вокруг себя. Непостижимо, что происходит: все грабят, почти не встречаешь честного человека; это ужасно... Я навеки Вам верный друг».

12 марта 1796 г. «Обязан Вам всем: моим нравом, правилами, нравственностью, немногими моими познаниями, которых бы я мог приобрести в гораздо большем количестве, если бы лучше воспользовался неисчислимыми Вашими обо мне попечениями, за которые я никогда с Вами иначе расплатиться не могу, как моими безграничными преданностью и уважением к Вам, любезный друг... Ваши советы... мне всегда драгоценны... Дружба моя к Вам продлится до гроба, так же как и моя признательность.

Александр».

---

* Видимо, пропущено слово «прощайте». — *Прим.ред.*

13 октября 1796 г. Зимний дворец. «...Жена многим способствует моему довольству, ибо нельзя быть счастливее нас... Ах! Зачем Вы не здесь!»[21].

* * *

Обеспокоенная ограниченностью, грубостью, жестокостью своего сына Павла и его непомерным восхищением Фридрихом II, Екатерина часто говорила своим приближенным: «Я вижу, в чьи руки попадет Империя после моей смерти! У моего преемника будет только одна цель: превратить Россию в прусскую провинцию!..». Она не скрывала от них своего желания отстранить сына от трона. Павел же, превращаясь во все более деспотичного сумасброда, подвергал безудержной критике политику матери. Посол де Сегюр даже сказал ему: «На то, что императрица не зовет Вас на заседания Совета и никак не привлекает Вас к делам, позвольте мне заметить Вам, что ей трудно действовать иным образом, так как она знает, что Вы осуждаете ее наклонности, ее связи, ее систему управления и ее политическое поведение»[22].

Вынужденный лавировать между императорским дворцом и гатчинской резиденцией, Александр расточает свои улыбки всем, льстит и одним, и другим; питая недоверие к обоим дворам, приобретает привычку скрывать свои мнения и чувства. 10 мая 1796 г. он пишет письмо князю Виктору Кочубею, на многое проливающее свет:

«Я отнюдь не доволен своим положением... Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей,

совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих, в моих глазах, медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя лакеями; а между тем они занимают здесь высшие места... которые, будучи надменны с низшими, пресмыкаются перед теми, кого боятся... Я сознаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал клятву отказаться... Считаю излишним просить Вас не сообщать о ней (важной тайне) никому, потому что Вы сами поймете, как дорого я мог бы за нее поплатиться»[23].

* * *

Лагарпу было легко с Александром, но совсем по-другому обстояло дело с Константином — непослушным, недисциплинированным, резким, как его отец и дед. Наставнику пришлось проявить непреклонную твердость, чтобы обуздать эту буйную голову. Однажды в припадке ярости Константин по-звериному укусил Лагарпу руку. В другой раз он крикнул ему: «Когда я вырасту, я войду со всеми моими армиями в Швейцарию, чтобы разрушить вашу страну!» — на что наставник спокойно ответил, что на его родине, около маленького города Мора, есть здание, где хранятся кости тех, кто наносит подобные визиты!

Процитируем отрывки из писем Константина своему «тирану»:

28 ноября 1788 г. (маленькому нахалу было тогда 9 лет. — *Авт.*): «Милостивый государь! Имею честь осведомиться о состоянии Вашего здоровья и

сказать Вам, что г.Солтыков освободил нас от продолжения написанного Вами урока. Если Вы хотели завтра выдти, то прошу Вас этого не делать, если же Вы не хотите выдти завтра, то не присылайте нам уроков, потому что у меня довольно дела»[24].

Но когда Константин успокаивается, он, кажется, сожалеет о своей резкости и хамстве. Он пишет:

«Милостивый государь!

Прошу Вас простить мне вину мою... Будьте уверены, что впредь буду вести себя хорошо. Прошу Вас простить мне.

Константин»[25].

В один прекрасный день Лагарп назвал Константина *«молодой человек»*. Посчитав свою честь задетой, ученик ответил ему: «Я князь, а не молодой человек!..» Воспитатель не остался в долгу и обозвал его *«ослом»*... Вот почему после отъезда Лагарпа в Швейцарию молодой князь подписал несколько своих писем словами *«осел Константин»*, *«Константин асинус»* и заметил бывшему учителю: *«Черного осла не отмоешь добела!..»*. Однако в его же письмах можно прочесть: «Сохраните мне Вашу дружбу и верьте всегда в чувства признательности, которыя я к Вам питаю за Ваши обо мне попечения. Верьте в искреннее уважение и отличное почтение, с которыми навсегда пребуду. Ваш преданный Константин»[26]

(24 декабря 1826 [5 января 1827] Варшава.)

Константин женился на принцессе Юлиане Сакс-Кобургской, когда той было 15 лет. Она перешла в греко-православную веру и приняла имя Анны. Очень быстро молодой супруг проникся к ней отвращением. Однажды около четырех часов утра, когда она еще спала, Константин вызвал в ее кори-

2—591

дор целую команду трубачей и приказал трубить зорю. Принцесса была так напугана, что чуть не умерла. Вначале она стойко переносила дикие чудачества своего грубияна мужа, но настал момент, когда ее силы и терпение иссякли, и она окончательно покинула Россию в 1801 г.[27]

Всю свою жизнь Константин выражался языком «человека из низов», утверждал Ростопчин, а уж он-то знал в этом языке толк...

* * *

В марте 1792 г. король Швеции Густав III был смертельно ранен на балу в стокгольмской Опере. Он оставил корону своему сыну Густаву IV, опекуном которого стал герцог Седерманландский, дядя молодого монарха. Летом 1796 г. после трудных и затяжных переговоров 18-летний Густав IV прибыл в Санкт-Петербург для встречи с очаровательной дочерью Павла Александрой. Молодые люди как нельзя лучше поладили между собой, все время проводили вместе, не сводя друг с друга глаз. 27 августа рука Александры была обещана молодому государю. Екатерина II писала Гримму, что любовь растет не по дням, а по часам. Помолвка была назначена на 11 сентября.

Вечером этого дня величественная и улыбающаяся царица в короне и со скипетром воссела на трон, окруженная всеми членами императорской фамилии. На своих местах расположились дипломатический корпус, сановники, сенаторы, придворные, офицеры в парадной форме, дамы в своих самых красивых нарядах. Весь внимание, дирижер оркестра ждал, когда откроются двери, чтобы грянуть

шведский гимн в честь сына короля Густава III. Но минуты текли, назначенное время прошло. Удивленные дипломаты обменивались вопросительными взглядами. Невеста страшно побледнела; ее отец, великий князь Павел, нахмурил брови; тягостное молчание повисло над залом. Лишь царица оставалась, как всегда, бесстрастной: не зря она заслужила прозвище *«Невозмутимая»*. Наконец дверь открылась!.. Но это был лишь министр Платон Зубов, он подошел и прошептал несколько слов на ухо Екатерине II. Все взгляды устремились на царицу, которая после секундного раздумья громко произнесла: «Его Величество Густав IV внезапно почувствовал себя плохо. Церемония откладывается!..» И в то время как императрица медленно пересекала тронный зал под руку со своим внуком Александром, невеста упала в обморок...

В действительности король Швеции и не думал болеть: он отказался подписывать брачный договор, определявший, что, несмотря на переход в лютеранскую веру, Александра оставит при себе православных священников и сможет ходить в свою часовню в стокгольмском королевском замке. Охваченный возмущением молодой шведский государь швырнул текст договора на пол! Несколько дней спустя он покинул Россию, чтобы никогда не возвращаться[28].

Царица была глубоко уязвлена этим публичным оскорблением. В течение нескольких последующих недель она проявляла нежную заботу об убитой горем невесте, а сама спасалась одиночеством. Она изменила образ жизни, появлялась на людях лишь в воскресенье на богослужении и на обеде; ходить она стала медленно, мелкими шажками.

5 (16) ноября 1796 г., вопреки своему обыкновению, 67-летняя царица не позвала к себе слуг. Встревоженный этим первый камердинер робко постучал в дверь. Не получив ответа, он вошел в покои и увидел императрицу, неподвижно лежавшую на ковре в гардеробной. Ее сразил удар. В течение некоторого времени она еще дышала, ужасно хрипя, а потом скончалась, так и не приходя в сознание.

Узнав о ее кончине, принц де Линь воскликнул: «*Екатерина Великая* умерла! Эти слова страшно произнести!.. Погасла самая яркая звезда, которая освещала наш небосклон!..».

И в тот момент, когда первые хлопья снега опускались на Санкт-Петербург и на молившийся за свою «матушку» коленопреклоненный народ, некий молодой генерал перешел через Аркольский мост. Его звали Наполеон Бонапарт... За несколько лет до этого Екатерина II предрекла, что если Франция переживет Революцию, то она станет сильнее, чем когда бы то ни было. Однако для этого ей понадобится выдающийся человек, превосходящий своих современников, превосходящий даже весь свой век[29]. Родился ли он? Придет ли он? Да, он родился. Он пришел. Он был рядом.

Глава 2

ЦАРСТВОВАНИЕ И СМЕРТЬ ПАВЛА I (1796 — 1801 гг.)

Затем что я сочту, быть может, нужным
В причуды облекаться иногда...

Шекспир, Гамлет, акт I, сцена 5.

В России дворянином может быть лишь тот, с кем я говорю, и лишь тогда, когда я с ним говорю...

Павел I

Его голова была лабиринтом, где заблудился разум...

Из мемуаров графини Головиной

8 ноября 1796 г. Екатерина II совсем недавно испустила последний вздох. К собравшимся придворным вышел граф Самойлов и с торжественным видом на глупом лице напыщенно произнес: *«Господа! Императрица скончалась, и Его Величество Павел Петрович соблаговолил взойти на престол всея Руси!..»*.

Вместе со своими сыновьями Александром и Константином, надевшими по приказу отца прусские мундиры, в сопровождении высших сановников Павел I прошел в церковь, чтобы принять там присягу на верность. Бросая на всех злобные взгляды, новый царь не мог скрыть радости. Подчеркну-

то желая приобщить к своему восшествию на престол покойного Петра III, он отдал чрезвычайные распоряжения, описанные послом Стедингом:

«...Император решил перенести останки своего отца в гробницу императоров в крепости.* До сих пор они находились в Александро-Невской лавре, где были погребены без почестей и обряда после того, как их выставили на обозрение в течение нескольких дней. Заупокойная служба по нем уже началась в часовне Зимнего дворца, и за два дня до переноса тела императрицы его тело будет отправлено в церковь при крепости. Там готовят два возвышения-катафалка, на которых мы увидим императрицу рядом со своим супругом, по случаю чего будут произнесены все возможные в таком случае надгробные речи... Траур будут носить по Петру III и Екатерине II. Их гробы будут поставлены на один катафалк, но погребены они будут в разных могилах...» *(Донесения королю Швеции от 23.XI. и 24.XI. 1796г.)*

Как будто желая поразить всеобщее воображение своими экстравагантными выходками, Павел I заставил нести посмертную корону отца того самого Алексея Орлова, который 34 года назад собственноручно отправил Петра III в мир иной. Затем он сделал графом Империи Алексея Бобринского, незаконнорожденного сына Екатерины II и Григория Орлова, появившегося на свет в правление Петра III. Более того, он вернул Бобринскому имения и 20 тыс.

---

* Имеется в виду Петропавловская крепость. — *Прим. ред.*

крестьян, которые Екатерина ему дала, а потом отобрала из-за скандальных похождений.

В начале 1797 г. коронация Павла прошла в Москве с необычайной пышностью. По примеру византийских императоров царь был одет в мантию из красного бархата, а поверх нее в золотой плащ, подбитый горностаем. Получив помазание Божие, он подошел к престолу и сам возложил императорскую тиару на свою главу, а затем короновал супругу, так как считал себя Избранником Божиим. Зачитанная вслед за тем грамота наделяла его титулом и правами «главы церкви», а не просто «покровителя церкви», как его предшественников. С этого момента Его Величество мог сам брать на алтаре чашу со святыми дарами и совершать обряд причастия без священника. Затем был зачитан закон о престолонаследии по прямой нисходящей линии, *от лица мужского пола к лицу мужского же пола,* в порядке первородства. Все, больше никаких Екатерин! Никаких Елизавет! И никаких случайных правителей, избранных боярами, стрельцами или чернью!..

На обеде, последовавшем за коронацией, блюда разносились полковниками в сопровождении двух офицеров гвардии, которые брали «на караул» всякий раз, когда кушанье подавалось Его Величеству!.. Блеск праздничных костюмов и парадных мундиров, богатство убранства, сияние драгоценностей лишь еще резче подчеркивали уродство Павла I: плохо сложенный, со вздернутым и приплюснутым носом, огромным ртом, выдающимися скулами, более похожий на лапландца, чем на славянина, царь был начисто лишен статности. Важный вид, который он на

себя напускал, скованные манеры и позерство делали его еще более комичным.

* * *

В юности Павел мог быть и нежным, и жестоким, сентиментальным и грубым, доверчивым и подозрительным. С годами его недостатки не только не смягчились, но и усилились в ущерб достоинствам. В последние месяцы жизни Екатерины II Павел с женой затворниками сидели в Гатчине или Павловске, а затем в промозглом Михайловском замке, где у них был многочисленный собственный двор. Мария Федоровна занималась литературой, читала, делала гравюры на камне. Считавший себя незаконно лишенным короны, Павел либо до смерти скучал, либо играл в войну, по 10 часов на день выкрикивал команды, воображая себя то Петром Великим, то своим кумиром королем Пруссии Фридрихом II! Все вызывало в нем раздражение и гнев: одежда и фельетоны, офицерская обувь и слова «свобода», «клуб». Муштровка, парады, ружейные приемы заменили тактические учения и стратегию. Даже самые старые офицеры подвергались такому же жестокому обращению, как и новобранцы.

Федор Головкин, один из приближенных ко двору, оставивший очень интересные воспоминания о той эпохе, писал, что двор при новом царе был постоянно взбудоражен бесчисленными церемониями. Приходилось подходить к царю по двое, становиться на колени и целовать ему руку. Мало того, Его Величество непременно хотел слышать, как при этом колено твердо

стукалось о пол, и чувствовать прикосновение губ к своей императорской длани...[1]

Павел окружил себя «гатчинцами» — прибывшими с ним из Гатчины солдатами в разномастных мундирах, а также старыми придворными, носившими прежние дворцовые наряды. Он с удовольствием повторял: «Я только солдат и не вмешиваюсь ни в управление, ни в политику». Он запретил круглые шляпы, длинные штаны, сапоги с отворотами, ботинки со шнурками. Те, кто не имел средств или собственного поставщика, носили маленькие шляпы, с помощью булавок переделанные в треуголки и подвернутые внутрь брюки, стянутые чем-нибудь у колена. Даже англичане, состоявшие на службе в России, были вынуждены подчиниться этим приказам!..

43-летний царь представлял собой причудливую смесь жестокости, порочности, пошлости, мистицизма и чувственности. Честный, прямой, набожный в свои молодые годы, он стал недоверчивым, неуравновешенным, резким и грубым; боялся, что его предадут, зарежут или отравят. Был ли он сумасшедшим? Нет, всего лишь неуравновешенным по характеру!

Императрица Мария Федоровна, несмотря на все разочарования и опасения, оставалась очень привязанной к своему мужу и старалась внести в его душу успокоение. Однако жестокие выходки и приступы ярости становились все более частыми; доходило до того, что царь оскорблял жену даже в присутствии слуг! Ростопчин[2], для которого весь двор служил предметом язвительных насмешек, делал исключение для Марии Федоровны. Он писал, что эта женщина заслуживает поклонения, она — сама добродетель!

Пусть так! Но почему же, безропотно перенося связь мужа с девицей Нелидовой, она так злобно обращалась со своей невесткой Елизаветой, молодой супругой Александра?

Очень мрачную картину существования, на которое Павел обрек жену, детей и приближенных, нарисовал Ростопчин. Царь совершенно не владел собой. Здравого смысла было мало в его голове и еще меньше в поведении; невозможно без жалости и страха смотреть на все, что он делает. Он, казалось, сам выдумывал поводы для того, чтобы к нему питали отвращение. Вбил себе в голову, что его презирают и стараются быть с ним непочтительными; ко всем цеплялся и наказывал без разбора. Малейшее опоздание, малейшее противоречие заставляло его терять самообладание, и он вскипал. Каждый день только и слышно было о приступах ярости, о мелочных придирках, которых постеснялся бы любой простой человек.

Он не любит своего сына Александра, так как от доносчиков узнал, что Екатерина хотела напрямую оставить ему трон. Он ненавидит свою невестку, так как ее выбрала покойная царица. Александр находился в таком отчаянии, что 27 сентября 1797 г. написал письмо Лагарпу, тайком передав его через отправлявшегося в Швейцарию своего друга, графа Новосильцева:

«Мой отец, по вступлении на престол, захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им...

Военные почти все свое время теряют исключительно на парадах. Во всем прочем решительно нет никакого строго определенного плана. Сегодня приказы-

вают то, что через месяц будет уже отменено… Благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот. Невозможно перечислить все те безрассудства, которые совершались здесь… Мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите по ней, насколько должно страдать мое сердце…»[3].

Супруга Александра Елизавета писала своей матери, что Павел I приказал высечь офицера, ответственного за снабжение царской кухни, потому что каша показалась ему плоха; его избивали на их глазах выбранной самим царем довольно толстой палкой. Больно, ужасно больно было видеть каждый день столько несправедливости и грубости, жаловалась она.

Граф Стединг писал в Стокгольм: «К беспокойству знати прибавился страх народа…» А князь Адам Чарторыйский, проведший многие годы рядом с Павлом и его семьей, показывает нам его чрезвычайно изменчивый характер: «…император на всю остальную часть дня становился довольным или раздраженным, снисходительным или строгим и даже ужасным»[4].

Замечательный историк Борис Муравьев писал: «Каждый день Павел присутствовал на параде конной гвардии. И если какой-нибудь офицер совершал ошибку, то царь хлестал его своей тростью, подвергал разжалованию, ссылал в Сибирь или тут же и навсегда заставлял надеть мундир простого солдата!.. За промашку

наказывали кнутом, тюрьмой и даже вырывали ноздри, отрезали язык или уши, подвергали другим пыткам...»[5].

Наконец-то Павел держал в руках столь желанный скипетр и располагал абсолютной, безграничной властью, позволявшей ему свести счеты со всеми, кто его презирал или избегал! Наконец-то пробил час мести!.. Он сослал своих противников и последнего фаворита Екатерины II; он призвал в столицу людей своего покойного отца. Со всех концов Империи, как в день Воскресения, объявились умершие 35 лет назад гражданской смертью старцы, чуждые нравам двора, все манеры которых заключались в наглой походке и взгляде...

Царь отправил в отставку 7 маршалов и более 300 старших офицеров за мелкие проступки или просто потому, что они ему не нравились. Сотни гражданских лиц, сочтенных «якобинцами», были подвергнуты преследованиям. Павел сократил число «губернаторств», восстановил «коллегии». Он снова объявил дворян подлежащими телесным наказаниям, от которых Екатерина II избавила их в 1785 г.; он уменьшил барщину и оброк, тем самым ограничив их права на крепостных. Были ли эти решения вызваны чувством справедливости или проявлением великодушия по отношению к крестьянам? Нет! Исключительно ненавистью, которую он питал к дворянству. Даже вернув из ссылки Радищева и ему подобных, он тем не менее отправил сотни несчастных в Сибирь и низвел до положения крепостных полмиллиона украинских землепашцев, часть из которых роздал своим сторонникам. В газетах того времени можно было прочесть: «...продаются дворовые люди: девка 18 лет, которая умеет шить цве-

тами и белье чинить, из крестьян; мужик 40 лет, женщина 35 лет, сын 14 и девка 16 лет; все они хорошего поведения; серый попугай, который говорит чисто по-русски и песни поет, да гнедой рысак... Тут же отдается лакей с женой в услужение, лакей — портной, а жена — хорошая прачка и шьет в тамбур цветами и блонды плетет; оба хорошего поведения...»[6].

Павел I изъял из обращения знаменитый *«Наказ»* покойной царицы, составляя который она вдохновлялась трудами Монтескье и Беккариа. Все, что его мать создавала в течение 34 лет своего царствования, было предано забвению. Один быстрее другого последовали более 500 противоречивых и в большинстве своем невыполнимых законов нового царя. Он, считавший себя наместником Бога на земле, вел себя как тиран. Под ударами его дубинки Россия стала адом.

Страстно увлеченный, как и его отец, армией, Павел I особенно следил за тем, что называется *«drill»* (муштровка), и за обмундированием своих солдат. Менее чем за 5 лет он... девять раз сменил мундиры конной гвардии! Старый маршал Суворов ни во что не ставил новую форму, треуголки, парики, косички на прусский манер, которые солдаты обязаны были носить. «Пудра не порох, букля не пушка, коса не тесак, а я не немец, а природный русак»[7], — говорил он. За выражение недовольства он был сослан в свою деревню.

Новый деспот, вместе со всеми отбивавший шаг на публичных церемониях, простер свою «заботу» и на гражданских лиц: он заставил стричь волосы, удлинить слишком короткое платье, запретил жилеты, напоминавшие ему о ненавистной Французской

революции. Все — мужчины и женщины — должны были немедленно выходить из своих карет, когда им выпадала невиданная честь встретить Его Царское Величество, и приветствовать Его в глубоком поклоне, стоя хоть в грязи, хоть в луже, хоть в снегу. И горе непослушным или рассеянным — полиция хватала их и сурово наказывала. Вскоре улицы столицы стали пустеть в час царской прогулки. А вот солдатам стали чаще раздавать хлеб, мясо, водку, деньги. Наказания, порка, аресты и даже ссылки били главным образом по офицерам; для этого достаточно было тусклой пуговицы, не в лад поднятой при маршировке ноги!

Как настоящий театральный режиссер, Павел I руководил многочисленными репетициями официальных церемоний. В то же время в целях экономии он отменил балы и приказал заменить во дворцах люстры свечами. Дабы порядок был совсем уж безупречным, он прибег к светским талантам и опыту своего слуги-брадобрея, возведя его в графское достоинство и назначив личным советником, а затем и обер-шталмейстером! Во время редких приемов при дворе деспот показывал язык тому, кто ему не нравился, посылал маршала, офицера или лакея передать ему оскорбительное ругательство. Однажды он «любезно» сообщил министру Баварии, что тот «скотина»! Наказания сыпались градом. Тех, кто осмеливался защищаться, ждала отставка, изгнание, ссылка в Сибирь…

Число сосланных увеличивалось с пугающей быстротой, везде — при дворе, в городах, в армии, в самых отдаленных уголках Империи — царил страх. Никто не знал, что его ждет завтра. Сибирь заселялась незаурядными людьми. Федор Головкин

писал, что Павел ссылал не тех, кто более всего провинился — никто и не думал стать ослушником, — а самых спокойных, наименее раболепных. Через несколько лет в Петербурге не нашлось бы ни одного человека, ни одной семьи в том состоянии, в котором оставила их, умирая, Екатерина.

* * *

Отличалась ли внешняя политика Павла I теми же чертами, что и внутренняя?.. Он прекратил полученную им в «наследство» от Екатерины II войну против Персии. Он оповестил иностранные дворы о приверженности России миру, предложил восстановить опрокинутые Великой французской революцией троны. Иностранные книги и платье были им запрещены, а граница закрыта. В декабре 1798 г. он создал «вторую коалицию» с Англией, Австрией и Турцией. Он опубликовал в газетах вызов другим государям: пусть тот, кто отказывается войти в союз с Россией, приезжает разрешить спор в рыцарском поединке! Он послал в Эгейское море черноморскую эскадру адмирала Ушакова, которая заняла Ионические острова, высадила десант в Южной Италии и захватила в 1799 г. занятый французами Рим. Суворов, жаждавший помериться силами с Бонапартом, был возвращен из ссылки. Во главе русских и австрийских войск он занял Турин и Милан, разбил французских генералов Моро, Жубера и Макдональда. Затем он перешел через Альпы у Сен-Готарда, однако поражение армий Корсакова и

принца де Конде заставило его отступить и стать на зимние квартиры в Баварии.

Тем временем между Россией и Австрией возникли споры. К тому же англичане отказались передать России остров Мальту, что вызвало ярость Павла I, принявшего к тому времени титул великого магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского. И тогда, резко сменив курс, царь отозвал назад свои армии и заключил «Акт о вооруженном нейтралитете» со Швецией, Пруссией и Данией (январь 1801 г.), чтобы перекрыть англичанам вход в Балтийское море и сохранить неприкосновенность судов под нейтральным флагом. Он выгнал Людовика XVIII и его небольшой двор из Митавы (Елгавы), тогдашней столицы русской Курляндии, и отменил выплату назначенной ему пенсии в 200 тыс. рублей. Его дикая ненависть к Бонапарту превратилась в страстное обожание; полное презрение уступило место горячему восхищению!.. Ловко этим воспользовавшись, Бонапарт, не требуя выплаты издержек и не ставя никаких условий, отправил на родину содержавшихся во французском плену русских офицеров и солдат.

Царь порвал дипломатические отношения с Лондоном. Чтобы нанести смертельный удар Англии, он обдумывал совместную с Бонапартом кампанию по завоеванию Индии. Не ожидая завершения начатых в Париже переговоров и не прислушиваясь к мнению своих генералов, он приказал 22 тыс. донских казаков идти в поход на Туркестан. Бонапарт, узнав об этом, якобы рассмеялся: «В табакерке моего друга Павла мой портрет. Он меня очень любит, и я этим пользуюсь! Потому что он скор на действия, мой друг Павел, очень скор!..». И даже слишком скор! И действительно, без предварительной

разведки, без плана кампании, без карт, даже не организовав снабжение, медицинскую помощь и транспорт, царь бросил своих несчастных солдат в неведомый Туркестан, и это в разгар зимы, когда бушевали страшные снежные вьюги! Это было больше чем ошибкой, это было преступлением против своих собственных войск.

* * *

После восшествия на престол царь назначил Александра военным губернатором Санкт-Петербурга, сенатором, генеральным инспектором кавалерии и почетным полковником знаменитого Семеновского полка. Однако это не были просто почетные звания, и Павел опасался сына, его недоверие к нему возрастало с каждым днем. Он иногда передавал Александру через дежурных офицеров, что тот «исключительная свинья» или «скотина». Вскоре всемогущий властитель перестал скрывать свое намерение лишить Александра престола, избрав взамен его принца Евгения Вюртембергского, 13-летнего племянника супруги, которого намеревался женить на своей дочери Екатерине. Александра и его жену он хотел заточить в какой-нибудь монастырь[8], своей невестке запретил переписываться с родными. Позже она призналась княгине Головиной, что у нее было чувство, будто она находилась в сумасшедшем доме. А ведь ничто в поведении Елизаветы не оправдывало подобного отношения к ней Павла.

Враждебность царя к Александру усиливалась. Каждый день, в 7 часов утра и в 8 часов вечера, царевич должен был представлять отцу рапорт по

гарнизону. Современник писал, что оба великих князя смертельно боялись своего отца. Одного его гневного взгляда было достаточно, чтобы они побледнели и затряслись, как листья на осеннем ветру[9]. Они подчинялись безжалостной дисциплине, подвергались постоянному надзору. Павел удалил от Александра преданных ему офицеров и гражданских лиц. Однажды в комнате старшего сына он нашел на столе трагедию Вольтера «Брут». Тотчас же поднявшись в свои апартаменты, он взял книгу о Петре Великом, открыл ее на странице с описанием суда над Алексеем, пыток, перенесенных царевичем-наследником, и его смерти, позвал Кутайсова и приказал дать прочитать этот рассказ царевичу. Имеющий уши да слышит!..

Александру не помогала даже его покорность и то, что, желая угодить отцу, он стал носить прусский мундир сразу после смерти Екатерины. Однажды во время парада адъютант императора огромными шагами подбежал к Александру, окруженному старшими офицерами, и прокричал ему: «Его Величество приказало мне сказать, что Оно никогда не видело такого дурака, как Ваше Высочество!..» Более того, Павел I грозил предать своего старшего сына безжалостному суду. Он орал в приступе бешенства: «Мир будет поражен, увидев, как покатятся головы когда-то так дорогих мне людей!..».

Ничуть не лучше Павел обращался и со своей женой. Несмотря на безупречное поведение, Марии Федоровне не дозволялось завязать с кем-нибудь близкую дружбу. Но Александр постоянно выказывал матери свою любовь и глубокое уважение.

Гнев самодержца обрушился даже на Лагарпа: в 1799 г., то есть через 4 года (!) после отъезда воспитателя, царским указом его имя было вычеркнуто из списка кавалеров ордена Св. Владимира; царь прекратил также выплату ему пенсии и приказал генералу Римскому-Корсакову постараться схватить Лагарпа в Швейцарии, под конвоем препроводить его в Санкт-Петербург, а потом... отправить в Сибирь!

В столице царил страх. В 9 часов вечера бил сигнал тушить огонь и главные улицы перекрывались рогатками. Властитель страны никому не доверял и боялся ночи.

Разрыв с Англией, безрассудный поход донских казаков, экстравагантное поведение царя в самом Санкт-Петербурге вызвали всеобщее недовольство. Его считали ненормальным, свихнувшимся. Самым страшным, самым недоверчивым из самодержцев, поощряющим слежку и доносительство, установившим царство страха, считал Павла достойный доверия очевидец — князь Адам Любомирский. И тогда граф Петр Алексеевич Пален задумал свергнуть Павла I и возвести на трон Александра[10].

Умный, деятельный и ловкий Пален счел необходимым осторожно открыть Александру планы свержения, иначе заговорщики могли быть приговорены к смерти новым царем. Один из заговорщиков граф Панин нарисовал Александру очень тяжелую картину: он утверждал, что Россия катится в пропасть, что жизнь царицы и двух ее сыновей находится в опасности[11]. Он заключил словами, что для спасения страны и народа Павел I должен отречься от престола, а Александр ему наследовать. Павла предполагалось отправить в надежное место, не

причинив ему никакого зла... Потрясенный князь-наследник сначала не давал своего согласия, но Пален настаивал, утверждая, что положение с каждым днем ухудшается. Он даже якобы показал приказы об аресте Александра и его брата Константина, подписанные самим царем (?)... Что же касается жены Александра, уверял Пален, то ее заточат в монастырь. После многих сомнений и тревожных раздумий наследник якобы сказал Палену, что он не против принять корону, но при условии, что ни один волос не упадет с головы его отца. Пален поклялся в этом.

Вечером 11 (23) марта 1801 г. заговорщики собрались в казарме Преображенского полка. Там были граф Пален, генерал Беннигсен, князья Платон и Николай Зубовы, Петр Волконский, Яшвиль, Александр Голицын, Уваров и другие. Казалось, вернулось время Анны Ивановны, Елизаветы Петровны или Екатерины Алексеевны! Князь Платон Зубов обрисовал положение, напомнив о разрыве отношений с Англией, беззаконии и диких выходках Павла I, похвалив Александра, который согласился сменить на троне своего отца. Он считал, что надо срочно заставить царя подписать акт об отречении. Пален горячо поддержал Зубова, однако лившееся рекой шампанское было самым красноречивым из доводов, так что собрание превратилось в настоящую вакханалию!

Около полуночи заговорщики отправились к Михайловскому замку двумя группами: первой командовал Пален, второй Беннигсен и Платон Зубов. Ледяная ночь! Прямо-таки декорация для драмы! Сыплет снег. Не для того ли, чтобы набросить белый саван на тела мертвых?.. Итак, пока Пален тя-

нет время и сознательно задерживается, люди из другой группы заговорщиков подходят к дворцу, поднимаются по узкой служебной лестнице, ведущей к покоям царя. Проникнув в прихожую, они сталкиваются с двумя лакеями, ранят того, который оказал сопротивление, и врываются в комнату государя. Внезапно разбуженный Павел вскочил и спрятался за ширму. Напрасно! Со шпагой в руке Беннигсен подошел к нему и сказал, что он арестован. Завязался спор, подоспевший Платон Зубов предложил государю «для высшего блага России» подписать акт об отречении, который один из офицеров положил на стол. Вот он, трагический момент! Возможно, если бы император — один, безоружный, одетый лишь в ночную рубаху — подчинился этому требованию, он мог остаться в живых. Но, несмотря на охвативший его ужас, Павел отказался подписать акт и стал звать на помощь. Тогда заговорщики бросились на него и сбили с ног. Пронзительно крича, раненый император из последних сил поднялся, но один из офицеров стянул ему шею своим шарфом и задушил. Но этого показалось мало! На труп набросились, пинали ногами, кололи шпагами и кинжалами, так что вскоре он превратился в истекающий кровью мешок мяса.

Пален, Беннигсен и Платон Зубов не видели конца этой драмы. Пален заблудился в саду (?), генерал ушел в соседнюю комнату полюбоваться на развешенные по стенам картины — ведь он так любил живопись, правда кроме натюрмортов! Зубов смотрел в окно и все время бормотал: «Боже мой, Боже мой! Как же неприятно слушать такой крик!..». Последний любовник Екатерины II был человеком тонких чувств...

Около часа ночи, получив известие об успешных действиях заговорщиков, Пален вошел в комнату Александра и разбудил цесаревича (спавшего на кровати — но почему-то в сапогах и одетым?). Он объявил, что Павел только что скончался от сильнейшего апоплексического удара![12] Александр расплакался, но генерал прервал его и жестко сказал: «Хватит ребячества! Благополучие миллионов людей зависит сейчас от Вашей твердости. Идите и покажитесь солдатам!..». Александр повиновался. С балкона он произнес краткую речь:

«Мой батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при моем царствовании будет делаться по принципам и по сердцу моей любимой бабушки, императрицы Екатерины!»[13].

Солдаты ответили ему радостными возгласами и, взломав погреба дворца, стали пить за здоровье нового царя и руководителей заговора. Чарторыйский считал, что радость заговорщиков была оскорбительной, бесстыдной, без меры и приличия. Разбуженная криками «ура», появилась наспех одетая вдова императора. В отчаянии и ярости она прокричала офицерам: «Теперь я, и только я, ваша императрица! За мной!..». Однако сильный немецкий акцент ее подвел; никто ей не подчинился, а Пален с Беннигсеном заставили ее вернуться в комнаты.

Весть о смерти Павла вызвала у жителей Санкт-Петербурга бурную радость. Когда Александр перебирался из Михайловского замка в Зимний дворец, народ громко его приветствовал, его обнимали на улицах. Булгарин написал в те дни, что у самого Тацита не нашлось бы достаточно красок, чтобы описать всеобщее ликование, наполнившее сердца при известии о воцарении великого князя.

Какова же была роль Александра в только что происшедшей драме? Попробуем разобраться в этом щекотливом и довольно запутанном вопросе... Как мы знаем, во время царствования Екатерины II он лавировал между бабушкой, которая его обожала, и отцом, который его совсем не любил. Павла злило такое осторожное поведение; неприязнь, недоверие к старшему сыну и обида на него усиливались и в полной мере проявились после смерти Екатерины. Он не скрывал намерения лишить сына права на трон в пользу специально вызванного из Германии молодого принца Евгения Вюртембергского. Незадолго до трагедии он приказал царевичу покинуть апартаменты в Зимнем дворце и переселиться в промозглый Михайловский замок; он редко общался с Александром, зато несколько раз без причины подвергал его аресту. За несколько дней до смерти он подписал указ об аресте своей жены и двух старших сыновей. Был ли это первый шаг к повторению мученического пути Алексея, сына Петра Великого, историю которого Павел I приказал напомнить Александру?

Александр прекрасно отдавал себе отчет в сложившейся к тому времени ситуации: отец оттолкнул от себя армию и народ, недовольство им росло с каждой неделей, разрыв с Англией создавал серьезную опасность для России, внезапная экспедиция в Туркестан была безумием. Отречение Павла напрашивалось само собой в интересах страны — другого выхода не было.

Александр долго колебался, не зная, что делать после того, как Пален сказал ему о заговоре. В чем состоял его долг? Пойти к отцу? Выдать всех? Обмануть тем самым доверие заговорщиков? Что же

тогда произойдет? Не осложнит ли положение страны безжалостная расправа, которая за этим последует? А если сообщение о заговоре лишь усилит недоверие к нему отца, его враждебность к императрице и двум сыновьям? Одним словом, донос имел бы самые серьезные последствия для России, для царской семьи и для самих заговорщиков... В конце концов раздираемый противоречивыми чувствами Александр поддался на красноречивые уговоры и согласился наследовать отцу, но при непременном условии, что ни один волос не упадет с головы царя. Пален дважды ему в том поклялся и подтвердил впоследствии французскому эмигранту, графу Ланжерону, что царевич Александр ни на что не соглашался, пока не взял с него *самую крепкую клятву,* что жизнь его отца не подвергнется опасности.

Доверившись *«самой крепкой клятве»* высокопоставленного генерала, которого очень уважал, Александр предоставил ему свободу действий. Можно ли вслед за Палеологом делать из этого вывод, что «соучастие Александра в убийстве своего отца не вызывает никакого сомнения»?[14]. Или, как Валишевский, считать, что царевич «не остановился перед самым отвратительным актом насилия»?[15]. Или же думать, как Александров и другие, что он «замешан в этом убийстве»?[16]. Можно ли видеть в Александре отцеубийцу? Нет! Рассматривать его вслед за Герценом как «коронованного Гамлета» — значит быть к нему явно несправедливым.

Глава 3

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА I
(апрель 1801 — 1804 гг.)

Пристрастие Александра к представительным формам и конституционному правлению похоже на страсть дилетанта, восхищенного красивой картиной...

Богданович

Я есть лишь счастливый случай...

Александр I — госпоже де Сталь

Через 6 месяцев после убийства отца Александр торжественно въехал в Москву. Там он был коронован и стал царем самого обширного государства в мире, раскинувшегося на 18 миллионах квадратных километров, в котором жило только 33 миллиона человек.

Церемония прошла с привычной пышностью, но с необычным воодушевлением. 24-летний самодержец был высок, красив, изящен, его супруга — очаровательна. Карамзин приветствует царя и говорит, что «весны явленье с собой приносит нам забвенье всех мрачных ужасов зимы»[1], а поэт Державин умоляет Александра: «Будь на троне человек»[2].

Огромная толпа народа встречала своего *царя-батюшку, ясное солнышко!* Люди бросались на колени,

целовали его сапоги и ноги его коня. Это походило на безумие! Французская полиция перехватила в Вене письмо г-жи Нуасвиль, оставшейся в России эмигрантки, адресованное камергеру австрийского императора графу О'Доннеллу. В нем она, в частности, писала: *«Я видела, как этот князь шел по собору, предшествуемый убийцами своего деда, окруженный убийцами своего отца и сопровождаемый, по всей видимости, своими собственными убийцами»*.

Молодая царица после торжеств сообщала своей матери, что чувствовала себя слишком смешной в огромной, как башня, карете, с сидевшими перед ней четырьмя пажами...

Молодой самодержец приветствовал толпу, силился улыбаться, но, оставшись один, впадал в уныние. Он неоднократно говорил Чарторыйскому, спешно вернувшемуся в Россию, что от этого нет лекарства, он должен страдать, это не может измениться!.. Верный друг Чарторыйский напишет потом в своих *«Мемуарах»*: «Коронационные торжества были для него источником сильнейшей грусти... У него были минуты такого страшного уныния, что боялись за его рассудок... Я старался изо всех сил смягчить горечь упреков, которыми он беспрестанно мучил себя. Я старался примирить его с самим собой, с той великой задачей, которая стояла перед ним... Мои увещания оказывали далеко не полное действие, хотя все же побуждали его владеть собой, чтобы люди не могли слишком ясно читать в его душе. Но грызущий его червь не оставлял его в покое»[3].

Мадемуазель Эдлинг, фрейлина молодой царицы, писала, что царь прятался в самом укромном уголке и предавался там своему горю, испуская сто-

ны и проливая потоки слез. Вскоре после восшествия на трон Александр возобновил запрещенную Павлом I переписку с Лагарпом:

Петербург, 9 (21) мая 1801 г.

«Гражданину Лагарпу

Первым истинным удовольствием, которое я испытал с тех пор, как оказался во главе моей несчастной страны, было то, что я получил Ваше письмо, мой дорогой и настоящий друг. Я не смогу передать Вам все, что я почувствовал, особенно увидев, что Вы по-прежнему сохранили те же чувства, которые так дороги моему сердцу и которых не могли изменить ни отсутствие, ни прекращение отношений[4]. Верьте, мой дорогой друг, ничто в мире не смогло поколебать моей неизменной привязанности к Вам, моей признательности за Вашу обо мне заботу, за знания, которыми я обязан Вам, за принципы, которые Вы мне внушили и в правильности которых я часто имел случай убедиться. Не в моей власти перечислить все, что Вы сделали для меня, и никогда я не смогу вернуть Вам этот священный долг.

Просвещенный и опытный в знании людей друг — это самое большое из сокровищ, которым можно обладать. Мои заботы не позволяют мне писать Вам более. Я заканчиваю, говоря Вам, что прилагаю самые большие усилия и труд, дабы примирить частные интересы и унять рознь, заставить людей сотрудничать в достижении одной и единой цели — всеобщей пользы.

Прощайте, мой дорогой, Ваша дружба будет мне утешением в моих трудах. Если я смогу быть Вам полезен, располагайте мной и просите у меня то, что я могу сделать.

Александр»[5].

С большим вниманием молодой царь прочел строки из письма своего бывшего воспитателя о том, что недостаточно того, чтобы у него была чистая совесть или чтобы те, кто имеет честь его знать, были уверены, что он уступил лишь необходимости. Надо, чтобы знали, что он наказывает преступление, как только о нем узнает, и везде, где оно совершается. Убийство императора в самом дворце, в кругу его семьи, не может остаться безнаказанным, иначе будут попраны все божеские и людские законы, нанесен ущерб императорскому достоинству. Надо прекратить в России возмутительные действия безнаказанных и даже отмечаемых наградами цареубийц, бродящих вокруг трона и готовых вновь приняться за свои злодеяния.

Возможно, прочтя это послание, Александр решился наказать, правда не строго, руководителей заговора. Беннигсен, Панин, Пален и другие получили приказ покинуть навсегда столицу и держаться в отдалении от государя. Платон Зубов, вернувшись из заграничных путешествий, умер в вынужденной отставке. Лишь Беннигсену впоследствии удалось вновь поступить на службу, он отличился в войнах против Наполеона.

Начиная с июля 1801 г. дважды в неделю после обеда к Александру в его личные апартаменты приходили молодые друзья: польский князь Адам Чарторыйский, очень способный и осторожный, князь Кочубей, хороший законник и прекрасный администратор, граф Новосильцев, столь же честолюбивый, сколь и образованный, граф Павел Строганов, который лучше знал Европу, чем Россию[6]. Их идеалом была английская Конституция. Либералы и гуманисты, в большинстве своем франкмасоны, они

говорили о правах человека, о равенстве и братстве, о гражданских и военных реформах.

Их кружок стали называть *«Негласным комитетом»*, *«Тайным советом»* и даже *«Комитетом общественного спасения»*. За два с половиной года было проведено 36 заседаний, обсуждалась главным образом реформа управления. Блеснув богатством идей, Комитет прекратил свою деятельность, не сумев осуществить их на деле. Некоторые заседания Комитета проходили бурно. В один из вечеров Строганов в запальчивости воскликнул, что русское дворянство — «это класс самый невежественный, самый грязный, ум которого наиболее ограничен!». Все понимающий, но вялый и мечтательный, не любящий определенность и подготовленные заранее решения, молодой государь улыбнулся и промолчал. Он вообще делал, по его собственным словам, только то, что ему положено. Он внимательно слушал своих гостей и в свою очередь сообщал им то, о чем писал ему в своих записках Лагарп во время приездов в Санкт-Петербург. Французский историк профессор Буркен отмечает, что ни в вопросе о крепостном праве, ни в государственной реформе «Негласный комитет» так и не осмелился бороться с корнями зла[7]. Молодой государь с не меньшим вниманием выслушивал мнение группы молодых генерал-адъютантов из высшего дворянства, в которую входили, в частности, князья П.М.Волконский, П.П.Долгоруков и граф Комаровский.

Александр отменил тиранические указы Павла I: на службу вернулись 12 тыс. офицеров и чи-

новников, 300 подследственных были освобождены, виселицы убраны с улиц и площадей; был дан приказ пересмотреть уголовные дела, цензура смягчилась. На улицах вновь появились и круглые шляпы, и длинные волосы, и длинные брюки! К священникам, дьяконам, дворянам и сословным горожанам телесные наказания более не применялись. По крайней мере на бумаге царь запретил продажу крепостных, если при этом разлучались члены одной семьи, он улучшил положение удельных крестьян, оказывал защиту религиозным сектам, даже такой, как раскольники-хлысты[8]. Восхищенные таким великодушием, русские люди целовали следы, оставляемые ногами их батюшки-царя.

Александр провел ряд реформ. Вместо «коллегий» Петра Великого были учреждены 8 министерств (внутренних дел, полиции, финансов, юстиции, народного просвещения, иностранных дел, морских сил, военно-сухопутных сил). В 1802 г. царь издал указ, по которому Сенат наделялся высшей гражданской, юридической и административной властью. Чарторыйский резко отзывался о прежнем Сенате: «Это манекен, который можно и должно двигать по-своему, так как в противном случае он совсем перестанет действовать... Сенат стал пристанищем людей, не способных и не годных ни на какую службу, всех инвалидов и лентяев Империи... Когда видят, что человек не может больше работать, и не знают, что с ним делать, его назначают сенатором»[9].

Указ от 12 (24) декабря 1801 г. позволял лицам свободных состояний (т.е. купцам, мещанам, казенным крестьянам. — *Ред.*) приобретать земли, но

без крепостных. Другой указ определял условия добровольного освобождения крепостных, но из-за сопротивления дворянства в царствование Александра было отпущено на волю лишь 40 тыс. крестьян, как утверждает Милюков.

Позднее царь создал «непременный» Совет, призванный составлять законы о внутреннем устройстве страны. Александр оставил за собой все, что касалось армии, вплоть до назначения на самые низшие должности и посты. В 1801 г. в России было только два университета: русский в Москве и польский в Вильно. Александр основал четыре новых: в Санкт-Петербурге, Харькове, Казани и Дерпте, а также духовные академии и 15 кадетских корпусов; он приказал построить Казанский собор и во многом способствовал благоустройству Санкт-Петербурга.

Молодой царь не обладал ни смелостью, ни энергией Петра Великого. Он не навязывал свои взгляды и волю, часто удовлетворяясь полумерами, когда наталкивался на яростное сопротивление защищавшего свои привилегии дворянства. Средоточием оппозиции стал салон матери Александра, завсегдатаи которого называли «якобинцами» молодых друзей царя.

С исторической точки зрения было бы ошибкой приписывать исключительно одному Александру проведенные в начале века реформы, — ошибкой тем более серьезной, что на этом основании его обвиняли в переменах, происшедших впоследствии в его взглядах и намерениях. Подобная оговорка обоснованна, однако нет сомнения в том, что воцарение молодого великого князя оживило Россию, так же как и деятель-

ность масонских лож, жизнь духовной и светской элиты. Можно было говорить о настоящем национальном пробуждении.

После смерти Павла I Александр немедленно вернул из похода донских казаков и положил конец авантюре в Туркестане. Английская эскадра, уже прошедшая пролив Эресунн (Зунд), повернула назад.

* * *

В это время Европа переживала период призрачного затишья и восстанавливала силы. Первый консул Бонапарт занимался преобразованием системы управления страной, изучал законопроекты, ссылал якобинцев. Александр I, в согласии с министром иностранных дел Кочубеем, заявил, что хотел бы следовать таким принципам: не вмешиваться в европейские дела, жить в мире со всеми странами, избегать дипломатических конфликтов, посвятить себя внутренним заботам. 5 (17) июня 1801 г. в Санкт-Петербурге был подписан договор между Россией и Англией. Дипломатические отношения с Австрией, разорванные Павлом I, были восстановлены. Поляк Чарторыйский с горечью писал, что лишь с такими малыми государствами, как Швеция, говорят в повелительном тоне, но опасаются всякого охлаждения в отношениях с великими державами.

В циркулярном письме, адресованном Александром своим дипломатическим представителям в июле 1801 г., было сказано, что если он возьмется за оружие, то только для того, чтобы защитить себя от нападения и охранить свои народы или жертвы опасных притязаний в Европе. Александр заявил,

что он отказывается от вмешательства во внутренние дела иностранных государств и признает политический строй, избранный «общим согласием» проживающих в этих странах народов. Кроме того, хотя некоторые политические обязательства предыдущего царствования уже не отвечали «государственным интересам» России, он подтвердил, что будет их соблюдать «по мере возможности». Тем же самым циркуляром предписывалось князю Маркову, российскому послу в Париже, убедить первого консула, что недавнее сближение между Россией и Англией не направлено против Франции.

Бонапарт, желая сохранить с Александром те хорошие отношения, которые он в конце концов наладил с Павлом I, направил своего адъютанта Дюрока передать новому царю поздравления и наилучшие пожелания. Министры царя держались с холодной сдержанностью, но сам царь и его брат Константин сердечно встретили генерала и приняли очень учтивое письмо Бонапарта. Александр, улыбаясь, сказал, что его постоянным желанием был союз между Францией и Россией. Он хотел бы прямо поговорить с первым консулом, честный характер которого ему хорошо известен. Царь и его брат считали себя обязанными называть Дюрока «гражданином», что посланцу Наполеона совсем не нравилось. Решительно, в России отставали от времени!.. Дюрок закончил свое донесение Бонапарту неосторожными словами, что тут не на что надеяться, но нечего и опасаться!

10 октября 1801 г. Бонапарт и Марков подписали мирный договор и секретное соглашение о признании Люневильского мира. Он был только что заключен между Францией и Австрией. Франция

3--591

обязалась, в частности, начать мирные переговоры с Турцией, гарантировать свободу морей и независимость правителей. Несколько месяцев спустя царь высказал французскому посланнику свое пожелание установить вечный союз между двумя странами.

На протяжении 1801 и 1802 гг. Александр обменивался многочисленными письмами с тем, кого он называл «гражданином первым консулом». Он обсуждал в них события, волновавшие Европу, и среди прочего выступил в защиту Швейцарии. Он писал 14 ноября 1802 г.:

«Что касается швейцарских дел, не скрою, что я принимаю в них особое участие. Как ни печально положение этой страны вследствие различных мелких партий, однако я думаю, что нужно предоставить большинству швейцарской нации свободу избрания формы правления и ее установления. Оттого принимаю с удовольствием Ваши новые уверения насчет независимости этой республики и неприкосновенности ее владений»[10].

По Амьенскому мирному договору, подписанному 27 марта 1802 г., Англия сохраняла за собой Цейлон, Индию и остров Тринидад, возвращала Мартинику и Гваделупу французам, а иные территории и города голландцам и испанцам. Из Египта уходили все войска. Этот мирный договор был воспринят с воодушевлением, однако те, кто считали его прочным, ошиблись.

Простота санкт-петербургского двора в первые годы царствования Александра I поражала иностранцев. Недовольное русское дворянство тосковало о великолепии екатерининских времен и безнаказанно критиковало молодого царя, превознося

при этом до небес энергию властелина Франции и роскошь, ему свойственную. В августе 1803 г. Ростопчин писал из России, что, за исключением шалопаев и нескольких горе-философов, здесь можно встретить только недовольных.

* * *

По настоянию матери и двоюродного брата, наследного принца Мекленбургского, Александр согласился на встречу с королем Пруссии.

10 июня через Нарву, Дерпт и Ригу Александр прибыл в Мемель (Литва). Фридрих-Вильгельм III, скверный и ограниченный король Пруссии, и очаровательная, умная королева Луиза устроили ему пышный прием. После недели непрерывных празднеств они расстались большими друзьями. Графиня Фосс, фрейлина прусской государыни, отметила в своем *«Дневнике»*: «Император показался мне очень красивым. Белокурый, с привлекательным лицом, он неуверенно себя держал. У него чудесное, чувствительное и нежное сердце. Я была очень огорчена тем, что проведенные им здесь прекрасные дни быстро закончились. Все плакали в момент расставания. Александр был совершенно очарован королевой...».

Сентиментальная, восторженная и страстная прусская государыня писала своему брату Георгу о божественном свидании в Мемеле. Она даже отправила ему свой *«Дневник»*, где описала свои впечатления...

Через некоторое время она пишет Александру, что в нем воплощено совершенство. Женевец Жан-Вильгельм Ломбар, министр короля прусского, счи-

тал, что именно очарование Луизы немало способствовало тому, что связи между двумя государствами упрочились. Эта фея все подчинила своей власти. Уж не под влиянием ли этой «феи» царь стал проявлять сильное недоверие к хозяину Франции, ставшему пожизненным консулом в результате блестяще выигранного им плебисцита 2 августа 1802 г.? В самом деле, он пишет Лагарпу: «Я совершенно переменил, так же как и Вы, мой дорогой, мнение о первом консуле. Начиная с момента установления его пожизненного консульства, пелена спала; с этих пор дела идут все хуже и хуже. Он начал с того, что сам лишил себя наибольшей славы, которая может выпасть на долю человеку. Единственно, что ему оставалось, — доказать, что действовал он без всякой личной выгоды, только ради счастья и славы своей родины, и оставаться верным Конституции, которой он сам поклялся передать через десять лет свою власть. Вместо этого он предпочел по-обезьяньи скопировать у себя обычаи королевских дворов, нарушая тем самым Коституцию своей страны. Сейчас это один из самых великих тиранов, которых когда-либо производила история»[11].

И вот, когда в марте 1803 г. первый консул просит Александра обратиться к Англии, пожелавшей вопреки своим обязательствам еще на 7 лет сохранить за собой Мальту, тот уклоняется. Он считает, что должен встать на позицию «самой строгой беспристрастности, единственно способной успокоить такие серьезные распри...»[12]. 16 мая хрупкий Амьенский мирный договор был разорван. Бонапарт устроил Булонский лагерь, где готовил свои войска, а затем занял Ганновер и Неаполитанское королевство.

Везение изменило Александру, когда он назначил послом в Париже графа Аркадия Александровича Маркова. Голландский дипломат ван Хогендорп утверждал, что это был самый отвратительный человек, которого он видел в своей жизни. Чарторыйский, описывая Маркова, отмечал, что у него было лицо, изрытое оспой, постоянно выражавшее иронию и презрение, с круглыми глазами и ртом, опущенные уголки которого делали его похожим на тигра. Марков имел аристократические замашки, хотя происхождение его было смутно, он вызывающе и надменно вел себя с первым консулом. Более того, этот так называемый глава дипломатической миссии открыто жил с французской актрисой г-жой Гусс, грубо поносил Францию и французов, принимал активное участие в роялистской агитации в Париже и побуждал к этому русскую колонию.

Бонапарт возмутился, узнав о мемельской встрече. Он писал папе Пию VII 28 августа 1802 г.: «Александр справедлив, добр и миролюбив, однако его кабинет аморален, разрознен и вызывающе ведет себя»[13]. У молодого царя под влиянием двора и министров недоверие к первому консулу возрастает, хотя сердечный тон их переписки сохраняется.

Справедливо возмущенный выходками Маркова, Бонапарт резко обрушился на него во время одного из приемов дипломатического корпуса, а затем и совсем потребовал его отзыва. Александр выразил посланнику Франции свое недовольство по поводу этой «скандальной истории», отозвал Маркова, но зато в октябре 1803 г.пожаловал ему орден Св. Андрея Первозванного, главный орден в России, за услуги, никогда не оказанные им Родине. А граф Воронцов писал этому скверному главе посольства:

«Отношение к Вам во Франции не может удивить, имея в виду, что от первого консула следовало ожидать именно такого проявления грубости и нахальства. Поведение его более смахивает на повадки удачливого гренадера, чем на отношение, достойное главы великой нации...». Но что тогда говорить о манерах г-на Маркова?

Дипломатические отношения не были тем не менее разорваны. Назначенный в 1802 г. послом Франции генерал Гедувиль — человек торжественно-грустного вида и суровых нравов — остался в Санкт-Петербурге, а русским послом в Париже стал П.Я.Убри.

* * *

Внезапно ошеломляющая новость пронеслась по министерствам и салонам Санкт-Петербурга: герцог Энгиенский, отпрыск рода Бурбонов, по приказу Бонапарта был схвачен в Эттенхейме (герцогство Баден), поспешно осужден и сразу же расстрелян в овраге у Венсенского замка 21 марта 1804 г. Жозеф де Местр, посол свергнутого сардинского короля Виктора Эммануила I в России, писал 18 (30) апреля, что возмущение здесь достигло своего предела. Добрая императрица плакала. Великий князь Константин в ярости, а Александр I глубоко огорчен. С миссией Франции не хотят знаться, с ее представителями даже не разговаривают.

Российский двор немедленно объявил траур, а за ним и другие дворы. Русское правительство выступило с резким протестом, в котором, в частности, говорилось:

«Его Императорское Величество с удивлением и болью узнал о событии, происшедшем в Эттенхей-

ме, о сопровождавших его обстоятельствах и о последовавшем за этим горестном исходе... Его Величество, к сожалению, не видит в этом ничего, кроме нарушения — по крайней мере внешне ничем не оправданного — прав человека и нейтралитета территории, нарушения, последствия которого трудно подсчитать и которое — если вообще рассматривать его как позволенное — сведет на нет безопасность и независимость суверенных государств... Его Величество уверен, что первый консул поспешит прислушаться к справедливым претензиям Германского дипкорпуса и почувствует необходимость использовать самые действенные средства, дабы успокоить вызванные им опасения всех правительств и положить конец слишком тревожному положению вещей на благо их будущей безопасности и независимости...»[14].

Чарторыйский, новый министр иностранных дел, предложил тотчас же разорвать отношения с правительством, с которым позорно далее сохранять отношения, однако Совет с ним не согласился. Талейран в ответе на русскую ноту язвительно писал, что если нынешняя цель Его Величества императора России может состоять в том, чтобы создать в Европе новую коалицию и возобновить войну, то чему могут служить напрасные поводы и почему бы не действовать открыто? Каким бы глубоким ни было огорчение, которое первый консул испытает от возобновления военных действий, он не знает ни одного из живущих на земле людей, кому бы он позволил вмешаться во внутренние дела своей страны, но и император не имеет никакого права вмешиваться в дела Франции.

Однако вместе с официальным посланием Гедувиль передал князю Чарторыйскому письмо, в котором Талейран обращался к министру в частном порядке. Он говорил, что первый консул верит в его характер и образованность и убежден, что, пользуясь своим положением, Чарторыйский не захочет подвергнуть две страны риску нарушить согласие, необходимое для блага Европы. Подобные ужимки, как писал Чарторыйский, не произвели, естественно, на него никакого влияния, он очень сухо ответил, что все будет представлено вниманию Его Величества[15].

Все быстрее события следовали одно за другим: 18 мая 1804 г. Сенат провозгласил Бонапарта императором французов; шесть дней спустя Россия подписала договор о союзе с Пруссией; 27 июля Наполеон I сообщил маршалу Брюну, что он отозвал Гедувиля после выходки санкт-петербургского двора, который имел глупость объявить траур по герцогу Энгиенскому, не имея с ним никаких родственных связей. В сентябре дипломатические отношения между Францией и Россией были прерваны. 20 октября русский посол Убри покинул Париж, так и не сумев убедить заседавший в Тюильри совет министров отвести войска из Ганновера и королевства Неаполитанского, а также возместить ущерб сардинскому королю. Коронация Наполеона I состоялась 2 декабря. 6 декабря Александр I подписал договор с Англией.

Глава 4

ИМПЕРАТОРЫ ЛЮБЕЗНИЧАЮТ...
Тильзитская встреча, 1807 г.

Мир — это слово, лишенное смысла. Нам нужен славный мир!..

Наполеон I — Жозефу Бонапарту,
13 декабря 1805 г.

Если мы будем едины, весь мир будет наш...

Наполеон I — Александру I

Я то лис, то лев. Весь секрет правления состоит в том, чтобы знать, когда быть тем или другим...

Наполеон I — Государственному совету

Несмотря на возмущение, вызванное казнью герцога Энгиенского, Александр не собирался воевать с Францией. Он нуждался в поддержке или хотя бы в молчаливом согласии Наполеона, чтобы завладеть Польшей и Константинополем, чего хотела в свое время Екатерина. Наполеон также хотел достичь согласия с Россией, чтобы обеспечить действенность континентальной блокады Англии и распространить свою власть на Южную и Центральную Европу.

Однако министр иностранных дел Чарторыйский пламенно желал независимости своей родины,

Польши, чему могло способствовать соглашение между Россией и Англией. Он повторял царю: «Надо переменить политику и спасти Европу! Ваше Величество откроет новую эру для всех государств, станет арбитром цивилизованного мира. Альянс России с Англией станет осью большой европейской политики».

Поддавшись этим настроениям, Александр захотел, чтобы образовалась лига народов для противодействия намерениям Наполеона. Именно с этой целью он послал в октябре 1804 г. в Лондон графа Новосильцева, снабдив его секретными, составленными в высокопарном стиле инструкциями. Они передают тогдашнее умонастроение и стремление царя. Вот несколько отрывков из них:

«Конечно, здесь идет речь не об осуществлении мечты о вечном мире, но все же можно было бы во многом приблизиться к благам, которые ожидаются от такого мира, если бы в договоре, при определении условий общей войны, удалось установить на ясных и точных принципах требования международного права. Почему бы не включить в такой договор положительного определения прав национальностей, не обеспечить преимуществ нейтралитета и не установить обязательства никогда не начинать войны, не исчерпав предварительно всех средств, предоставляемых третейским посредничеством, что даст возможность выяснять взаимные недоразумения и стараться устранять их? На таких именно условиях можно было бы приступить к осуществлению этого плана всеобщего умиротворения и создать союз, постановления которого образовали бы, так сказать, новый кодекс международного права. Получив санкцию большинства европей-

ских держав, он мог бы легко сделаться обязательным для всех правительств, тем более если нарушение его будет сопряжено с риском вызвать вооруженный протест союза...

Самым сильным оружием, которым до сих пор пользовались французы, были слова о правде и процветании народов... Благо человечества, подлинный интерес законных властей и успех предприятия, которое намереваются осуществить обе державы (Россия и Англия), требуют, чтобы они вырвали из рук французов это грозное оружие и, овладев им, повернули бы его против них...»[1].

Союз держав... Европейский союз... Мирное урегулирование споров... Перекраивание карты Европы... Лига защиты прав человека... Все это было прелюдией к будущим нескончаемым разглагольствованиям, однако с одной важной оговоркой: Англия и Россия должны были «сохранить известное главенство в делах Европы»... Считая себя державами-покровительницами, они хотели первенствовать. «Гуманное апостольство и европейское господство... были той химерой, от которой Александр уже никогда не смог отделаться»[2].

Вернувшийся к власти премьер-министр Англии Уильям Питт был буквально в восторге от того, что Россия собиралась объединить свои силы с английскими против Наполеона, готовившего армию в Булони. Надо было, говорил он, повергнуть наземь чудовище мощи, честолюбия и деспотизма. При этом он подразумевал, что Англия сохранит свободу действий, и был против всякого вмешательства третьей стороны. С необычайной ловкостью он скрыл тем не менее свою игру за потоком красивых слов, околдовав начинающего дипломата Новосиль-

цева. Английский меморандум от 19 января 1805 г. был гораздо более реалистичен, чем данные русским царем инструкции: вмешательство во внутренние дела других государств оправдывалось лишь в случаях осуществления законной самозащиты. Таким образом, при Питте Англия отказалась от традиционной изоляционистской политики и приняла на себя, правда с некоторыми оговорками, вытекающие из европейской солидарности обязанности и риск.

Подписанный 11 апреля договор о союзе между Россией и Англией стал ядром «третьей коалиции». В нем содержалось 7 открытых и 13 секретных статей. Россия и, как надеялись, Австрия и Пруссия должны были выставить 400 тыс. солдат, Англия — ввести в действие свой флот и ежегодно выплачивать 1 миллион 250 тыс. фунтов стерлингов на каждые 100 тыс. солдат. В договоре перечислялись следующие основы для заключения мира: создание барьера между Францией и Италией, Францией и Голландией; нейтралитет и полная независимость целостной Швейцарии, Голландии, Италии и Германской империи. В секретных статьях оговаривалось, что Бельгия будет «целиком или частично» объединена с Голландией, Пруссия получит «более или менее значительное» приращение территории на Рейне. Хотя Англия так и не соглашалась выпустить из рук Мальту, она по крайней мере внешне проявляла понимание русских притязаний на Польшу и Турцию, не беря, однако, на себя ни малейших обязательств. В целом Францию предполагалось отбросить за ее границы 1789 г., хотя об этом специально не говорилось. Договор исключал всякую возможность сепаратного мира и предусматривал

созыв после окончания военных действий конгресса для установления федеративной системы. Несомненно, Питт одержал победу над русской дипломатией.

Русские полки направились к Рюгену и Штральзунду, а также к Неаполю через Корфу, армия Кутузова пошла в сторону Австрии, австрийские войска Мака — к Ульму, генерала Михельсона — к прусской границе. Пруссия отказалась войти в коалицию, тогда как австрийцы начали военные действия, даже не дожидаясь подхода русских войск.

* * *

9 (21) сентября 1805 г. Александр покинул Санкт-Петербург, отслужив перед этим молебен в соборе Казанской богоматери и побывав у старца Селиванова, главы секты скопцов. Он якобы умолял царя не идти войной на «проклятого француза», которого Бог предаст в царские руки позже (?)... В окрестностях Пулавы, имения семьи Чарторыйских, царская коляска сломалась, и государь был вынужден два часа пробираться лесными тропинками вслед за несшим фонарь проводником. Наконец глубокой ночью он добрался до замка, но запретил узнавшему его дворецкому будить хозяев. Прямо в одежде он бросился на кровать и проспал до 7 часов!..

25 октября он прибыл в Берлин, где встретился с Гете, Гердером, Виландом. В Потсдаме его торжественно встретила прусская королевская чета. Фридрих-Вильгельм III был высокий, хорошо сложенный — и бесцветный, с виду простой, но чванливо требовательный по части протокола; никогда

ничего не читавший, не писавший и не рисовавший, он постоянно засыпал во время спектаклей и проповедей. Женщин он любил в силу своего темперамента, свою жену — по привычке, детей — инстинктивно, а королевство — за возможность делать то, что вздумается. Королева же, которой он позволял носить драгоценности лишь на очень редких торжественных церемониях, была красива, добродетельна и очень умна.

Улыбчивый русский царь, хмурый, надутый король Пруссии, его изящная супруга и тонкий дипломат Меттерних, представитель австрийского императора, вели нескончаемые переговоры. 3 ноября был подписан договор о союзе между Россией и Пруссией, хотя за год до этого Фридрих-Вильгельм не поддержал протест по поводу казни герцога Энгиенского.

Через день, ровно в полночь, Александр, Фридрих-Вильгельм и королева тайком вышли из дворца. Пустынными улицами они направились к гарнизонной церкви, в которую вошли через низенькую дверцу. Затем при свете дымного факела они вошли в склеп, где покоились останки Фридриха Великого. Поклонившись праху, оба государя взялись за руки и, глядя друг другу в глаза, поклялись в вечной дружбе...

14 октября 1805 г. французы разбили австрийцев под Эльхингеном; шесть дней спустя 32 тыс. солдат генерала Мака капитулировали под Ульмом. 6 ноября царь прибыл в Ольмюц (Моравия), где его без восторга встретили русские солдаты, нуждавшиеся во всем и вынужденные ради пропитания заниматься грабежами. Генерал Савари приехал туда приветствовать царя от имени Наполеона, находивше-

гося в это время в Брюнне. Послание, в котором император выражал свое высокое уважение Александру, заканчивалось словами о том, чтобы Его Величество принял Савари со свойственной ему добротой и считал Наполеона одним из людей, более всего желающих быть ему приятными. Александр холодно принял генерала и передал через него очень сдержанный ответ, но Наполеон вновь отправил к нему Савари 29 ноября с предложением о встрече. Тогда царь, по совету своих уверенных в победе генералов, послал к императору князя Петра Долгорукова, самого дерзкого и развязного из своих адъютантов. 5 декабря Наполеон написал курфюрсту Вюртембергскому: «Я имел с этим наглым шалопаем беседу, в которой он говорил со мной так, как мог бы разговаривать с отправляемым в Сибирь боярином. Этот молодой человек наделен, кроме всего прочего, невиданным высокомерием. Неужели он принял мою крайнюю сдержанность за знак великого страха?..». Император отпустил его со словами: «Ну что ж! Мы будем сражаться!».

В докладе царю Долгоруков писал, что Наполеон — это человек в сером сюртуке, страстно желающий, чтобы ему говорили *Государь*, но к кому, к его великому сожалению, он обращался вовсе без титулов. Россия будет слишком великодушна, если будет дальше ждать и позволит ему ускользнуть, когда он, безусловно, в ее руках... Надо лишь двинуться вперед! Александр и слушать не хотел старого генерала Кутузова, напрасно пытавшегося доказать, что надо подождать подходившего из Силезии Беннигсена, спешившего из Богемии эрцгерцога Фердинанда, пришедших в движение пруссаков, призванного из Италии эрцгерцога Карла.

Куда там! Горя нетерпением нахватать в Париже трофеев для своих любовниц, уверенные в победе молодые адъютанты толкали Александра на сражение.

2 декабря 1805 г., через пять недель после Трафальгарской катастрофы, Наполеон во главе 68-тысячной армии одержал блестящую победу при Аустерлице над 92 тыс. русских и австрийских войск в «великолепной», «самой великой», по его словам, битве. Александр вынудил Кутузова покинуть отличную позицию. В сопровождении своего штаба и советников Александр явился на поле боя гордый, улыбающийся, уверенный в победе. Войска восторженно приветствовали царя-батюшку. А потом... Потом разгромленные войска бежали в беспорядке и отчаянии!.. Когда наступила ночь, молодой царь разрыдался. Ему было обидно за себя, жалко своих убитых солдат, он был унижен, но не разубежден и не сломлен. Даже во время этого крушения он сохранял скромность и неизменное изящество походки, жестов и выражений.

4 декабря Наполеон подписал перемирие с австрийским императором Францем, чрезвычайно ограниченным, недальновидным и отстало мыслившим человеком, посредственностью в парадном мундире, по словам французского историка А.Сореля. Русские войска вынуждены были немедленно покинуть Австрию. 9-го числа царь встретился с Францем в Галиче, откуда послал прусскому королю письмо, где говорил, что передает в полное подчинение Его Величества корпуса графа Толстого и генерала Беннигсена; он неизменно готов поддерживать короля всеми силами и сам всецело в его распоряжении.

10 декабря курфюрст Баварский по воле Наполеона стал королем. На следующий день настала очередь курфюрста Вюртембергского; курфюрст Баденский был возведен в достоинство великого герцога. 14 декабря в Шенбруннском дворце Наполеон и прусский посланник Гаугвиц в кабинете королевы Марии-Терезии подписали договор о союзе.

Александр вернулся в столицу, оставив в чужих землях более 12 тыс. убитых и пленных русских солдат. Ложная весть о великой победе опередила его, и поэтому народ встречал царя с неистовой радостью: люди простирались ниц перед «непобедимым героем» и «благодетелем человечества», а он плакал от умиления... Однако огонь восторга мгновенно погас, когда стала известна правда об ошибках царя и его штаба, их тяжелой вине за разгром под Аустерлицем.

26 декабря 1805 г. был подписан Прессбургский мир с Австрией. Она вынуждена была отказаться от Венецианской области. Фриуль, Далмация, Истрия, Триест были присоединены к Итальянскому королевству. Австрия признала королями курфюрстов Баварского и Вюртембергского, получив взамен княжество Зальцбург. Признавалась независимость Швейцарской конфедерации и Батавской республики. Парижское соглашение (15 февраля 1806 г.), заменившее Шенбруннский союзный договор, тесно привязало Пруссию к Франции.

* * *

Вернувшийся в Россию Александр стал мишенью едкой критики в светских салонах и военных кругах. Мать горько упрекала его в симпатиях к Прус-

сии. «Я заклинаю Вас следить за тем, чтобы Вас не могли обвинить в предательстве интересов и славы России», — говорила она Александру. Вдова Павла I резко осуждала политику молодого царя, подвергавшую Россию опасности, вносившую неразбериху в управление государством.

В пространной памятной записке, направленной государю в апреле 1806 г., князь Чарторыйский с достойной восхищения смелостью и прямотой сурово критиковал допущенные Александром I ошибки[3]. Он, в частности, писал:

«...приучая солдат видеть Вас постоянно и без всякой необходимости, Вы ослабили очарование, производимое Вашим появлением. Ваше присутствие во время Аустерлицкого сражения не принесло никакой пользы даже в той именно части, где Вы находились, войска были тотчас же совершенно разбиты, и Вы сами, Ваше Величество, должны были поспешно бежать с поля битвы.

Этому Вы ни в коем случае не должны были подвергать себя. В Голиц Ваш отъезд, Государь, явившийся неизбежным следствием Вашего, если смею так выразиться, не вызванного обстоятельствами приезда, только увеличил беспорядок и дух уныния, царивший в армии...

Надо отдать справедливость генералам, что еще заранее, до катастрофы, они, чувствуя, насколько Ваше присутствие, Государь, затрудняет и осложняет их действия, непрестанно упрашивали Ваше Величество, во-первых, удалиться из армии и, во-вторых, не подвергать себя ненужным опасностям.

Если Ваше Величество будете продолжать не обращать внимания ни на какие делаемые Вам представления, то впоследствии Вы будете упрекать се-

бя, что повиновались побуждениям чисто личного свойства, не сообразуясь с тем, что ясно требовалось для блага России и всей Европы».

Чарторыйский, оставшийся непримиримым противником Пруссии, подал в отставку с поста министра иностранных дел и был заменен генералом Андреем Будбергом в июне 1806 г. Спустя несколько дней дипломат Убри подписал в Париже договор, вызвавший такое резкое возмущение русского дворянства, что царь был вынужден отказаться от его ратификации.

В июле 1806 г. Александр и Фридрих-Вильгельм III обменялись декларациями о союзе, несмотря на то, что Пруссия уже была связана с Францией. Царь гарантировал независимость и территориальную целостность Пруссии. Отвечая на вопрос короля, он писал ему, чтобы в момент опасности король помнил: в лице Александра он имеет готового устремиться на помощь друга! Фридрих-Вильгельм решил потребовать от Наполеона вывода всех его войск из Германии. Ответ был сокрушительным: французы одержали убедительные победы под Йеной и Ауэрштедтом, затем в октябре 1806 г. вошли в Берлин. Русские войска оставались в Молдавии и Валахии.

Несмотря на тяжелые поражения союзника, царь вновь послал ему уверения в безграничной приверженности принципу нерушимого союза двух народов. Он считал, что прусскому королю должны быть возвращены его владения, чтобы Германия была освобождена от ига французов, а они отброшены за Рейн.

Отразились ли на поведении Александра насмешки и оскорбительные замечания, появлявшиеся в

бюллетенях «Великой армии» в адрес королевы Луизы Прусской? Это можно предположить. В листах с насмешкой описывалось, что королева, одетая в мундир драгуна, объезжает полки; она пишет по 20 писем в день, чтобы со всех сторон раздуть пожар. Кажется, что это Армида, в помутнении разума поджигавшая свой собственный дворец. Королева стала непоседливой и воинственной, она вдруг захотела иметь полк своего имени, ходить на заседания совета. Она хотела крови, и вот самая драгоценная кровь пролилась.

Бюллетень нападал на королеву, переходя от брани к насмешкам, то представляя ее, как латинский поэт Клеопатру, в образе *fatal monstrum*, пагубного для рода человеческого, то высмеивая ее легкомыслие, романтические пристрастия и неспособность к порядку: в ящиках ее мебели в Шарлоттенбурге нашли государственные бумаги и портреты царя вперемешку с тряпками и надушенными кружевами...

16 (28) ноября 1806 г. Александр объявил войну Франции. Он был полон решимости защищать то, что называл «самым великим, самым правым делом». Россия к этому времени уже в течение трех лет воевала с Персией, была в состоянии конфликта с Турцией, ее армиям не хватало оружия и боеприпасов, а снабжение не было организовано! Дабы облегчить создание народного ополчения, во всех церквах прочли послания, клеймившие Наполеона как нарушителя спокойствия мира, совершившего самые ужасные преступления, врага всякой христианской религии, который восстановил в своей стране поклонение идолам, возвел жерт-

венники во славу гулящих девок, проповедовал Коран и построил синагоги во Франции.

Сражение у Пултуска, не давшее успеха ни одной из сторон, предшествовало страшной битве 8 февраля 1807 г. под Эйлау, стоившей России 26 тыс. убитых и раненых. «Это была резня, а не битва!» — скажет впоследствии Наполеон. Введенный в заблуждение по поводу исхода сражения Александр писал Беннигсену, кичившемуся якобы нанесенным им «решительным поражением» Наполеону: «Вам была предоставлена слава победить того, кто доныне еще никогда не был побежден...»[4]. И царь пожаловал побитому вояке ленту ордена Св. Андрея Первозванного и пенсию в 12 тыс. рублей!

Наполеон писал Талейрану: «Спокойствие Европы будет устойчивым лишь тогда, когда Франция и Австрия или Франция и Россия зашагают вместе... Концом всего происходящего будет создание системы между Францией и Австрией или между Францией и Россией, ибо спокойствие народов, которые все в нем нуждаются, возможно лишь через такой союз... Я считаю, что альянс с Россией был бы очень выгодным, если бы она не была столь своенравной и если бы можно было хоть в чем-то положиться на этот двор...»[5].

2 апреля 1807 г. Александр прибыл в Мемель для переговоров с Фридрихом-Вильгельмом. Он явился таким, каким и воображал себя, — с чертами царя царей гомеровской эпопеи и рыцаря из легенды, как существо евангельской кротости, тонкий дипломат, восстановитель права, просветитель народов, утешитель рыдающих жертв, как защитник скорбящих о короне и сбежавших из своих королевств государей — так с иронией описывает Александра Альбер

Сорель[6]. Поселившиеся в скромном домике прусский король и его очаровательная супруга ждали своего спасителя. Королева с волнением вновь встретила Александра, по-прежнему такого большого, такого великодушного. Графиня Фосс отметила в своем *«Дневнике»*:

«Император остался тем же самым в высшей степени любезным человеком, полным доброты и приветливости. Он обнял меня с непосредственностью, составлявшей его очарование, и сказал мне много слов, идущих к самому сердцу. Да, это человек, подобного которому в мире нет... Он так же предупредителен и сердечен, как и раньше, хотя, может быть, немного более наружно *(nur vielleicht ein bisschen mehr artificiel)*, чем он был когда-то. Он стал больше ухаживать за молодыми дамами, но остается таким же любезным...»[7].

26 апреля 1807 г. оба государя подписали Бартенштейнское соглашение, по которому Россия пообещала Пруссии полное освобождение и возвращение ее территорий. Однако 14 июня русская армия под командованием немецкого генерала русской службы Беннигсена потерпела сокрушительное поражение под Фридландом и потеряла от 15 до 18 тыс. солдат и 25 генералов; французы — около 10 тыс. убитыми и ранеными. Наполеон громко заявил о своей победе: «Бахвальству русских пришел конец!.. Мои увенчанные орлами знамена развеваются над Неманом!..». Он писал Жозефине, что его ребята достойно отпраздновали годовщину Маренго; битва у Фридланда также составит гордость и славу французского народа, будет достойной сестрой Маренго, Аустерлица и Йены. Узнав на

следующий день о поражении своих войск, царь был очень расстроен.

Вслед за этим французы взяли Кенигсберг, последнюю прусскую крепость. 20 июня было решено, что два императора должны встретиться. Забыв, что он ничего так не хотел, как уничтожить «чудовище», Александр дал следующие инструкции своему представителю князю Лобанову: «Скажите Наполеону, что союз между Францией и Россией был предметом моих желаний (?! — *Авт.*) и что я уверен, что он один может обеспечить счастье и спокойствие на земле. Совершенно новая система должна заменить существовавшую доселе, и я льщу себя надеждой, что мы быстро поладим с императором Наполеоном, так как будем договариваться без посредников. Прочный мир может быть заключен между нами в несколько дней!..»[8].

Наполеон сердечно принял Лобанова, оставил его обедать и заявил, что взаимные интересы двух государств требуют союза между ними. Что же касается его, то он никогда не имел враждебных намерений по отношению к России...[9] Говорят, что Наполеон, указывая пальцем на карте на р. Вислу, прибавил: «Вот раздел между нашими двумя империями. Ваш повелитель должен властвовать с одной стороны, я с другой!..».

Утром 25 июня 1807 г. царь и король прусский выехали из маленького городка Тильзита в сопровождении нескольких генералов и адъютантов, под охраной скакавшего впереди и позади эскадрона кавалерии. Подъехав к одиноко стоявшей мызе, неудачливый Фридрих-Вильгельм и его небольшой штаб спешились, и король остался ждать возвращения своего союзни-

ка. А Александр и его свита двинулись дальше к Неману, разделявшему тогда Россию и Пруссию. Вот и река!.. Раздалось пение труб, рокот барабанов. Высокий, стройный, в большой шляпе, молодой царь прекрасно выглядел в мундире Преображенского гвардейского полка. В сопровождении брата, великого князя Константина, генерала барона Беннигсена, министра иностранных дел барона Будберга и двух генерал-адъютантов, он сел в небольшую весельную лодку и поплыл к широкому плоту, стоявшему на якоре посередине реки[10]. А вот и сам Наполеон I, император французов, бывший консул Буонапарте, вечный победитель у скромно украшенного плавучего павильона. Он одет в свой любимый мундир гвардейских егерей, с большой лентой ордена Почетного легиона, на голове у него легендарная маленькая шляпа. Позади него стоят маршалы Бертье и Бессьер, генералы Дюрок и Коленкур. Оба молодых государя — Наполеону 38 лет, Александру нет еще 30 — снимают шляпы и, обнявшись, входят под навес плавучего домика[11]. Они садятся. И первое, что сказал царь, было:

— Государь, я ненавижу англичан так же, как и Вы!

— Ну что ж, тогда все может устроиться, мир обеспечен! — якобы ответил ему Наполеон.

Были ли эти слова действительно произнесены? Возможно, нет. Но как бы там ни было, через один час 53 минуты беседы из палатки появились улыбающиеся и, кажется, очарованные друг другом государи. Затем царь сел в свою лодку, на берегу пересел на коня и воз-

вратился к жалкому прусскому монарху. Они приехали назад в Тильзит — один с улыбкой победителя, другой с видом приговоренного к смерти.

На следующий день царь, сопровождаемый Фридрихом-Вильгельмом, вновь встретился с императором. Наполеон был очень враждебно настроен к прусскому королю, зло упрекал его в двуличии. Расставаясь, он попросил Александра быть у него вечером того же дня, однако не пригласил Фридриха-Вильгельма. Встречи Александра и Наполеона, начиная с 27 июня в течение 11 дней, проходили на главной квартире войск с глазу на глаз. Они прерывались роскошными обедами у победителя, конными прогулками вдвоем или втроем — когда приглашения удостаивался Фридрих-Вильгельм, бывший таким же плохим наездником, как и королем. Очень редко короля Пруссии просили прибыть к победителю. Император французов неизменно отклонял все приглашения Александра отобедать у него. Один-единственный раз он посетил царя, но даже не притронулся к чашке китайского чая, принесенной по его просьбе. Боялся ли он быть отравленным? Говорили, что боялся...

Победитель решительно невзлюбил Фридриха-Вильгельма! Он обращался с ним бесцеремонно. Однажды с издевкой спросил, ткнув пальцем в перегруженный побрякушками мундир своего гостя: «Послушайте, как Вам удается застегнуть столько пуговиц сразу?»[12]. Ко всему прочему Наполеон считал его глупым, как может быть глуп только сержант-муштровик, «самым большим дурнем на земле». И вправду, этот монарх был человеком ограниченным, нерешительным, покладистым и...

расстроенным. Сорель писал, что он жил в постоянной тревоге. Некая спесивость, которой он, кажется, стыдился и от которой страдал, соединялась в нем с природной неловкостью длинного, худого и некрасивого тела. К тому же Наполеон не испытывал к пруссакам ничего, кроме презрения, сказав однажды графу де Брэю, послу Баварии: «Это лживый и хвастливый народ... в нем нет ни характера, ни силы... это плохой народ...».

Александр присутствовал на смотрах и парадах французских войск, с интересом следил за великолепными солдатами в яркой форме, овеянной такой славой! Что уж там говорить о его брате Константине, который близко сошелся с генералами Мюратом, Бертье и Груши. Он был на седьмом небе от счастья: никогда еще его пристрастие к парадам не было так полно удовлетворено! Он даже попросил Наполеона дать ему «взаймы» одного из тамбурмажоров, одетого в расшитый золотом мундир и с потрясающим плюмажем...

Во время одного из парадов Наполеон получил донесения от своего посла в Константинополе генерала Себастиани, в которых тот писал о революции и об отречении султана Селима. Наполеон заявил царю, что падение Селима освобождает его от всех обязательств по отношению к Турции; теперь его совесть спокойна, он получал возможность осуществить великие планы, которые задумывал сам и к которым обязывала его дружба с Александром. Наполеон писал Талейрану, что его система опоры на Турцию шатается и начинает рушиться. Однако он еще не решился... 8 июля он поручил командующему далматской армией Мармону изучить, что могут дать восточные провинции Турции для европейской

державы, которая бы ими завладела, и составить записку о средствах, необходимых для завоевания этой области. Вскоре он сказал своему секретарю Меневалю: «Отдать Константинополь России? Никогда! Никогда! Ведь это мировая империя!..».

Тильзитские переговоры проходили между двумя государями с глазу на глаз, что было довольно необычно. Спешно вызванный из Кенигсберга Талейран, как и князь Куракин, исполняли лишь секретарскую работу. «В те исторические дни императоры оставляли на их долю лишь незначительные детали»[13], — отмечал историк Грюнвальд.

Уже 27 июня проект мирного соглашения был парафирован. Монархи обменялись знаками отличия: Александр получил большую ленту Почетного легиона, а Наполеон — Андреевскую. Затем они присутствовали на пире, данном одним из батальонов императорской гвардии батальону Преображенского полка, на нем вчерашние враги шумно побратались. Улицы были украшены полотнищами русских и французских флагов, увенчанных огромными буквами «А» и «N». Той ночью паролем для часовых было: *«Наполеон, Франция, отвага»*, а назавтра: *«Александр, Россия, величие»*.

Французские, русские и прусские пленные были освобождены. Наполеон назвал Александра своим «лучшим другом» и приписал к проекту договора следующие слова: «Я старался сочетать политику и интерес моих народов с огромным желанием быть приятным Вашему Величеству...». В собственноручно написанном ответе царь просил о снисхождении к своему «несчастливому союзнику», королю прусскому, и закончил письмо словами о том, что он молит

Бога хранить Его Императорское Величество под своим святым и высоким покровительством.

7 июля 1807 г. были подписаны три документа, положившие конец войне и «четвертой коалиции»: 1) договор о мире из 29 открытых статей; 2) 7 особых и секретных статей; 3) секретный договор о союзе из 9 статей[14]. Царь, от которого победитель не требовал ни контрибуций, ни территориальных уступок, обязался заключить перемирие с Портой и вывести войска из Молдавии и Валахии до заключения мирного договора, обсуждение которого должно было проходить при посредничестве Франции. Царь отказался от своих притязаний в Западной Европе, от Корфу, Ионических островов и Каттаро, пообещал быть посредником на переговорах между Францией и Англией, а в случае их неудачи — присоединиться к континентальной блокаде. Со своей стороны Наполеон заверил Александра, что воздействует на Порту и поможет в войне со Швецией. Он повторил царю: «С этих пор Висла должна стать границей между нашими империями...»[15]. Итак, они делили мир, не обращая внимания на Англию: Западная Европа отходила к Наполеону, а Восточная Европа и Азия — царю. И кажется, подобная перспектива — или хвастливое обещание — не без удовольствия была воспринята царем. В письме молодой царицы своей матери, написанном через несколько месяцев, это впечатление подтверждается. Она пишет, что Бонапарт кажется ей развязным совратителем, который лаской или силой прибирает к рукам всех красивых женщин. Как самая

добродетельная, Россия долго сопротивлялась, но в конце концов перешла черту, как и другие. И может быть, в лице императора она поддалась настолько же очарованию, насколько и силе. Интересно, к какой магии прибегает Бонапарт, чтобы так внезапно и в такой степени заставить перемениться мнения!..

Талейран писал в своих *«Мемуарах»*: «Инструкции, полученные мною, указывали, что я не должен был допустить внесения в него (в договор) ничего, что касалось бы раздела Оттоманской империи и даже будущей судьбы Валахской и Молдавской провинций, я точно их выполнял. Таким образом, Наполеон... сохранил свободу, в то время как императора Александра он оплел всевозможными обещаниями...»[16]. Так оно и было: с необычайной ловкостью Наполеон разжег в душе царя мечту о захвате Турции и Персии. Возможно даже, что он надеялся также поссорить царя с Фридрихом-Вильгельмом, отдав России отнятую у Пруссии территорию белостокского края...

Сжавшейся до размеров четырех провинций Пруссии оставалось лишь подчиниться. Ей пришлось отдать земли, чтобы создать Вестфальское королевство для принца Жерома Бонапарта и Великое герцогство Варшавское, предназначенное для саксонского короля. «Из уважения к царю» Наполеон все же вернул Пруссии часть завоеванной у нее территории и предложил возмещение ущерба, эквивалентное 300 — 400 тыс. душ в случае, если Ганновер будет соединен с новым Вестфальским королевством. Александр писал Фридриху-Вильгельму, что он сделал все, что в человеческих силах возможно было сделать. Ему страшно потерять на-

дежду быть полезным так, как хотело бы его сердце.

Мы знаем, что Наполеон ненавидел Фридриха. Увидев на карте очертания прусских границ, хотя и значительно уменьшившиеся, он воскликнул: «Неужели же я оставил столько земли этому человеку?..» Прусскому полномочному представителю он сказал, что *король всем обязан рыцарской преданности* царя. Без него королевская династия потеряла бы трон и он отдал бы Пруссию брату Жерому. В этих обстоятельствах король должен считать милостью, что он оставил кое-что ему во владение.

Однако попытаемся разобраться в истинных помыслах двух главных действующих лиц Тильзитской встречи.

* * *

Вначале Наполеон был настороже: в первый день рядом с плотом плавала лодка с вооруженными до зубов солдатами. Затем понемногу собеседник завоевал его доверие и, как казалось, дружбу. Император писал Жозефине, что видел Александра, он им очарован, находит его красивым, добрым, умным, гораздо умнее, чем обычно о нем думают[17]. Впоследствии он признавался Меттерниху, что считает царя умным, но чувствует, что в нем не хватает какой-то детали, и не может обнаружить какой... Своему сподвижнику, генералу Коленкуру, он сказал: «У царя есть некий взгляд, некие плохо продуманные мысли о своем положении... Он ставит все чувства доброго сердца на место, где должен находиться просвещенный разум...».

По завершении тильзитских переговоров Наполеон был явно уверен, что выиграл партию у этого

молодого, симпатичного и... наивного (не так ли?) государя. Сорель считает, что император из тщеславия принимал ласковые слова и комплименты, расточавшиеся Александром...[18]

А что царь думал о Наполеоне?.. Он якобы сказал после их первого разговора: «Он вежлив, однако застегнут на все пуговицы и холоден...». 29 июня он писал своей любимой младшей сестре Екатерине, что Господь их сохранил! Они вышли из борьбы даже с блеском. Но что она скажет обо всех этих событиях?.. Он проводил целые дни с Бонапартом! Не похоже ли все это на сон?.. Он пишет матери, что, к счастью, несмотря на весь его гений, у Бонапарта есть одна уязвимая черта — это его тщеславие, и он решился принести в жертву свое самолюбие ради спасения России.

После этого он скажет посланнику Савари, что ни против кого у него не было столько предубеждений, как против Наполеона, но все они рассеялись как сон после 40 минут разговора. Он все время боялся забыть хоть одно слово из того огромного количества, которое Наполеон сказал ему за столь короткое время. Одному из австрийских дипломатов царь похвалит совершенно необычный гений этого человека. Чарторыйскому он рассказывал, как среди самых больших треволнений Наполеон всегда сохранял спокойную и холодную голову; все его вспышки предназначены для окружающих и чаще всего хорошо рассчитаны. Он ничего не делает, не предусмотрев и не соразмерив всего заранее.

Были ли искренними тильзитские объятия? Притягивала ли обоих императоров друг к другу настоящая взаимная симпатия? Мы в этом не уверены, хотя царь и сказал графине д'Абрантес через 8 лет

после Тильзита: «Как я любил этого человека!..»[19]. Гордый своими блестящими победами и превосходством над всеми монархами, с которыми он до сих пор встречался, Наполеон посчитал своего молодого собеседника человеком симпатичным, наивным, неопытным и простосердечным; он вообразил, что смирил и безраздельно подчинил себе Александра. Сорель, с точкой зрения которого мы не согласны, высказывает довольно странную мысль о том, каким Наполеон стал после тильзитского свидания. Якобы с тех пор, как он встретился с царем, его императорская гордыня более не знала удержу. В нем смешались Диоклетиан и Иван Грозный, Карл Великий и Петр I. И напротив, как нам кажется, Сорель правильно пишет об Александре: «...Мысль все устроить с Наполеоном, без министров, без свидетелей, между двумя властителями мира, экзальтировала его непомерное честолюбие, сдерживаемое до сих пор. Рядом с этим еще действовало то любопытство, то щекотание самолюбия, то призвание артиста, который наконец играет свою роль очарователя; те ресурсы женской кокетливости, прикрытой боязливостью, которая и делала его таким привлекательным и таким опасным»[20].

Нет никакого сомнения в том, что царь восхищался военным гением Наполеона, его способностями и умением работать, однако его симпатия не была безоговорочной, он таил в душе досаду за свои поражения. Его восхищение не было до конца искренним. Он произносил комплименты, но не вкладывал в них душу. По сути, в нем уживались восхищение и злая обида; он был побежден и хотел выиграть время, чтобы восстановить потери и перегруп-

пировать силы. В этом необычном поединке, по нашему мнению, более ловким и менее честным показал себя император Востока. Наполеон понял это гораздо позже, сказав уже на острове Св. Елены:

«...Царь умен, изящен, образован; он легко может очаровать, но этого надо опасаться; он неискренен; это настоящий византиец времен упадка Империи. У него, конечно, есть подлинные или наигранные убеждения, однако, в конце концов, это только оттенки, данные ему воспитанием и наставником. Поверят ли мне, если я скажу, что мы с ним обсуждали? Он доказывал мне, что наследование является злом для верховной власти, и я вынужден был потратить целый час и призвать на помощь все мое красноречие и логику, дабы доказать ему, что подобное наследование есть покой и счастье народов. Вполне возможно, что он меня дурачил, ибо он тонок, лжив, ловок; он может далеко пойти. *Если я умру здесь, он станет моим настоящим наследником в Европе.* Только я мог его остановить, когда он появлялся во главе своих татарских полчищ...»[21].

«Был ли Тильзит «днем одураченных»?»[22] — спрашивает историк Краковский. Возможно, да! И не стал ли его жертвой победитель?..

* * *

Роль, отведенная на переговорах королю Пруссии, была незначительной. Наполеон на острове Св. Елены рассказывал, как в Тильзите почти каждый день оба императора и король

4 591

совершали совместную прогулку верхом и всякий раз король попадал впросак или ему в чем-то не везло. Для пруссаков это зрелище было настоящей пыткой. Наполеон обычно ехал между двумя монархами, однако король либо еле-еле за ним поспевал, либо беспрестанно толкался и мешал Наполеону. При возвращении с прогулки оба императора быстро соскакивали на землю и, взявшись за руки, поднимались по лестнице. Желая соблюсти приличия, Наполеон не хотел входить в дом без отставшего короля, поэтому приходилось долго ждать, а так как часто дождило, то оба императора мокли по милости короля, к великому неудовольствию глазевшей на них публики.

Неловкость прусского короля проявлялась тем сильнее, что Александр был полон изящества и мог сравниться с теми, кто блистал самыми изысканными манерами в парижских салонах. Иногда его спутник, согбенный бременем печалей или по какой другой причине, так им с Наполеоном надоедал, что они не сговариваясь расходились, только чтобы от него отделаться. Они расставались сразу же после обеда под предлогом какого-нибудь дела, но вскоре встречались за чашкой чая и оставались вместе, разговаривая до полуночи или до еще более позднего времени[23].

Неимоверно страдавшая королева Луиза Прусская проживала в Мемеле, тогда как ее муж обретался в Тильзите, в постройках какой-то маленькой мельницы. 30-летняя королева — красавица, полностью преданная Пруссии, своему унылому супругу и двум сыновьям, — подтолкнула в свое время мужа к объявлению войны. Мы знаем, как, одетая в

мундир своего драгунского полка, она объезжала и воодушевляла войска. Удрученная поражениями, теперь она возлагала свои последние надежды на царя, которому писала, чтобы он не оставлял их! Что станет с королем и детьми?.. И пусть она погибнет, лишь бы король и будущее детей было спасено. Ей не на что будет надеяться, если царь перестанет быть вершителем их судеб!..

Однажды она приехала к своему мужу в Тильзит. Неизвестно, узнал ли об этом Наполеон или все произошло случайно, но он явился к ним без предупреждения. Во время разговора королева умоляла вернуть Пруссии Вестфалию, Магдебург и некоторые другие земли. Наполеон обещал подумать. И вдруг, к изумлению хозяев, пощупал пальцами ткань, из которой было сшито платье королевы, и непринужденно, по-свойски спросил: «Скажите, это креп или итальянский газ?». Глубоко оскорбленная в своих чувствах, королева ответила: «Государь, неужели мы будем говорить о тряпках в такой торжественный момент?..».

Император пригласил ее на обед. Надеясь улучшить положение Пруссии, но без воодушевления, она приняла приглашение. После обеда Наполеон преподнес ей розу. «Вместе с Магдебургом?» — спросила она. «Я хотел бы заметить Вашему Величеству, что дарю — я, а не Вы!..» — ответил Наполеон. И Магдебург не был возвращен Пруссии... На следующий день Наполеон писал Жозефине: «Королева действительно очаровательна, она кокетничает со мной, но не ревнуй; все это скользит по мне, как по

клеенке. Мне стоило бы слишком дорого ухаживать за ней»[24].

Во время обеда царь сидел слева от королевы. Говорят, она сказала ему шепотом: «Вы меня жестоко обманули!» Скорее всего, она имела в виду торжественные обещания, данные прусскому королю, от которых, судя по всему, царь теперь отказывался. Вплоть до 9 июля один за одним следовали покрываемые громом оваций парады, прохождения войск, приемы и конные прогулки.

Вскоре королева узнала от своего мужа, что Наполеон отверг почти все просьбы Пруссии и что «смертный приговор был произнесен». Она впала в отчаяние.

Глава 5

ИМПЕРАТОРЫ ССОРЯТСЯ
Встреча в Эрфурте
(сентябрь — октябрь 1808 г.)

Иногда полезно что-нибудь пообещать.

Наполеон I

Начиная с Эрфурта, Талейран есть не что иное, как предатель...

Груссе, Главные действующие лица

Александр по возвращении в Санкт-Петербург встретился с открыто выраженным недовольством: высшее духовенство проклинало Наполеона, дворянство вопило о «тильзитском предательстве», обвиняя царя в недостатке воли и недостойном поведении. Даже его мать заметила, что ей неприятно целовать друга Бонапарта! Императрица Елизавета писала своей матери 25 июня: «Чем более привязанности Александр выказывает своему новому союзнику, тем больший это вызывает шум, тем сильнее крики, от которых иногда становится страшно!..»

Старый Воронцов говорил, что чувствует себя оплеванным, не осмеливается появиться в свете, не может перенести позор, унижение и неизбежное падение своей несчастной родины. Политика царя подвергалась столь резкой критике, что кое-кто уже вспоминал о трагической смерти Петра III и Павла I. Жозеф де Местр говорил о том, что многие советуют применить не что

иное, как *азиатское лекарство*, чтобы выйти из этого угрожающего положения!

Центром этой неистовой оппозиции становится Павловский дворец, в котором жила вдовствующая императрица. Она иногда набрасывалась на сына как волчица. Казалось даже, что неудовлетворенное честолюбие затмило в ней материнскую любовь. Подобное отношение тем более достойно осуждения, что Александр был очень щедр к своей матери: она возглавляла Ссудный банк и другие очень доходные предприятия и располагала годовым доходом более чем в миллион рублей! В пышных туалетах она проезжала по столице в роскошной карете о шестерке лошадей, тогда как император и императрица довольствовались маленьким возком. Молодая царица писала матери в Германию, что все недовольные собираются вокруг свекрови и превозносят ее до небес; никогда еще ее двор не был таким многочисленным; никогда еще она не привлекала столько народа в Павловск, как в этом году. В такой момент, когда она не может не знать, до какой степени общество восстановлено против императора, разве должна она привлекать самых больших крикунов и лебезить перед ними?.. Добрый император, лучший из всей семьи, кажется проданным и преданным всеми близкими. Чем тяжелее положение, тем сильнее царица за него переживала, даже становясь при этом несправедливой к тем, кто его не жалеет.

Елизавета, которой тогда еще не исполнилось 30 лет, была в самом расцвете. Саксонский посланник писал, что она очаровательна, черты ее лица необычайно тонки и правильны, у нее греческий профиль, большие голубые глаза и дивные золотистые волосы. Все ее существо дышит изяществом и величием, по-

ходка воздушна. Несомненно, это одна из самых красивых женщин в мире! Граф Федор Головкин также восхищался тактом, рассудительностью, знанием человеческого сердца, изяществом, чувством меры и умением выразить свою мысль, свойственными императрице. Однако царь странно ведет себя с такой очаровательной женой. Посмотрим, что она говорит: «Он приводит ко мне любителей позднего ужина, усаживает нас за стол, а сам уходит...» Быть может, он сердился на нее за давнюю связь с Чарторыйским, хотя сам же ее когда-то поощрял?.. Или он убегал, чтобы побыстрее припасть к ногам своей красивой любовницы Марии Антоновны Нарышкиной, подарившей ему дочь Софью? В то время ей уже исполнился год.

Желая угодить царю, Наполеон сказал в одной из речей в Законодательном корпусе, что Бранденбургский дом «только потому еще правит, что я питаю чувство искренней дружбы к могущественному императору Севера...» (16 августа 1807 г.)[1]. Вскоре после этого он спешит объявить царю о браке своего брата Жерома, короля Вестфалии, с принцессой Екатериной, дочерью короля Вюртембергского, двоюродной сестрой Александра I. Он выражает удовлетворение недавно установившимися между ними отношениями дружбы и доверия и заверяет, что не упустит ни единой возможности укрепить их и усилить. Он рассчитывает на полную взаимность со стороны Его Величества[2].

Царь ответил, что придает самое большое значение новой соединившей их связи и горячо желает, чтобы она могла способствовать все большему укреплению отношений дружбы и доверия, так счастливо установившихся между ними. Он просит Его

Величество всегда рассчитывать на неизменное расположение[3].

К большому удовольствию Наполеона, Александр подарил ему великолепные меха и свой мраморный бюст. Император ответил «доброму брату» дивным сервизом севрского фарфора. Не правда ли, какая императорская идиллия...

В ожидании обмена послами Наполеон счел нужным направить в Россию в качестве своего представителя генерала Савари, сыгравшего главную роль в казни герцога Энгиенского. Он сказал Савари: «Я доверяю Александру I, и между двумя народами нет ничего, что препятствовало бы полному сближению. Поезжайте туда и работайте!..» Царь принял генерала с распростертыми объятиями и пригласил его отобедать вместе с ним и царицей. 4 августа Александр написал сердечное письмо Наполеону, в котором просил поверить, что описываемые им чувства и доверие неизменны и что Тильзит навсегда останется в его памяти. Он бы хотел верить, что союз между Россией и Францией будет все более укрепляться. Таково было самое искреннее желание царя.

Александр многократно приглашал к себе Савари и был с ним чрезвычайно любезен. Но императрица-мать приняла генерала с ледяной холодностью, уделив ему «менее одной минуты беседы». Высшее общество повернулось к нему спиной. На 30 визитов, нанесенных им русским сановникам, ему ответили двумя! Хуже того, один из гвардейских офицеров дал денег лихачу-извозчику, чтобы тот зацепил и опрокинул карету «проклятого француза»!.. Обескураженный Савари сообщал в Париж, что везде он наталкивается на «молчание, граничащее с оцепенением».

Это была ненависть, но не к Франции, а к императору французов[4].

Вскоре Чарторыйский, Кочубей и Новосильцев, недовольные политикой царя, были посланы за границу, а Румянцев, Сперанский и Аракчеев, сторонники союза с Наполеоном, заняли высокие должности. В одном из конфиденциальных разговоров с Савари новый министр иностранных дел Румянцев попросил передать Наполеону предложение разделить Турцию между Францией и Россией, ибо Оттоманская империя разваливается так быстро, что, даже если не будет никаких толчков, вскоре все равно придется идти подбирать ее обломки... Сказав так, министр цинично добавил: «Почему бы не взять, раз все берут? Мы по крайней мере получим почетный мир!»[5]. Несколько дней спустя он сказал, намекая на волнения в Турции: «Вы видите, что мы будем вынуждены объявить в газетах, что Оттоманская империя умерла и что наследников просят объявиться!»[6].

* * *

Разрыв 31 октября 1807 г. дипломатических отношений между Англией и Россией вызвал падение курса рубля на 50%, значительное сокращение импорта и экспорта, новую мобилизацию и, самое главное, породил резкое недовольство. Французский дипломат Жан Батист де Лессепс, генеральный комиссар по торговым отношениям с Россией, писал в это время о том, что привязанность и уважение к монарху настолько упали, что теперь можно ожидать всякого. Открыто критикуются действия и решения правительства. Шведский посол Стединг подтверждает, что недовольство императором усиливается и то, что при-

ходится слышать, — ужасно. Часто рассуждают о смене царствования...

* * *

Александр назначил послом в Париже генерал-лейтенанта Петра Толстого, хладнокровного и знающего себе цену профессионального военного. В данных ему инструкциях царь обозначил освобождение Пруссии как вопрос, которому он придает самое большое значение; он предписал Толстому «сохранять во всех своих действиях меру, позволяющую достичь основной цели миссии, а именно укрепления согласия и доверия с Наполеоном». И еще царь прибавил, что, каковы бы ни были причины долгого разрыва между Россией и Францией (до Тильзита), он твердо решил предать прошлое полному забвению и строго соблюдать недавно принятые на себя обязательства. Он желал бы надеяться, что со своей стороны император французов не откажется от подобных же намерений. Он хотел бы постоянно наращивать связи, недавно создавшиеся между двумя империями. Необходимо крепить их при всяком удобном случае, избегать, насколько это возможно, всего, что могло бы нарушить столь счастливо созданную добрую гармонию...

Проезжая через Мемель, новый посол с тревогой наблюдал за прусской королевской четой — отчаявшейся, почти разоренной, не всегда евшей досыта и бессильно смотревшей на страдания своего народа.

1 ноября 1807 г. Толстой вместе с советником Нессельроде, полудюжиной атташе и адъютантом наконец прибыл в Париж. Через пять дней Наполеон устроил ему блестящий прием в Фонтенбло. Однако посол отвечал ледяными улыбками на любезности им-

ператора и воинственными словами на речи маршала Нея. 12 ноября он имел продолжительную беседу с послом Австрии графом Клеменсом Меттернихом, который сказал ему:

«У нас есть все, и мы можем иметь одну лишь цель: сохранить наше достоинство посреди этой всеобщей вакханалии. Европа или, скорее, несколько кусочков старой Европы находятся на одной стороне, император Наполеон — на другой. Сегодня он может расточать вам ласки, а завтра на вас напасть; он поступит так же и с нами. Нам обоим придется постоянно противодействовать его подрывным и захватническим планам. Борьба долгое время была открытой, но, к сожалению, слишком плохо велась. Наше взаимное положение требует теперь, чтобы мы ограничились защитой принципов, которые всегда будут составлять основу вашего и нашего существования. Нам нужно избежать двух одинаково опасных подводных камней — как ссоры, так и его ложных ласк. Если мы умны и будем дружить, то сумеем проплыть между этих двух подводных камней...».

Граф Толстой отвечал:

«Я полностью разделяю Ваше мнение. Верьте, что мой двор совершенно так же смотрит на вещи, ибо внешние проявления его позиции обманчивы. Я не знаю, что эти люди хотят сделать со мной, но они — идиоты, если думают, что смогут оставить меня в дураках!»[7].

В гневных донесениях министру иностранных дел Румянцеву от 22 и 27 ноября 1807 г. этот странный посол уже уверял, что Наполеон не только не поддерживает Россию, но и хочет загнать ее в старые границы, превратить в азиатскую державу, отбросить на Восток, натравить на Персию и Индию в ожидании

того момента, когда он сможет ее окончательно растоптать. «Все разрушить, все убить вокруг себя, чтобы царствовать над лежащей в руинах Европой, — вот его цель!.. Я никак не могу понять, чем объясняется доверие, которое Ваше Превосходительство продолжает оказывать чувствам Наполеона по отношению к России...».

В октябре 1807 г. между двумя императорами возникла напряженность: Наполеон попросил объяснений по поводу продолжавшегося присутствия русских войск в дунайских княжествах, что противоречило положениям тильзитского договора. Александр ответил, что во время переговоров император сам неоднократно говорил, что не настаивает на выводе этих войск. Румянцев попросил, чтобы России были оставлены Молдавия и Валахия в качестве компенсации за разрыв с Англией и напряженность в отношениях со Швецией. Министр цинично прибавил в разговоре с Савари: «Европа ничего на это не скажет. Что такое Европа? Где она, если не между вами и нами?». Наполеон предложил в качестве контруступки передачу Силезии Франции.

Толстой в Париже настаивал, чтобы французская армия ушла из прусских государств. Тогда Наполеон предложил на выбор три комбинации: одновременный уход русских из Молдавии и Валахии, а французов из прусских государств, или аннексию Россией дунайских княжеств в обмен на равноценную компенсацию для Франции в Пруссии, или, наконец, общий раздел Оттоманской империи, при котором Россия будет простираться до Константинополя и даже вступит во владение этой столицей, но признает за Францией приобретения, которые будут определены позднее[8]. Генерал фон Шильдер с полным основанием

писал, что посол Толстой не только не старался укрепить связи, установленные в Тильзите между двумя императорами, но и делал все от него зависящее, чтобы привести к их разрыву. Всецело преданный Пруссии, Толстой с ледяным выражением на лице сквозь зубы поблагодарил Наполеона за выписанное из Брюсселя и подаренное его жене кружевное платье, хотя подобной чести удостаивались от императора лишь принцессы крови. Он поддерживал отношения только с роялистами и предрекал близкий разрыв между двумя империями. Одним словом, это был достойный преемник Маркова!

Что касается Александра, он в разговоре с Савари с жаром настаивал на том, чтобы король Пруссии снова вступил во владение определенными тильзитским договором территориями. Доказывая настоящую верность этому монарху, царь отказался от того, чтобы Россия сохранила за собой Молдавию и Валахию в обмен на занятие Францией прусских провинций. «Для меня — это дело чести, — сказал он в заключение разговора»[9]. После окончания миссии царь щедро наградил Савари.

* * *

1 ноября 1807 г. Наполеон назначил послом в России генерала де Коленкура, герцога Виченцкого, с годовым жалованьем в 800 тыс. франков и выдал ему 250 тыс. подъемных. «У него красивое лицо, благородные манеры, это человек из хорошего общества», — говорила о нем герцогиня д'Абрантес. «Сердечный и прямой человек, с твердым характером, железный брус, который нужно бросить в огонь, чтобы заставить его согнуться», — скажет о нем Наполеон.

Коленкур сначала отклонил предложенную ему честь, ибо уже два года был влюблен в г-жу де Карбоннель де Канизи и не хотел покидать Францию[10]. Но в конце концов согласился и прибыл в Санкт-Петербург 17 декабря 1807 г.

Александр принял посла очень хорошо и отметил, что император не мог сделать более приятный для него выбор. Царь отвел Коленкуру дворец князей Волконских и относился к нему как к высокородному князю. Он приглашал Коленкура на обеды и на спектакли в Эрмитажный театр, желал видеть его на отдыхе. Но при этом не забывал напомнить, что король Пруссии должен получить все, что возвращено ему тильзитским договором. Коленкур писал: «Царь стал подозрительным... Столько людей заверяют его, что он станет жертвой своей доверчивости, что мне приходится вновь завоевывать его доверие... Если войска уйдут из турецких провинций, то везде — в обществе, в армии — заговорят о бесчестье...»[11]. Будучи большим хлебосолом, посол устраивал роскошные приемы — и разорился, дойдя до того, что написал Наполеону: «...хоть свои рубашки продавай...». Однажды посол Жозеф де Местр был приглашен коллегой на ужин, накрытый на 400 персон, где царю поднесли семь груш, купленных по 300 франков за штуку!

Коленкур гордился тем, что по приглашению царя присутствовал на парадах, стоял рядом с монархом перед войсками. Он писал в Париж в январе 1808 г., что все здесь устроено на французский лад: генеральские мундиры, эполеты офицеров, перевязи вместо поясов у солдат, французские ружейные приемы; музыка похожа на французскую, французские марши...

В высшем свете посла приняли враждебно, так как считали, что он замешан в казни герцога Энгиенского, от чего Коленкур всячески открещивался. А царь не переставал осыпать его милостями. Но как бы там ни было, согласие между двумя императорами все никак не устанавливалось, а в инструкциях от 14 января 1808 г. министр иностранных дел Шампаньи писал Коленкуру: «Пожелание [Наполеона] таково, чтобы все оставалось в положении, определенном тильзитским договором, чтобы русские ушли из Валахии и Молдавии, и тогда он уйдет из прусских государств, как только будет уплачена контрибуция...»[12]. Дело топталось на месте. У царя иногда прорывалось разочарование и раздражение. «Он боится показаться простаком»[13], — сообщал Коленкур в Париж.

Неизвестно, хотел ли Наполеон в этот момент избежать разрыва с Россией, ведь король Англии заявил в парламенте о своей твердой решимости идти до конца в борьбе против императорской Франции. Наполеон, аннексировав Парму, Пьяченцу, Тосканскую область, оккупировав Папскую область и бросив свои армии в Испанию, предложил Александру завоевать Швецию и отправиться на завоевание Индии через Константинополь и Кавказ. Был ли это тот самый раздел мира, о котором вскользь упоминалось в Тильзите?

Царь ответил, что намерения Его Величества показались ему столь же великими, сколь и правильными. Задумать такой обширный план мог лишь гений. Этот же гений его и осуществит![14] В марте 1808 г. он коварно объявил, что готов участвовать в кампании на Востоке, однако при непременном условии передачи ему Константинополя и проливов. Несколько месяцев спустя царь возвратился к этой теме — скорее всего,

чтобы выведать истинные цели союзника, — в разговоре с Коленкуром: «Константинополь станет лишь маленьким провинциальным городом на краю Империи. Сама география хочет, чтобы я им владел, ибо если он будет принадлежать другому, то я уже не буду чувствовать себя дома в своей же стране. А ведь то, что у меня есть ключ от своего дома, не доставляет неприятностей другим, и император это подтвердит».

Коленкур неоднократно встречался с царем и Румянцевым, но безрезультатно, так как притязания обоих монархов зачастую были несовместимы[15]. Теперь Наполеон был категорически против расширения России за счет Турции, точно так же как и Александр — против аннексии Польши Францией. Польша — это единственный вопрос, по которому он никогда не уступит, заявлял царь Коленкуру. Уже на острове Св.Елены Наполеон скажет: «Каким бы тяжелым ни казался упадок Оттоманской империи, она стала для нас обоих причиной разрыва; это было болото, закрывавшее мне ход направо... Греция, или по крайней мере Пелопоннес, должна была достаться той европейской державе, которая завладеет Египтом. Она должна была достаться нам... А затем, севернее, могло появиться независимое королевство Константинополь с его провинциями, дабы служить преградой русской державе...».

Вынужденный, в соответствии с договорами, пойти на обострение отношений с Англией, царь секретно послал в Лондон уполномоченного, дабы успокоить британский кабинет относительно его истинных чувств. «С этого момента, — отмечает Палеолог, — все политические намерения и все расчеты Александра будут носить на себе тройной отпечаток — недоверия, скрытности, двуличия. Он скоро покажет себя

несравнимым виртуозом в исполнении этой сложной, глубоко нюансированной роли...». Одураченный Коленкур передавал в Париж слова Александра, что император покорил его в Тильзите...

Тем временем отношения между Пием VII и Наполеоном дошли до того, что император просто-напросто взял да и лишил папу свободы, посадив его под арест 7 апреля 1808 г.![16] За два месяца до этого наполеоновские войска заняли Рим. Возможно, ободренный этим примером, царь отнял у Швеции ее провинцию, Финляндию, а также Аландские острова.

Наполеон страстно хотел овладеть Испанией — несмотря на то, что эта страна была его союзницей, потеряла свои последние корабли в битве при Трафальгаре и оставила один из своих армейских корпусов в Германии. Подумаешь! Император вызвал в Байонну испанского короля Карла IV, королеву и принца Фердинанда Астурийского, провозглашенного королем в результате бунта в марте 1808 г. Воспользовавшись их распрями, он низложил Карла IV и посадил на «трон католических королей» своего брата Жозефа Бонапарта, короля Неаполитанского, которого в Италии заменил его зять Мюрат. В порыве возмущения вся Испания поднялась против до сих пор непобедимой французской армии; три дивизии генерала Дюпона капитулировали в Байлене 22 июля 1808 г., через 13 дней после вступления Жозефа в Испанию! «Эта новость принесла в Португалию дух восстания, до безумия воспламенила испанскую гордость...» (Альбер Сорель).

Возвратясь 14 августа в Сен-Клу, Наполеон передал Александру, что он уходит из прусских государств, не требуя от России, чтобы она ушла из Валахии и Молдавии, на которые имел право претен-

довать. Наверняка царь понял, что император нуждался в переброске войск в Испанию после байленского крушения... Однако армия Жюно была побеждена англичанами и сложила оружие 30 августа в Синтре. Разношерстные войска Бертье были брошены на Мадрид.

Наполеон обрушился с резкими нападками на графа Меттерниха, посла Австрии, обвиняя его двор в действиях, направленных против Франции, и протестуя против лихорадочных попыток Австрии вооружиться. Дипломат передавал в донесении слова императора: «Знаете ли вы, почему я произвел перемену в Испании? Потому что мне нужно было полное спокойствие с тыла... Трон был занят Бурбонами; это мои личные враги; они и я — не можем одновременно занимать троны в Европе...» Император, продолжал свое донесение Меттерних, начал тогда спор, продолжавшийся более получаса, о причинах *малого благорасположения в отношениях между двумя дворами — французским и австрийским.* Он жаловался на то, что... австрийские император и императрица, будучи в свете, никогда не спрашивают у посла Франции о нем, о Наполеоне!.. «Вы поглядите, на какой равной ноге мы находимся с императором Александром: мы дарим друг другу подарки; эти подарки не делают нас богаче, однако укрепляют наши связи. Я хотел бы сделать подарок вашей императрице, но ведь она ни разу не произнесла моего имени. Неужели вы думаете, что я здесь сначала пользуюсь вещами, которые дарю? И что же? Никогда ни одного знака внимания с вашей стороны!..».

Меттерних прибавляет, что император рассказал ему о характере Александра, о своей чрезвычайной привязанности к этому монарху, о данных ими друг

другу доказательствах взаимного уважения. И что бы об этом ни думали, считает его мудрым государем, твердым в своем правлении и верным однажды установленным принципам.

Зная, что Наполеон и Александр должны встретиться в следующем месяце в Эрфурте, Меттерних посчитал, что присутствие там Австрии могло бы быть полезным «для особых отношений [с Францией] и для дела всеобщего спокойствия». Он высказал желание присутствовать на этой встрече, но Наполеон отверг его предложение, объяснив, что не может делать исключения для Австрии. Но это было только предлогом, так как он хотел получить поддержку России в противоборстве с Веной и располагать ее войсками в войне против Испании.

* * *

Известие о том, что царь встретится с Наполеоном в Эрфурте, вызвало бурю возмущения в Санкт-Петербурге. Граф Строганов выступил с протестом прямо на заседании Государственного совета и был многими поддержан. По городу поползли зловещие слухи, кое-кто вновь вспомнил о трагическом конце Павла I. Однако Александр держался молодцом и говорил: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним!» Мать писала ему: «Вы потеряете Вашу империю и Вашу семью: остановитесь, еще есть время, послушайтесь голоса чести, просьб и молений Вашей матери!.. Остановитесь, мое дитя...». Он ответил длинным письмом: «Сохранить свое единение с Францией... К этому-то результату должны были клониться все наши усилия, чтобы таким образом иметь возможность некоторое время дышать сво-

бодно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства, наши силы... Если Провидение предрешило падение этой колоссальной империи, я сомневаюсь, чтобы оно могло произойти внезапно; но если бы даже оно было так, то более благоразумно выждать, чтобы она рухнула, а затем уже принять свое решение. Таково мое мнение»[17].

14 сентября 1808 г. царь отправился в Эрфурт и по пути провел два дня с прусской королевской четой. Фридрих-Вильгельм горько жаловался на выдвинутые Наполеоном условия вывода его войск из королевства: выплата 140 миллионов франков, сохранение французских гарнизонов в Штеттине и Кюстрине до полной уплаты этой суммы, ограничение численности армии до 42 тыс. солдат[18]. Король и королева умоляли Александра не доверять Наполеону и договориться с Англией и Австрией о совместной борьбе против него. Царь отверг такое предложение, однако пообещал замолвить словечко за Пруссию. Он настойчиво убеждал короля скрывать свои чувства, изображать полное согласие с Наполеоном, потому что надо было выиграть время.

Александр прибыл в Эрфурт через Кюстрин и Лейпциг, повсюду приветствуемый французскими войсками, занимавшими страну. В Эрфурте его поджидал человек, которому как нельзя лучше подходило прозвище *«Хромой дьявол»*. Талейран не простил Наполеону, что он лишил его высоких постов и приказал бывшему испанскому королю Фердинанду VII с семьей жить у него в замке, направив хозяину презрительную записку, где говорил, что миссия его будет достаточно почетной: принять трех знатных гос-

тей и развлекать их, что совершенно соответствует характеру положения Талейрана...

Талейран встретился с царем у принцессы Турн и Таксис. Первыми его словами были:

«Государь, зачем Вы сюда приехали? На Вас пала задача спасти Европу, и Вы можете достичь этого, лишь возражая во всем Наполеону. Французский народ цивилизован, а его властитель — нет. Властитель России цивилизован, а его народ — нет. Поэтому властитель России должен стать союзником французского народа...»[19].

Он предсказал скорое крушение империи, говорил о недовольстве, царившем среди соратников Наполеона, доказывал, что надо бороться с честолюбием императора, ибо последние войны были результатом именно его разыгравшегося честолюбия. Франция устала, народ не хочет ни завоеваний, ни побед, дело Наполеона — это не дело французской нации, спасение Европы требует союза между Россией и Австрией...

Разрушая последние иллюзии царя, Талейран сообщил ему, что *планы войны в Индии и раздела Оттоманской империи были лишь химерой, чтобы отвлекать внимание России до момента, как будут устроены испанские дела.* Он настойчиво советовал царю не принимать угрожающих или просто оскорбительных для Австрии мер...

В своих *«Мемуарах»* Талейран хвастается, что разрушил все планы Наполеона. Он скажет уже во времена Реставрации, что в Эрфурте спас Европу от полного разрушения[20]. Альбер Сорель замечает на это: «Подобные теории, с вельможной наглостью рассказанные Талейраном в его *«Мемуарах»*, не могут скрыть дух

плутовства и предательства, свойственный интриге, которую он затеял...».[21]

Королева Пруссии Луиза умоляла Александра, чтобы он опасался «этого отвратительного Наполеона» и сопротивлялся ему, чтобы был осторожен с этим ловким плутом и прислушался к словам, которые она говорит исключительно в интересах Александра, ради его славы, которая ей дорога, как и своя собственная...

Как бы там ни было, 27-го числа царь и император французов встретились на полдороге между Веймаром и Эрфуртом. Александр был окружен блестящей свитой, там были: его брат великий князь Константин, фельдмаршал граф Толстой, обер-прокурор Синода князь Голицын, личный советник и секретарь кабинета Сперанский, князья Трубецкой и Гагарин, графы Шувалов и Ожаровский, генерал-адъютанты.

Оба императора обнялись, как старые добрые друзья после долгой разлуки, затем верхом поехали к Эрфурту. Царь был в темно-зеленом мундире русского генерала, слева от него ехал Наполеон в форме гвардейских егерей. Их приветствовала огромная толпа любопытных обывателей, войска в парадных мундирах, звучали артиллерийские залпы и колокольный звон.

В течение нескольких дней император французов представлял своему гостю многочисленные полки: он организовал учения и водил Александра по расположениям войск, объясняя ему всю, вплоть до деталей, французскую военную жизнь. Какой контраст со встречей в Тильзите! Вместо простого плота и скромных домиков действие разворачивалось в парадных залах и устроенных на французский манер апарта-

ментах. Короли Баварии, Саксонии, Вюртемберга, Вестфалии, их высочества и светлости, министры, их превосходительства, маршалы, затянутые в ремни, обвешенные наградами, в сапогах со шпорами, были окружены многочисленными военными и гражданскими лицами. Там была вся Германия — официальная, порабощенная, протежируемая, завербованная, награжденная, простершаяся ниц! Наполеон доверительно сказал Талейрану: «Прежде чем приступать к работе, я хотел бы, чтобы царь был ослеплен спектаклем моего могущества!..» У ног хозяина Европы курили фимиам! «Никогда низость еще не проявляла себя столь изобретательной, — отмечал Талейран, князь Беневентский. — Я не видел, кто погладил бы льва по гриве, но сохранил при этом благородство!..»* Шесть лет спустя, во время Венского конгресса, он сказал женевскому делегату Пикте де Рошмону: «Я с отвращением вспоминаю заседания в Эрфурте, где целые толпы государей пресмыкались перед человеком, который не переставал осыпать их оскорблениями...»[22]. Действительно, император обращался с малыми властителями с бесцеремонностью и фамильярно называл их: *«Саксонский король!..»*, *«Вюртембергский король!..»* — и даже, говорят, крикнул во время обеда: «Да замолчите же Вы, король Баварский!».

Ночью после представления «Эдипа», на котором Наполеон был вместе с Александром,, император в своей комнате вдруг что-то закричал. Прибе-

---

* Ср. слова Талейрана о Меттернихе: «Он умел гладить льва по гриве», имея в виду его способность тонкой дипломатической лестью «приручить» врага (см.: Манфред. Наполеон. М., 1973, с.660). — *Прим.ред.*

жавшие увидели распростертого на постели Наполеона, всего в поту. «Вы хорошо сделали, что разбудили меня, — сказал господин Европы. — Мне только что приснился ужасный сон: медведь разодрал мне грудь и стал пожирать мое сердце...». Не был ли это русский медведь?

После отъезда королей оба императора засели за работу. По совету Талейрана, человека, предавшего своего хозяина, а затем, по привычке, всех впоследствии его купивших, царь был осторожен. В конце концов была подписана секретная эрфуртская конвенция. В ее преамбуле говорилось, что «Его Величество император французов и Его Величество император Всероссийский желают придать соединяющему их союзу более тесный и навеки нерушимый характер...»[23]. Александр добился уменьшения на 20 миллионов наложенной на Пруссию непосильной контрибуции, ухода войск из Великого герцогства Варшавского, признания аннексии Финляндии, Молдавии и Валахии. Он обязался быть на стороне Франции вплоть до того момента, пока не утвердится введенный Наполеоном в Испании порядок. Договор, который по крайней мере в течение «десяти лет» (!) должен был оставаться секретным, раздвигал границы Российской империи до устья Дуная. В случае нападения со стороны Австрии Россия должна была выступить вместе с Францией. Наполеон не добился большего, но воспротивился занятию Россией Дарданелл и Босфора.

В письме из Эрфурта, помеченном 12 октября 1808 г., оба императора обратились к королю Англии с призывом к миру. Оно заканчивалось словами:

«Мы объединились, чтобы просить Ваше Величество выслушать голос человечности, заставив замолчать страсти, твердо добиваться гармонии всех интересов и гарантировать тем самым существование всех держав и обеспечить счастье Европы и поколения, во главе которого нас поставило Провидение.

Наполеон, Александр»[24].

Это был шаг, заранее обреченный на неудачу! Однако за день до объявления о разрыве с Англией министр Александра Будберг говорил английскому послу в Санкт-Петербурге лорду Говеру, что царь далек от желания поссориться с Англией. Он продолжает считать эту державу своим лучшим союзником, а недавно заключенный договор с Францией — это поступок вынужденный, который не будет иметь долговременных последствий. Это же относится к любому мирному договору, пока во Франции будет существовать революционная система. Россия, Англия и Австрия должны вновь стать союзницами...

Эрфуртское соглашение оставило в отношениях между Францией и Россией много скрытых и глубоких противоречий. Талейран записал в своих *«Мемуарах»*: «Милости, подарки и порывы Наполеона были совершенно напрасны. Перед отъездом из Эрфурта Александр собственноручно написал письмо императору Австрии, дабы развеять возникшие у него по поводу свидания опасения»[25].

Переговоры в Эрфурте были менее сердечными, чем в Тильзите. Говорят, что во время одного очень резкого спора, когда царь отказался действовать против Австрии, Наполеон даже швырнул на землю

свою шляпу (вскоре он поступил так же в разговоре с Талейраном)[26]. Ничуть не смутившись, Александр сказал: «Вы вспыльчивы. Я — упрям. Гневом от меня Вы ничего не добьетесь. Давайте разговаривать, рассуждать, иначе я уеду»[27].

14 октября 1808 г. Наполеон проводил Александра до места, где они недавно встретились. Царь в этот момент выглядел великолепно, в нем была необычайная уверенность и легкость, как писала в своих *«Воспоминаниях»* Луиза Прусская. Государи обнялись в последний раз и пообещали друг другу встретиться через год. Но им никогда уже не суждено было свидеться.

Наполеона очень беспокоил вопрос о наследнике престола, он напрасно ожидал рождения законного потомка. Задумав развестись с Жозефиной, чтобы заключить новый, блестящий и плодовитый брак, Наполеон приказал в строжайшей тайне составить список достигших брачного возраста принцесс, в котором оказалось по две русских, австрийских, саксонских и баварских и по одной испанской и португальской девушке. В своих *«Мемуарах»* Талейран рассказывает о любопытных разговорах Наполеона на эту тему с царем, а потом и с ним[28]:

«Беспокойная жизнь меня утомляет, — говорил Наполеон императору Александру, — я нуждаюсь в покое и стремлюсь лишь дожить до того момента, когда можно будет безмятежно отдаться прелестям семейной жизни, к которой меня влекут мои вкусы. Но это счастье, — добавил он с проникновенным видом, — создано не для меня. Без детей не может быть семьи, а разве я могу их иметь! Моя жена старше меня на десять лет. Я прошу простить меня: все, что я говорю, может быть, смешно, но я следую

движению своего сердца, которое радо излиться Вам...» Наполеон, довольный проведенным днем, надолго задержал меня после вечерней аудиенции. В его волнении было что-то странное; он задавал мне вопросы, не дожидаясь ответов, он обращался ко мне и пытался высказать что-то скрывавшееся между слов.

Наконец он произнес веское слово «развод». «Его предписывает мне, — сказал он, — судьба, и этого требует спокойствие Франции. У меня нет наследника. Жозеф ничего собой не представляет, и у него только дочери. Я должен основать династию, но я могу это сделать, лишь вступив в брак с принцессой из одной из царствующих в Европе старых династий. У императора Александра есть сестры, и возраст одной из них мне подходит. Поговорите об этом с Румянцевым. Скажите ему, что после окончания испанского дела я готов на его планы раздела Турции, остальные же доводы Вы найдете сами...». « Если Ваше Величество разрешит, то я ничего не скажу Румянцеву... Я не считаю его достаточно проницательным... Гораздо естественнее и, могу сказать, гораздо легче серьезно поговорить по этому важному делу с самим императором Александром. Если Ваше Величество разделяет такую точку зрения, то я возьму на себя начало этих переговоров».

На следующий день Талейран увиделся с царем. Он писал:

«Сознаюсь, что новые узы между Францией и Россией казались мне опасными для Европы. По моему мнению, следовало достичь лишь такого признания идеи этого брачного союза, чтобы удовлетворить Наполеона, но в то же время внести такие оговорки, которые затруднили бы его осуществле-

ние. Все искусство, которое я считал нужным применить, оказалось с императором Александром излишним. Он понял меня с первого же слова и понял точно так, как я хотел. «Если бы дело касалось только меня, — заявил он, — то я охотно дал бы свое согласие, но этого недостаточно: моя мать сохранила над своими дочерьми власть, которую я не вправе оспаривать. Я могу попытаться на нее воздействовать; возможно, что она согласится, но я все же не решаюсь за это отвечать. Так как мною руководит истинная дружба к императору Наполеону, то это должно его удовлетворить»»[29].

На вопрос матери самолюбивая 20-летняя Екатерина Павловна ответила, что охотно принесет требуемую «жертву». Однако вдовствующая императрица — ожесточенная противница этого, как она говорила, «блестящего мезальянса» — поспешно отдала руку дочери принцу Гольштейн-Ольденбургскому, тщедушному и прыщавому заике, который женился на ней в январе 1809 г. и получил в управление тверское губернаторство. Любопытно, что с этих пор княгиня яро... возненавидела отвергнутого императора!..

Глава 6

НА ПУТИ К РАЗРЫВУ
(1808 — 1812 гг.)

Великие дела судьбою суждено исполнить моему сыну...

Наполеон — Сенату, март 1811 г.

В Наполеоне все было огромно и блестяще...

Виктор Гюго

Англия стремилась выжить, а Наполеон — ее уничтожить...

Альбер Сорель

Александр, вернувшись в Санкт-Петербург, убедился, что ненависть к Наполеону не ослабла и что их эрфуртская встреча вызывает резкое осуждение. С отважной прямотой Петр Толстой сказал ему: «Берегитесь, Государь! Вы кончите, как Ваш отец!..».

Во время трехдневного посещения царь пригласил короля и королеву Пруссии в Санкт-Петербург. Они прибыли в январе 1809 г. и вплоть до отъезда 24-го числа в их честь устраивались великолепные празднества. Царь подарил своему другу оружие, лошадей, серебряную посуду. Королева нашла в отведенном им роскошном особняке туалетный набор из чистого золота, дюжину пышных платьев, корзину с чудесными

турецкими шалями. Но не это было ей нужно, однако напрасно она старалась взволновать смелыми декольте чувства царя, тогда полностью поглощенные г-жой Нарышкиной. Разбитая усталостью, страдающая и отвергнутая монархиня сказала: «Я увожу с этих блестящих празднеств лишь утомление и горечь... С чем я приехала, с тем и уезжаю... Отныне меня не обманешь никаким блеском. Мое королевство — в ином мире!». Она действительно умрет менее чем через два года, и кто знает, может быть, от любви и печали...

После подписания Эрфуртской конвенции Наполеон ринулся в Испанию во главе 200-тысячного войска, одержал победу при Сомоснерра и вновь занял Мадрид. В Испании он узнал, что Талейран и Фуше договорились о преемнике в случае его смерти в бою: им был Мюрат, которому они даже направили письмо, перехваченное полицией... Обезумевший от ярости император во весь опор поскакал в Париж, куда и прибыл 23 января 1809 г. Через пять дней он вызвал в свой кабинет Талейрана, главного канцлера Империи Камбасереса, адмирала Декре, главного казначея Империи Лебрена и министра полиции Фуше. В их присутствии он в течение получаса осыпал Талейрана злобными упреками, называя его вором, подлецом, бесчестным человеком... и того хуже! С непроницаемым лицом князь Беневентский вышел из кабинета, волоча хромую ногу, и сказал слышавшим из прихожей эту ругань придворным: «Как жалко, что такой великий человек так дурно воспитан!..»[1].

Талейрана беспокоили военные приготовления Наполеона. Он написал Коленкуру в Санкт-Петербург 24 августа 1808 г.: «Моим слабым умом я с

трудом воображаю, что делаемое нами за Рейном сможет просуществовать дольше, чем великий человек, который нам это приказывает. После него никакая нация не согласится подчиниться другой нации...».

* * *

Австрия решила возобновить борьбу против Наполеона и горячо желала если не поддержки, то хотя бы нейтралитета со стороны России. В надежде добиться этого Франц I отправил в Россию чрезвычайного посла, генерала князя Шварценберга, который прибыл в Санкт-Петербург вскоре после отъезда прусской королевской четы. 12 февраля 1809 г. в разговоре с послом Александр высказался совершенно в духе данных Наполеону в Эрфурте обещаний. Он убеждал Австрию не идти на разрыв, который имел бы для нее катастрофические последствия. Он якобы сказал, что должен выполнить свои обязательства и выступить на стороне Франции, если та будет атакована. Александр считал, что надо тянуть время, не подстегивать события; час, благоприятный для отмщения, придет, но если Австрия бросится в атаку раньше, то все будет потеряно.

Императрица-мать не скрывала ненависти к Наполеону и призывала к энергичным и быстрым действиям.

Создавалось впечатление, что Александр перестал быть другом императора французов, оставшись тем не менее его союзником. Он отказался присоединиться к требованию, обращенному к Австрии, прекратить вооружение под угрозой немед-

ленного разрыва дипломатических отношений. Он говорил, что не может решиться на претившую ему войну с Австрией до того, как будут исчерпаны все средства примирения. После многих споров четыре русских дивизии под командованием генерала князя Голицына сосредоточились на подступах к Галиции. 12 апреля 1809 г. австрийцы перешли через р. Инн, а 22-го маршал Даву разбил их при Экмюле. Наполеон вошел в Вену, потерпел неудачу при Эсслинге и Асперне и одержал значительную, но дорого стоившую победу под Ваграмом (5 — 6 июля).

После экмюльской победы Наполеон ликвидировал светскую власть папы и присоединил Папскую область к Французской империи. Рим был провозглашен имперским вольным городом.

Мир, подписанный с Францем I в Шенбруннском дворце 14 октября, превратил императора французов в хозяина Европы, хотя после разгрома при Абукире (1798 г.) и Трафальгаре (1805 г.) моря оставались для него закрытыми. Австрии пришлось выплатить 85 миллионов и уступить Галицию и Иллирию. Наполеон присоединил Западную Галицию с ее полутора миллионами жителей к своему Великому герцогству Варшавскому, которое стало насчитывать три с половиной миллиона подданных...[2]

За три дня до подписания мирного договора 18-летний юноша по имени Фридрих Штапс, сын нюрнбергского пастора, попытался убить императора. Его приговорили к смерти, перед расстрелом он крикнул: «Да здравствует Германия! Смерть ее тирану!...».

* * *

А что за это время сделали русские? Они сделали так мало, что даже еще не перешли границу, когда Наполеон уже вступил в Вену! Армия Голицына не торопясь вошла в Галицию, разбила войско союзного Наполеону Великого герцогства Варшавского и заняла Краков. В награду за такую своеобразную помощь Александр получил Молдавию, Валахию и примерно 400 тыс. душ населения в Галиции. Однако аннексия Францией значительной части Галиции, что царь рассматривал как первый шаг к восстановлению Польши, вызвала у него сильное недовольство, о чем и было резко заявлено Коленкуру[3]. Наполеон был чрезвычайно раздражен обвинениями со стороны Александра и в таких словах ответил ему 31 декабря 1809 г.: «Я высказал... свои чувства по отношению не только к герцогству Варшавскому, но также Валахии и Молдавии. После всего этого я не знаю более, чего от меня хотят; я не могу разрушать химеры и гоняться за облаками. Я предоставляю Вашему Величеству самому судить, кто из нас более говорит на языке союза и дружбы — Оно или я. Начать сомневаться друг в друге само по себе уже значит забыть Эрфурт и Тильзит. Надеюсь, что Ваше Величество будет достаточно добрым и поймет этот всплеск чувств...»[4]. Тем временем, желая успокоить Александра, посол Коленкур стал обсуждать с Румянцевым соглашение относительно королевства Польского.

Фридрихгамский мирный договор положил конец военным действиям, развязанным Россией против Швеции, — царю досталась вся Финляндия, Аландские острова, Лапония и часть Ботнии. 6 сентября 1809 г. Александр с гордостью сообщал своей нежно любимой сестре: «Этот мир со Швецией —

5 591

совершенен и именно таков, как я желал. Я не нахожу достаточно слов благодарности Всевышнему... Есть от чего грянуть славный *Te Deum laudamus*... Да и наша литургия завтра в Исаакии, со всем военным блеском, не ударит в грязь лицом!..»[5]. Крупные шведские историки напишут через 150 лет, что это был «самый прискорбный мир, когда-либо заключенный Швецией»[6]. Как бы там ни было, двуглавый российский орел реял над Финляндией до 1917 г.

Александру меньше повезло на Балканах: турки вынудили его армии откатиться назад за Дунай, хотя генералу Багратиону и удалось захватить несколько крепостей. Такие значительные приобретения заставили утихнуть всеобщее недовольство в России. Жозеф де Местр рассказывал о чудесном празднике у фаворитки царя, княгини Нарышкиной, в загородной резиденции, с балом, великолепным фейерверком на Неве и ужином на 200 кувертов. Все были немало удивлены, не увидев ни посла Франции, ни вообще какого-нибудь француза. Все комнаты были открыты и освещены. В кабинете прекрасной княгини, устроенном с элегантной роскошью, гости увидели над софой портрет князя Шварценберга!.. Все толкали друг друга локтями: «Вы поглядите-ка!.. Поглядите!..».

В конце ноября 1809 г. Коленкур получил из Парижа *«наисекретнейшие»* и чрезвычайной важности инструкции: Наполеон решил развестись с Жозефиной и рассчитывал на новый брак с великой княгиней Анной Павловной, младшей сестрой царя. Посол должен был немедленно сделать брачное предложение, но от своего собственного имени, представив дело так, как будто идея исходила от

него! Ответ следовало получить через... два дня! В общем, это был торг, небывалый торг, в котором Наполеон предлагал Польшу в обмен на русскую великую княгиню!

Вероятно, для того, чтобы обеспечить успех этой операции, *«Монитор»* объявил о русском займе, а Наполеон, назвав 3 декабря в Законодательном корпусе последние русские приобретения в Финляндии, Польше и на Дунае, сказал, что испытывает большое удовлетворение от всякой удачи своего союзника и друга. Через 10 дней министр внутренних дел там же заявил: «Его Величество никогда не имел в виду восстановление Польши!..».

По возвращении из Твери в Санкт-Петербург царь принял попросившего о срочной аудиенции Коленкура. Как всегда улыбаясь, царь ответил на брачное «предположение» дипломата, что высоко ценит выгоды этого союза для своей политики и если бы решение зависело от него, то посол немедленно получил бы согласие. Однако, прибавил он, по завещанию покойного Павла I, решение должна принять вдовствующая императрица, так как великой княгине еще не исполнилось 16 лет. Царь желал бы посоветоваться с матерью, а это займет по крайней мере 10 дней, ибо она находится в Гатчине... Александр вел себя настолько любезно, что введенный в заблуждение Коленкур посчитал сделку заключенной и коротко сообщил в Париж: «Все было воспринято хорошо!..».

4 января 1810 г. русский канцлер Румянцев подписал с улыбавшимся Коленкуром конвенцию относительно Польши[7]:

«*Статья 1.* Королевство Польское никогда не будет восстановлено.

Статья 2. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются следить за тем, чтобы названия *Польша* и *поляки* никогда не применялись ни к одной из частей, ранее составлявших это королевство, ни к их жителям, ни к их войскам и навсегда исчезли из всяких официальных или государственных документов, какого бы рода эти документы ни были....».

Вдовствующая императрица заявила Александру, что принять предложение Наполеона о браке значило бы «отдать ее дочь на растерзание человеку подлого характера, для которого нет ничего святого и которого ничего не сдерживает, потому что он даже не верит в Бога!»... Более того, свершится этот брак или нет, война все равно будет, так как «полное прекращение торговли [с Англией] наносит такой ужасный ущерб России, что всякое его продолжение вынудит нас убрать это невыносимое для государства препятствие», — писала она 23 декабря 1809 г.

В тот же день царь сообщил своей сестре Екатерине Ольденбургской, что придирки, недоброжелательство и ненависть к Наполеону таковы, что они с меньшим ущербом отклонят его предложение о браке, чем через силу примут его... Княгиня показала себя еще большей дипломаткой, чем царь, и посоветовала не отвечать окончательным отказом, а сослаться на возраст своей сестры, еще не созревшей для деторождения. По ее мнению, надо было «подольститься к Коленкуру», принять в принципе предложение, но отложить свадьбу на три года... В конце концов 4 февраля 1810 г. Александр отклонил предложение императора, сославшись на возраст великой княгини, заставлявший ее мать опасаться тягот беременности. Он выразил глубокое

сожаление, что не может передать Наполеону ничего, кроме пожеланий счастья, хотя был бы рад отдать одну из своих сестер в залог дружбы.

Объявление о разводе Наполеона было сделано 16 декабря. Уклончивый ответ царя глубоко задел императора французов, хотя он не терял времени зря в ожидании ответа на свое предложение: к тому моменту он уже успел получить руку эрцгерцогини Марии-Луизы Австрийской. Брачный контракт был подписан 8 февраля, а гражданская и церковная свадьбы отпразднованы в Париже 2 и 3 апреля[8].

Лично задетый Наполеон отказался ратифицировать секретное соглашение относительно Польши. 7 февраля он послал в Санкт-Петербург срочную депешу с сообщением о браке с австрийской эрцгерцогиней. Получив ее 23-го числа, Коленкур немедленно информировал Александра. Тот ответил ему, что, когда Наполеон решил жениться на австрийской принцессе, ответ Александра еще до него не дошел. Ясно, что он действовал одновременно с двух сторон, раз уже 7 февраля ему была обещана рука эрцгерцогини.

Следует отметить любопытный факт, хорошо показывающий причуды общественного мнения: в России поведение Наполеона посчитали оскорбительным, хотя его брак с одной из сестер царя был бы, без сомнения, осужден, а в руке Анны — отказано! Хуже того, упреки обрушились на царя, несмотря на проявленную им в этой непростой ситуации осторожность и ловкость! Наполеон же сказал на острове Св. Елены: «Когда интересы Франции и Империи потребовали от императора и его супруги, императрицы Жозефины, разрыва одинаково дорогих для них обоих связей, то самые великие госуда-

ри Европы стали искать союза с Наполеоном. И если бы не было осложнений в вопросах веры и опозданий, вызванных расстоянием, то одна из русских принцесс заняла бы, возможно, трон Франции...»[9].

Не вызывает сомнения, что Меттерних проявил в этом щекотливом вопросе свои выдающиеся качества, удивительную дипломатическую гибкость, необычайное лукавство, светскую ловкость, умение втереться в доверие, по словам Альбера Сореля.

Принц де Линь сказал по этому поводу такие жестокие слова: «Австрия принесла в жертву минотавру прекрасную телочку...».

* * *

В начале царствования Александр, казалось, проявлял интерес к реформам, предлагавшимся его друзьями по «Негласному комитету». Он даже както сказал представителям ливонского дворянства, что счастье народов может основываться только на либеральных принципах... Однако, поглощенный войнами и делами внешней политики, он принял лишь полумеры против крепостного права и забросил другие вопросы внутренней жизни страны, в частности аграрную реформу и реформу просвещения. В марте 1810 г. Чарторыйский вернулся в Санкт-Петербург. Царь принял его как старого друга и признался, что война с Францией кажется ему неизбежной. Он и готовился к ней, и боялся ее.

К тому времени рядом с Александром уже в течение нескольких месяцев работал выдающийся деятель — Михаил Михайлович Сперанский. Он родился в 1772 г., отец его был бедным священником.

Сперанский, обладая незаурядным умом и большим красноречием, стал блестящим законником, профессором математики и философии. Будучи поклонником Запада, взял в жены англичанку. Краковский считал его «гением» и называл «самым великим министром из всех, которых Россия имела до того времени»[10]. По возвращении с Эрфуртского свидания, где он часто разговаривал с Талейраном, Сперанский заметил царю, что в России лучше люди, а в Европе — установления[11].

Александр поручил ему составить проект конституции. Сперанский предложил создать однопалатный *Государственный совет* и осуществить разделение властей, поставив Государственную думу во главе законодательных учреждений, министерства — во главе исполнительной власти и Сенат — во главе судебных органов, с соответствующими нижестоящими учреждениями. Это привело бы к преобразованию монархии из самодержавной в конституционную. Александр в принципе одобрил проект, но решил осуществлять его поэтапно. Сперанский присутствовал, сидя по правую сторону от царя, на еженедельных заседаниях созданного им и насчитывавшего 35 членов Государственного совета.

Особым указом Сперанский ограничил привилегии дворянства. По его мысли, все права должны подразделяться на три группы: 1) общие гражданские права для всех жителей России, независимо от их общественного положения; 2) особые гражданские права для того или иного класса; 3) политические права, даваемые только собственникам.

Подразумевая, что крепостное право будет уничтожено, он предполагал существование трех клас-

сов: «дворянства, среднего состояния и народа рабочего».

В феврале 1810 г. Сперанский перевел ассигнации в разряд государственного долга, обеспеченного всем достоянием Империи. Он прекратил выпуск новых билетов, сократил общие расходы и ввел, не встретив большого недовольства, повышенные налоги. Он объявил, что государственный бюджет станет гласным и каждый год государство будет объявлять народу о своих расходах и доходах. «Впервые проявилась твердая воля к тому, чтобы не допускать расточительности и по-настоящему управлять национальным богатством, — отмечает Краковский. — Финансовая реформа несла с собой слишком много выгод, чтобы не суметь утвердиться. После Сперанского Россия стала обладать настоящей системой управления финансами, которой она была до этого лишена...». Сперанский потребовал, чтобы поступающие на государственную службу чиновники сдавали экзамен, вызвав тем самым живейшее неудовольствие бездарных претендентов на должности.

В Эрфурте, где Наполеон оказывал Сперанскому знаки особого внимания, он сошелся с французскими законоведами Локре, Легра, Дюпон де Немуром и добился их назначения членами-корреспондентами законодательной комиссии Государственного совета. Намереваясь «резать по живому, кроить из целого куска», он мечтал о гражданской свободе, о равенстве перед законом, об отмене крепостничества. Его реформы, уложение законов и в особенности его восхищение Наполеоном вызвали яростное противодействие со стороны дворянства. Великая княгиня Екатерина Павловна, министры Арм-

фельд, Гурьев, Балашов, Аракчеев натравливали на него Александра. Карамзин выступил с резкой критикой Сперанского в знаменитой *«Записке о древней и новой России»*.

В марте 1812 г. Сперанский был отправлен в отставку. У себя дома он увидел министра полиции генерала Балашова, который по высочайшему повелению приказал ему немедленно отправляться в Нижний Новгород. Жандармский офицер ждал у ворот с тройкой лошадей. Затем Сперанский был сослан в Пермь, на Урал[12]. Когда этот первый соратник царя, почитая Наполеона, трудился на пользу союза с Францией и посвящал себя внутренним реформам, Александр ему не препятствовал, однако сам царь не переставал вести подкоп под союз с Францией, который сам же когда-то восхвалял... Весть об опале Сперанского была с восторгом воспринята в России как первая победа над императором французов.

* * *

Сорель справедливо отмечает, что Франция была похожа на победоносную армию, ставшую лагерем в Европе, а Европа — на побежденную, оккупированную страну, разделенную на военные округа. Для осуществления в полном объеме континентальной блокады Наполеон захватил Голландию, Гамбург, Бремен, Любек, Штеттин, Данциг, Тичино* и аннексировал Вале*[13]. Он рассчитывал на Россию, чтобы раскинуть сеть блокады на Белое море и Ледовитый океан. В конце октября он узнал, что

---

* Швейцарские кантоны. — *Прим.ред.*

торговые корабли, якобы нейтральные, а в действительности английские, не допущенные ни в один порт, направлялись в русские гавани на Белом море. Наполеон немедленно предложил Александру интернировать их и конфисковать груз. «Этот контрудар по Англии будет ужасен и заставит ее заключить мир», — утверждал он. Царь в декабре ответил, что в его портах были произведены многочисленные конфискации кораблей и заход других судов теперь маловероятен...

К тому времени новое происшествие обострило отношения между императорами: Наполеон декретировал присоединение герцогства Ольденбургского к Французской империи. Александр встал на защиту своего родственника и ответил повышением пошлин на ввозимые из Франции товары. С каждым месяцем тон переписки между двумя государями повышался, они обвиняли друг друга в нарушении договоров, неподобающем отношении к союзнику и несоблюдении простых приличий. Заявления о дружбе сменились горькими упреками, а объятия на реке — обвинительными речами на земле.

В октябре 1810 г. Наполеон сказал генералу Луи де Врангелю, адъютанту Фридриха-Вильгельма, прибывшему с известием о смерти королевы Луизы, что в 1814 г., имея 400 тыс. солдат, он возобновит войну. Однако этот срок был приближен на два года. 11 ноября Наполеон получил из России донесение о том, что царь отказался принуждать нейтральные страны к участию в блокаде Англии, наращивал вооружения и пытался привлечь на свою сторону Польшу и Пруссию. 6 января 1811 г. Александр направил пространное письмо Чарторыйско-

му, подписав его словами «Преданный Вам всем сердцем и душой». Но все его усилия привлечь поляков оказались тщетными, тем более, что они сообщили об этом в Париж. Вскоре Наполеон объявил об отзыве своего посла Коленкура «по состоянию здоровья» (?).

Коленкура, герцога Виченцкого, иногда представляют большим простаком, дававшим одурачивать себя царю, которому он якобы слепо верил. Это преувеличение. Даже если, особенно в первые годы работы в России, маршал и был иногда игрушкой в руках царя, все же он призывал своего патрона остерегаться российского самодержца. Так, например, он писал Наполеону в личном письме: «Александра принимают не за того, кто он есть. Его считают слабым — и ошибаются. Несомненно, он может перетерпеть досаду и скрыть свое недовольство... Но эта легкость характера имеет свои пределы — он не выйдет за очерченный для себя круг, а этот круг сделан из железа и не гнется, ибо на природную доброжелательность, прямоту и честность, а также на возвышенные по сути своей чувства и принципы накладывается у него приобретенное умение полностью скрывать свои мысли, что говорит о непобедимом упрямстве...».

Надо ли говорить, что Коленкур не верил Александру, когда тот ему твердил: «Я был и остаюсь сегодня таким же, каким Наполеон видел меня в Тильзите и Эрфурте. Я по-прежнему верно шагаю в союзе... Уверьте вашего императора: у него нет более преданного союзника!.. *Я ничего от Вас не скрываю, генерал. Мне нечего от Вас скрывать.* Я хочу лишь союза с вами и мира!..». Александр часто присылал Коленкуру личные приглашения на раз-

говор с глазу на глаз и на обеды... Канцлер Румянцев говорил Коленкуру: «В союзе [с Францией] Россия всегда ведет себя честно и целомудренно, как девственница...»[14]. Какая трогательная невинность!.. Но в этом случае царь настолько умело скрывал свои намерения, что Коленкуру нечего было о них сообщать!

Наполеон жестоко отругал отозванного в Париж посла: «Александр хочет против меня воевать!.. Царь и все русские Вас обманули!.. Они думают водить меня за нос, как при Екатерине польского короля? Я им не Людовик XV. Французский народ не потерпит такого оскорбления. Я повторяю Вам: *Александр так же лжив, как и слаб; у него характер византийца*... Вы говорите как русский человек!.. Вы стали русским!..». И напрасно Коленкур предостерегал Наполеона об опасностях войны с Россией. «Там, — говорил он о России, — не тешат себя иллюзиями относительно гения Вашего Величества и его неисчислимых ресурсах и возможностях; там знают, что придется столкнуться с победителем многих крупных сражений, но знают также, что страна их широка, в ней есть куда отступать и есть территории, которые можно уступить... *Надо также считаться с зимой, тяжелым климатом, а более всего — с решимостью никогда не уступить...*». Наполеон ответил: «Ба! Одного сражения хватит, чтобы разрушить все прекрасные намерения Вашего друга Александра и его слепленные из песка укрепления!.. Он лжив и слаб». «Но упрям!..» — тщетно пытался настоять на своем Коленкур...

* * *

Новый посол генерал Лористон выехал из Парижа с письмами Наполеона к царю: «Я первым разоружусь и все возвращу в положение, существовавшее год тому назад, если Ваше Величество хочет вернуться к прежним отношениям доверия. Приходилось ли ему когда-нибудь раскаиваться в доверии, которое Оно мне оказывало?..». В пути Лористон встретился с Чернышевым, везшим Наполеону письмо Александра с изложением его новых претензий[15]. Император, получив это письмо, взорвался и воскликнул: «Восстановление Польши? Вот уж что меньше всего меня волнует!..». После этой вспышки, «до боли» ущипнув за ухо дипломата (как будто этот князь был одним из его старых гренадеров), Наполеон продолжил разговор в самом доверительном и сердечном тоне.

В Санкт-Петербурге Александр повторил Лористону то, что он уже говорил Коленкуру: он не хочет войны, но требует, чтобы герцогство Варшавское осталось «герцогством», и ничем иным, никогда не выходило за установленные для него договорами границы и чтобы Россия получила полные гарантии на этот счет. Тем временем царь перестраивал и усиливал свою армию, опираясь при этом главным образом на генералов Аракчеева и Барклая-де-Толли. В начале 1811 г. он располагал 225 тыс. солдат, расквартированных по всей стране, однако надеялся в течение года увеличить армию еще на 100 тыс. Он конфиденциально сказал об этом австрийскому послу генералу Сен-Жюльену, не переставая в то же время повторять французскому представителю: «Я не призвал ни одним солдатом больше, чем обычно; у меня не добавилось ни

одного штыка!..». Царь пытался договориться с английским правительством и с Польшей, но действовал при этом так ловко, что посол Наполеона ничего не заметил, не узнал и не услышал! А царь располагал сведениями о приготовлениях Наполеона и писал ему 18 мая 1811 г., что его армия стоит в обычных лагерях, а армии Его Величества идут форсированным маршем!..[16]

Иногда Александра одолевала тревога. Он становился молчалив, растерян и укрывался в такие моменты в Твери у любимой сестры Екатерины... Имевшая более твердый характер, чем царь, она возвращала ему уверенность в конечной победе. С каждым месяцем пропасть между двумя государями углублялась. Причины такого расхождения были многочисленны: 1) расширение Великого герцогства Варшавского; 2) бездействие России во время кампании 1809 г.; 3) неудавшийся «русский брак» и свершившийся «австрийский брак»; 4) возобновляющееся соперничество двух государств за Константинополь и на Дунае; 5) наполеоновские аннексии в 1810 г. в северной Германии; 6) недоверие, вызванное наращиванием вооружений с обеих сторон[17].

Несмотря на то что Россия нарушала условия континентальной блокады, навязанной Тильзитским договором, рубль ассигнациями, стоивший 67 копеек в 1807 г., упал до 25 копеек в 1811 г.! Александр установил чрезвычайно высокие пошлины на вина, шелка и прочие товары из Франции, но разрешил свободный ввоз изделий, прибывавших в Россию под нейтральным флагом. Выведенный из

себя Наполеон, говорят, даже воскликнул: «Уж лучше бы он дал мне пощечину...».

2 апреля 1811 г. он писал королю Вюртембергскому, что война будет. Она начнется против его воли, против воли императора Александра, против интересов Франции и России. Он уже так часто видел подобное, что опыт прошлого рисует ему это будущее. Это кажется «ему оперной сценой, которой управляют машинисты-англичане...».

5 июня Лористон сообщил в Париж слова Александра, что скорее он отступит до Камчатки, чем уступит свои земли или подпишет мир, который будет лишь перемирием. 16 июня Наполеон произнес в Законодательном корпусе: «Когда Англия будет истощена, на себе почувствует горе, которое она с такой жестокостью в течение двадцати лет изливала на континент, когда половина семей будет носить траур — тогда грянет гром и положит конец действиям Полуострова... и отомстит за Европу и Азию, завершив эту вторую пуническую войну...».

15 августа во время большого приема дипломатического корпуса в Тюильри по случаю дня рождения императора он более двух часов отчитывал русского посла князя Куракина. Перечисляя свои претензии к России, он кричал: «Не понимаю, куда вы идете, и начинаю тревожиться. Ведь есть же таланты в России — но то, что там происходит, доказывает, что они либо потеряли голову, либо имеют задние мысли. В первом случае вы похожи на зайца, получившего в голову заряд дроби, который все крутится и не знает, в какую сторону бежать и где он окажется... Если даже ваши армии станут лагерем на высотах Монмартра, я все равно не уступлю

вам ни пяди варшавской земли!.. Вы знаете, что у меня есть 800 тыс. солдат... Вы рассчитываете на союзников? Где же они?.. Против вас целый континент!..».

Ошалевший, взмокший под своим шитым золотом мундиром, князь Куракин ничего не отвечал... Не зря говорил про него Ростопчин, что он должен стать изгнанным из своего государства германским принцем или идолом у дикарей...

Царь заменил симпатизировавшего Франции Сперанского бароном Штейном, бывшим первым министром Пруссии и заклятым врагом Наполеона. Он активно продолжал секретные приготовления к войне с Францией, делая публичные заверения в дружеских чувствах к императору французов. Александр сказал Жозефу де Местру, что вспоминает слова Наполеона, которые тот говорил ему в Эрфурте, что *на войне все решает упрямство; оно принесло ему победу*. Александр докажет, как хорошо запомнил эти уроки... Уже в октябре 1810 г. он признался сестре, что придется пройти через новое кровопролитие. Во всяком случае, он сделал все, что в человеческих силах, чтобы его избежать. А 10 ноября 1811 г. писал, что обстоятельства такие острые, все так натянуто, что военные действия могут начаться с минуты на минуту. Еще никогда он не вел такой собачьей жизни: встает с кровати и сразу садится за письменный стол, а покидает его, лишь чтобы в одиночестве перекусить.

Царь расширял секретные контакты с Испанией, Австрией, Польшей и Пруссией. И все-таки 25 декабря 1811 г. на официальном банкете в Париже

неподражаемый посол князь Куракин встал и произнес тост за «нерушимую дружбу двух императоров...».

«*Не-ру-ши-мую* дружбу двух императоров?..» Интересно, над кем же насмехался Его Превосходительство?..

Глава 7

ПОХОД «ВЕЛИКОЙ АРМИИ» НА МОСКВУ (1812 год)

Я должен следовать за моей звездой, и я за ней последую...
Мы не повторим безумия Карла XII...

Наполеон I

Я мечтал обо всем и видел средство исполнить, о чем мечтал...

Наполеон I — г-же де Ремюза

..Я не начну войны, но не положу оружия, пока хотя один неприятель будет оставаться в России.

Александр I — генералу Нарбонну, июнь 1812 г.

Кроме непримиримого врага — Англии, у Наполеона было еще два, с которыми он рассчитывал быстро покончить: с Испанией — силой, с папой — убеждением или принуждением... Германия тоже не внушала доверия. В письме от 5 декабря 1811 г. Жером, король Вестфальский, писал своему брату: «Брожение достигло высшей точки; возникают и с воодушевлением обсуждаются самые безумные мечты. Ссылаются на пример Испании, и если война разразится, то все земли между Рейном и Одером станут очагом широкого и мощного восстания...».

В феврале 1812 г. Наполеон в одностороннем порядке упразднил конкордат 1802 г.; отныне он решил не позволять папе римскому вмешиваться в каноническую инвеституру епископов, превратив их — как и хотел сделать Конвент — в государственных служащих.

Французская империя включала теперь в себя всю Европу, кроме Англии, России и юга Испании, а еще не аннексированные страны были ее вассалами. От Атлантического побережья до Вислы Запад жил по закону, установленному Наполеоном. Большинство французской нации было, казалось, предано императору; народ восхищался его гением, но он устал от войны и горячо желал мира.

Наполеон не был бы Наполеоном, если бы пассивно следил за развитием событий, — и он навязал свою волю Австрии и Пруссии. 14 марта 1812 г. Меттерних был вынужден подписать некое подобие союзнического договора с Францией, пообещав ей отряд из 34 тыс. солдат под командой Шварценберга. Однако он поручил Лебцельтерну, своему посланнику в Санкт-Петербурге, передать лично государю Александру, что Австрия окажет минимальную помощь Наполеону. Император Франц заверил русского посла, что Россия будет иметь активного друга во французском лагере и не встретит в нем врага во время войны...

Король прусский также был вынужден по договору от 7 марта выставить 20 тыс. солдат, открыть границы и поставлять провиант «Великой армии». Однако 31-го числа Фридрих-Вильгельм писал царю, что если разразится война, то Пруссия будет усердствовать и ограничится наименьшим, что можно сделать. Россия и Пруссия должны вновь стать союзницами. Фридрих-Вильгельм заверял царя в

своих чувствах и говорил, что на всю жизнь останется «Его Величества *Добрым братом, другом и привязанным сердцем и душой союзником»*.

Было ли это притворством? Пусть! Но притворством в интересах своего государства, вызванным страхом перед грозным хозяином Европы и пушками Даву!

Финансовое положение России, подорванное затруднениями при ввозе и вывозе товаров, еще более обострилось из-за военных расходов. Царь усиленно вооружался, создавал значительные запасы продовольствия и снаряжений между Неманом и Бугом. Очень осторожные попытки Казимира Любомирского получить в Лондоне финансовую помощь закончились летом 1811 г. провалом, а секретные соглашения со Швецией и Австрией не дали ощутимых результатов.

Александр мог вести себя сколь угодно воинственно, но Наполеон был уверен, что после первого же сражения (а оно могло окончиться только его победой) молодой царь поспешит заключить мир. Более того, эта война станет последней! Заблуждаясь насчет действенности навязываемых побежденным нациям договоров, император не обращал внимания на тревожные предупреждения Жозефа, Раппа, на мольбы Нарбонна «не идти по стопам Карла XII» и сказал, что быть мудрым политиком — значит делать то, что приказывает судьба, и идти туда, куда толкает необратимый ход событий... И, улыбнувшись, он склонился над колыбелью короля Римского, продолжателя династии...

Однако, встревоженный тем, что царь нарушает условия континентальной блокады и желает присоединить Великое герцогство Варшавское, Наполеон вы-

звал 25 февраля 1812 г. в свой кабинет русского полковника Чернышева, прозванного *«ямщиком»* за постоянные разъезды между двумя столицами. Его считали бездельником и гулякой, однако в действительности это был опасный шпион, завербовавший многих, даже чиновника французского военного министерства (один из завербованных был казнен за передачу сведений о численности войск). Император передал Чернышеву послание для Александра, перечислив в нем претензии к России и закончив предупреждением о том, что если Россия не будет строго выполнять предписанные против Англии меры, то он ей, т. е. России, объявит войну. «Я посылаю Вас к царю, — сказал он полковнику, — как моего полномочного представителя в надежде, что еще можно будет договориться и не проливать кровь сотни тысяч храбрецов из-за того, что мы, видите ли, не пришли к согласию о цвете лент!..». Он не понимал, как «две великие державы на земле могут биться из-за каких-то мелочей, вроде девических грешков»... На следующий день Чернышев отправился в Россию.

Но тем не менее напрасно министры, а именно граф Мольен и герцог Гаэте, генерал Дюрок, герцог Фриульский, Талейран, князь Беневентский и другие убеждали Наполеона отказаться от осуществления задуманного, указывали на предстоявшие затраты и на суровость русской зимы. Император ничего не желал слушать. Он сказал польскому князю Понятовскому, что кампания будет короткой. Своим родным он говорил, что родился не на троне и должен удерживаться на нем тем же, чем вошел, — славою. Обыкновенный человек, ставший, как и он, государем, не может останавливаться!.. 6 марта 1812 г. в речи перед Государственным советом об организации националь-

ной обороны он воскликнул: «Всякий, кто протягивает руку Англии и прорывает континентальную блокаду, объявляет себя врагом императора...».

8 апреля царь ответил на ультиматум Наполеона кратким посланием, переданным через посла Куракина. Он заверял императора в своей дружбе, не отказался от переговоров, однако в качестве предварительного условия потребовал вывода французских армий из Пруссии и их отхода за Одер. У него навернулись слезы на глаза, когда он говорил послу Лористону о своих чувствах к Франции и ее государю. Но вскоре Александр подписал два союзных договора со Швецией, Сейм которой в августе 1810 г. избрал наследным принцем Жана-Батиста Бернадота, князя Понте-Корво[1]. Царь обещал добыть для Швеции Норвегию в обмен на высадку Бернадота на германском побережье. Узнав об этом, Наполеон был не столько возмущен, сколько удивлен. Он рассказывал, что у него уже тогда появилось предчувствие, когда Бернадот пришел просить согласия на назначение в Швецию, сказав, что примет его, лишь если этого пожелает император. «Я испытал тогда приступ отвращения, — прибавил Наполеон, — как будто передо мной выползла змея. Бернадот был действительно змеей, которую я пригрел на своей груди...».

Бернадот не удовлетворился тем, что подписал договор с царем. Он также дал советы, как сражаться с армиями Наполеона: надо избегать крупных сражений, разрушать фланги, заставлять его дробить силы и изнурять маршами и контрмаршами — это самое страшное для французского солдата — то, где он наиболее уязвим. Пусть казаки будут везде!.. Александр не забудет этих ценных советов!

Наполеон объявил, что требования царя несовместимы с требованиями его чести, но все же послал к нему своего адъютанта графа де Нарбонна с письмом, где снова уверял Александра в своих добрых чувствах и желании избежать войны. В действительности он опасался немедленного наступления русской армии — оно могло поставить под угрозу значительные склады снаряжения в Восточной Пруссии и Великом герцогстве Варшавском. Наполеон хотел выиграть время.

9 мая 1812 г. он выехал из Парижа вместе с Марией-Луизой и прибыл в Дрезден, центр сосредоточения своих армий. Это было триумфальное путешествие! Наполеона уже приветствовали как господина всей Европы! В течение десяти дней он возглавлял церемонии и банкеты, на которых присутствовали так называемые «союзники»: император Австрии Франц I с супругой, король Пруссии — «верный на словах,коварный в делах», король и королева Саксонии, королева Вестфалии, герцоги и герцогини Веймара, Кобурга, Мекленбурга, Вюрцбурга, а также многочисленные министры, среди них Меттерних, и послы. Никто никогда не видел такой роскоши! Бриллиантовые ожерелья, парадные мундиры, пышные церемонии, изысканные обеды, золотая посуда... Глядя на все это и вспоминая о кругленьких суммах, которые Австрия была вынуждена выплатить победителю, Франц I с досадой пробормотал: «Вот как он живет!..». Поэты восславляли божественного Наполеона!..

Империя сверкнула последним блеском в столице побежденной Саксонии. Несмотря на плохие вести из Испании, монарх не сомневался в победе[2]. Посылая Нарбонна к царю, он сказал: «Мы созда-

дим наши плацдармы не только на Дунае, но и на Немане, Волге, Москве-реке и на двести лет отодвинем угрозу набегов с севера...». Александр ответил Нарбонну, что не обнажит шпаги первым и останется на своей границе. Но русский народ не из тех, кто отступает перед опасностью... Показав на карте границы своей Империи в Азии, у Берингова пролива, Александр добавил, что, если Наполеон решится на войну и если удача не будет благосклонной к правому делу русских, Наполеону придется идти до этих мест, чтобы найти мир!..[3]

29 мая Наполеон добрался до Торна, затем спустился по Висле, прошел Мариенбург, Данциг, Гумбиннен. Тремя раздельными отрядами «Великая армия» направилась к Неману, императорская колонна достигла его 22 июня. Наполеон шел к России, навстречу своей судьбе. Однажды слышали, как император во все горло распевал слова «Марсельезы»: *«Враги французов, трепещите!..»*.

* * *

Из Волковыска Наполеон направил воззвание к «Великой армии»: «Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться... но мир, который заключим мы, будет прочен и положит конец сему кичливому влиянию, которое Россия уже пятьдесят лет производит на дела Европы...»[4].

Конечно, враг мог опасаться великих полководцев, покрывших себя славой на многих полях сражений, — это Бертье, Даву, Ней, Удино, Жюно, Макдональд, Гувион Сен-Сир, Виктор и другие. Не забудем и Мюрата, о котором Наполеон говорил: «Мой зять — живо-

тное, но в нем есть порыв, отвага!.. Всю свою жизнь он только и делал, что воевал. Да, это животное, но — это герой!..». Мюрат взял с собой на войну лошадей, поваров, золотую и серебряную посуду, вина и парадную одежду! За генералом Компаном следовали его мажордом, камергер и пять других слуг. Марбо скромно удовлетворился... семью экипажами!

Какова была численность армий с той и другой стороны? Трудно ответить на этот вопрос, потому что цифры в различных источниках отличаются. «Великая армия» насчитывала не менее 140 тыс. солдат, говоривших по-французски, 110 тыс. немцев, 30 тыс. австрийцев, 30 тыс. пруссаков; в ней также были бельгийцы, итальянцы, датчане, поляки, 12 тыс. швейцарцев, всего более *400 тыс.* солдат, говоривших на пяти языках и множестве диалектов. Русский народ назвал это нашествием *«двунадесяти языков»*[5].

В отношении русских армий под командованием генералов Барклая-де-Толли, Багратиона и Тормасова хорошо осведомленный Клаузевиц — не зря он служил в различных русских штабах во время кампании 1812 г. — пишет, что распределение действующих сил русской державы было примерно следующим.

На границе, лицом к Пруссии и Польше, — 180 тыс. солдат; на Дунае и Днепре, охрана складов и новые формирования, — 30 тыс.; в Финляндии — 20 тыс.; в Молдавии — 60 тыс.; на восточной границе — 30 тыс.; внутри страны, охрана складов и новые формирования, — 50 тыс., и гарнизонные части — 50 тыс.; всего 420 тыс.

420 тыс. бойцов, реально находящихся в составе армии, дают в конечном счете 600 тыс. человек, по-

ставленных на довольствие. Из этих расчетов следует:

1) что русская армия должна была насчитывать 600 тыс. человек и что нельзя было иметь больше без чрезмерного напряжения сил;

2) что в 1812 г. можно было реально располагать только 400 тыс. солдат регулярных войск;

3) что из этих 400 тыс. вначале против французов смогли выставить только 180 тыс.[6]

* * *

В апреле 1812 г. Александр устроил свою ставку в Вильно, то есть на передовой линии русской армии. Было ли это необычное решение вызвано желанием показаться уверенным в победе и в своем будущем? Расположение русских войск было тогда таким: армия из 150 тыс. солдат рассредоточена за Неманом, от Гродно до устья по линии Вильно — Ковно. Другая, насчитывающая 100 тыс. солдат, сосредоточена на Волыни, в районе Луцка.

Именно в Вильно царь получил переданное графом Нарбонном последнее послание Наполеона. В своем ответе он кратко сказал, что в любых обстоятельствах его чувства лично к Наполеону не претерпят ни малейшего изменения. Он ничего так сильно не желает, как избежать войны между ними...

Стремясь уйти от необходимости вести войну на несколько фронтов, Александр воспользовался ценным советом Талейрана (!) и поспешно заключил 28 мая 1812 г. в Бухаресте мир с Турцией при посредничестве Англии. Он сохра-

нил за собой Бессарабию, Прут, Нижний Дунай, но отказался от Молдавии и Валахии. Высвободившаяся таким образом Дунайская армия немедленно пошла на север. Однако военные действия против Персии продолжались.

* * *

В Вильно царь проводил блестящие парады и устраивал роскошные вечера. «Он совсем вскружил голову полькам», — отмечал находившийся там Армфельд. Армия же пребывала в жалком состоянии. Ростопчин сообщал военному министру, что войска одеты в летние штаны, дырявые шинели, обуви нет. У корпуса Милорадовича пять дней не было хлеба. Моральный дух в войсках низок. Большое число солдат и даже некоторые унтер-офицеры проводят время в грабежах и мародерстве. Нет возможности наказать всех виновных...

На проходивших под началом царя заседаниях штаба горячо обсуждался план военного советника Александра генерала Фуля, странной личности, который ничего не знал о России, не понимал русского языка и ни с кем не общался. Его все ненавидели — кроме царя. Армфельд называл его «помесью рака и зайца...». План Фуля, бывшего генерал-квартирмейстера прусской армии, основывался на следующих соображениях:

1. Сблизиться с частями подкрепления.

2. Ослабить противника его же собственным продвижением вперед.

3. Атаковать неприятеля с флангов и вести арьергардные бои, используя армию Багратиона.

4. Устроить укрепленный лагерь у Дриссы и оттуда противостоять продвижению противника.

Этот план, и в особенности его последний пункт, подвергся резкой критике генералов Барклая, Беннигсена, Армфельда, Шарнгорста и графа Ливена, который любил повторять: «Первый выстрел должен быть сделан лишь под Смоленском!». Посланный на рекогносцировку в Дриссу Клаузевиц отверг план Фуля и предложил противоположную тактику: ни в коем случае не предоставлять возможности Наполеону провести решающую битву вроде Аустерлица, Йены, Фридланда или Ваграма; насколько возможно, избегать его ударов; заманивать противника в глубь Империи; заставлять бить по пустому месту, бесконечно растягивать его коммуникации; не давать ему покоя на флангах. «Дожидаться таким образом рокового дня, когда истощение его войск, угроза окружения, быстрота отступления, огромность расстояний и суровость зимы обрекут его на катастрофу» (Палеолог). Царь колебался, не зная, какой план выбрать. Он еще в феврале сказал графу Сен-Жюльену, что готовит себя к первым поражениям, но они его не обескуражат. Отходя, он положит пустыню между армией Наполеона и своей: он уведет всех — мужчин, женщин, скот!..[7]

Без объявления войны корпуса Даву, Нея и Удино за три дня перешли через Неман по трем мостам. «Из 400 тыс. солдат, перебравшихся через Неман, — скажет позднее Наполеон, — 240 тыс. остались в резерве между этой рекой и Борисфеном,* а 160 тыс. прошли через Смоленск и направились к Москве. Из

---

* Древнегреческое название р. Днепр. — *Прим. ред.*

этих 160 тыс. 40 тыс. остались рассредоточенными между Смоленском и Можайском»[8].

Александр танцевал с прекрасными польками в Закрете, предместье Вильно, когда ему сообщили о наступлении противника. Он подписал манифест, в котором говорилось:

«Неприятель вошел с великими силами в пределы России. Он идет разорять любезное наше Отечество... Да обратится погибель, в которую он манит низринуть нас, на главу его, и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России!..»[9].

Вскоре во всех церквах прочли молитву Священного синода о спасении России:

«Господи Боже сил... Се враг, смущаяй землю Твою, и хотяй положити вселенную всю пусту, возста на ны... Восстани в помощь нашу: да постыдятся и посрамятся мыслящии нам злая... и Ангел Твой сильный, да будет оскорбляяй и погоняяй их!..»[10].

Синод направил священникам и православному народу манифест, в котором были такие слова:

«С того времени, как ослепленный мечтою вольности народ Французский испровергнул Престол единодержавия и алтари Христианские, мстящая рука Господня видимым образом отяготела сперва над ним, а потом, через него и вместе с ним, над теми народами, которые наиболее отступлению его последовали... Богом спасаемая Церковь и Держава Российская доселе была по большей части сострадающею зрительницею чужих бедствий...

Ныне сия година искушения касается нас, Россияне! Властолюбивый, ненасытимый, не хранящий

клятв, не уважающий алтарей враг, дыша столь же ядовитою лестию, сколько лютою злобою, покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим и на благолепие храмов Божиих еще издалеча простирает хищную руку.

Сего ради взываем к вам, чада Церкви и Отечества! ...оправдать желания и чаяния взывающего к нам, верноподданным своим, Богом помазанного Монарха Александра»[11].

Царь подтвердил в торжественном воззвании, что он будет бороться, пока земля Отчизны не будет полностью очищена от врага... Он направил к Наполеону генерала Балашова со следующим письмом:

«Вильно, 25 июня 1812 г.

Государь брат мой!

Вчера дошло до меня, что, несмотря на честность, с которой наблюдал я мои обязательства в отношении к Вашему Императорскому Величеству, войска Ваши перешли русские границы, и только лишь теперь получил из Петербурга ноту, которою граф Лористон извещает меня по поводу сего вторжения, что Ваше Величество считаете себя в неприязненных отношениях со мною, с того времени как князь Куракин потребовал свои паспорты... Он не имел на то от меня повеления... и как только я узнал о сем, то немедленно выразил мое неудовольствие князю Куракину, повелев ему исполнять попрежнему порученные ему обязанности. Ежели Ваше Величество не расположены проливать кровь наших подданных из-за подобного недоразумения и ежели Вы согласны вывести свои войска из русских владений, то я оставлю без внимания все происшедшее, и соглашение между нами будет возможно. В

противном случае я буду принужден отражать нападение, которое ничем не было возбуждено с моей стороны. Ваше Величество, еще имеете возможность избавить человечество от бедствий новой войны.

Вашего Величества добрый брат Александр»[12].

Перейдя через Неман, «Великая армия» пошла на Вильно. Генерал Коленкур, сопровождавший Наполеона, писал, что много солдат умерло по пути от переутомления и лишений; авангард еще как-то кормился, а остальная часть армии умирала от голода... От усталости, бескормицы и очень холодных дождей по ночам пало 10 тыс. лошадей...[13] В июне войска достигли Вильно, однако русские отступили без боя. Это был «нож в сердце»[14] Наполеона, он сказал: «Шпага обнажена, надо загнать русских в их льды, чтобы и через 25 лет они не смели вмешиваться в дела цивилизованной Европы!.. Я подпишу мир в Москве!.. И двух месяцев не пройдет, как русские вельможи заставят Александра его у меня просить!».

В разговорах, в частности с Балашовым, Наполеон упрекал царя за то, что тот принимал пруссака Штерна за своим столом. Он говорил: «Каким бы прекрасным могло быть его царствование, если бы он не порвал со мной!.. Но, в конце концов, я не сержусь на него за эту войну... *Еще одна война — это еще один мой триумф!..* Даю вам слово, что у меня 550 тысяч человек уже за Вислой...». Он рассчитывал одолеть врага за три месяца, одержав блестящую победу, потом подписать мир в Москве — и тогда повернуть армию против Испании и покончить с ней «молниеносным» ударом! Однажды он спросил у Балашова, которого пригласил к себе на обед, где проходит лучшая дорога на Москву.

Гость якобы ответил, что есть много дорог, в том числе и *путь через Полтаву, который избрал Карл XII!..*[15]

1 июля император передал Балашову письмо царю, где перечислял свои претензии. Несмотря на уверения в неизменности чувств, выраженных в Тильзите и Эрфурте, он тем не менее заявил, что не выведет ни одного солдата из России. Александр ничего ему не ответил. В Вильно Наполеон узнал, что Турция, отмахнувшись от его предложений, подписала мир с Россией, и воскликнул: «Эти собаки, эти подлецы турки ведут себя как грубые скоты!»[16]. Ему также сообщили, что Бернадот становится опасным. В довершение всего Жером, король Вестфальский, провалил из-за своей неповоротливости план Наполеона, позволив тем самым Барклаю и Багратиону ускользнуть, не понеся потерь. В ярости император крикнул Бертье: «Скажите ему (Жерому), что невозможно маневрировать хуже, чем он, что все выгоды моих перемещений и самая лучшая из представившихся возможностей потеряны из-за его полного незнания элементарных основ ведения войны...». Переведенный в подчинение Даву, униженный и рассерженный, Жером покинул армию вместе со своей гвардией и вернулся в Кассель. Багратион извлек великую пользу из этой имевшей тяжелые последствия измены.

Коленкур, посетив госпитали Вильно, нашел, что там совершенно отсутствуют перевязочные средства, лекарства, хирургические инструменты и недостаточно врачей. «Ужасное зрелище! Повсюду царит беспорядок. Не хватает самых необходимых

вещей». Однако, утверждал генерал, «ничто не могло убедить императора в его гибельной участи; его наваждение не проходило...».

Торопясь настигнуть отступающего врага, Наполеон приказал армии выступить из Вильно, хотя обозы с продовольствием еще не добрались до города. Не евшим досыта солдатам ничего не оставалось, как заниматься мародерством и грабежом. Вскоре маршал герцог Тревизский написал императору, что его солдаты умирают от голода и что 10 тыс. лошадей пали оттого, что их новым и единственным фуражом стала зеленая рожь на корню. От лошадиных трупов исходил смрадный, непереносимый дух. 16 июля 1812 г. Наполеон покинул Вильно, где провел 18 дней, и расположился в Глубоком.

18-го числа того же месяца в Эребру был подписан договор между Англией, обязавшейся предоставить значительные средства, Россией и Швецией.

Русские продолжали отступать в полном порядке. Прибывший в Дриссу Александр пребывал в нерешительности, терял драгоценное время и показывал свою неспособность осуществлять верховное командование. Не смея ему об этом сказать, генералы попросили его отбыть в Санкт-Петербург, откуда, уверяли они, император сможет поднять дух народа, пробудить национальное чувство, обеспечить набор новых полков и спасти Родину. Любимая сестра Екатерина умоляла его вернуться и без обиняков писала: «Ради Бога, не поддавайтесь желанию командовать самому!.. Не теряя времени, надо назначить командующего, в которого бы верило войско, а в этом отношении Вы не внушаете никакого доверия!..». Считавший себя великим стратегом и думавший, что в этом он может

6 591

сравниться с Наполеоном, Александр в конце концов смирился, временно передал командование двумя армиями Барклаю-де-Толли и покинул Дриссу, отправившись в столицу через Москву.

После многочисленных второстепенных сражений против Барклая Наполеон вошел в покинутый жителями горящий Витебск. В его распоряжении оставалось только 140 тыс. солдат, так что он даже решил, не остановиться ли ему здесь? Он якобы говорил Мюрату: «Первая русская война закончена... Построим каре! Поставим пушки по углам, жерлами наружу! Пусть внутри будут войска и склады! В 1813 году мы будем в Москве, в 1814 году в Петербурге; русская война — это трехлетняя война!» В тот же день он вызвал интенданта и сказал в присутствии многочисленных офицеров: «Подумайте о том, как нам жить здесь, мы не повторим безумия Карла XII!..» Но вскоре он решает взять Москву, не прислушавшись к мнению генералов, предлагавших остановиться на достигнутом[17]. Наполеон потерял две недели в Витебске.

Генерал Барклай-де-Толли написал гражданскому губернатору Смоленска неосторожное письмо, которое было сразу же опубликовано: «Уверяю Вас, что городу Смоленску не предстоит еще ни малейшей опасности, и невероятно, чтоб оный ею угрожаем был... Вы видите из сего, что Вы имеете совершенное право успокоить жителей Смоленска, ибо кто защищаем двумя столь храбрыми войсками, *тот может быть уверен в победе их!*».

Тем не менее Барклай отступил к Смоленску, где 4 августа к нему присоединился Багратион, проведший сражения под Могилевом и Оршей. Два генерала держали совет. Во время бурных споров они

выдвинули совершенно противоположные планы: пылкий, бесстрашный Багратион призывал к наступлению, даже рискованному; осторожный, спокойный Барклай высказывался за упорядоченный отход, прерываемый краткими атаками. Армия была за Багратиона и критиковала кажущееся малодушие лифляндского уроженца — Барклая, который в конце концов уступил; однако последующие события показали, что прав был именно он.

Вскоре к Смоленску подошли войска Мюрата и Нея. С высокого холма Наполеон увидел, как русская армия первая двинулась вперед. Он радостно воскликнул: «Наконец-то они мне попались!..» Сражение было ожесточенным и кровопролитным, однако русская армия, воспользовавшись ночной темнотой, скрылась. Слишком рано обрадовался Наполеон...

Смоленск был захвачен, однако большая часть города лежала в развалинах. Русские войска постоянно получали подкрепления и продовольствие, тогда как «Великая армия» таяла на глазах, страдая от непрестанных набегов, от жары и пыли. Голодные, умиравшие от жажды солдаты с размаха бросались в лужи и пили воду, смешанную с конской мочой. Уже в Витебске в строю недосчитались более 100 тыс. солдат — убитых, больных, отставших или дезертировавших. Численность кавалерии сократилась с 22 тыс. до 14 тыс. Несмотря на эти потери, Наполеон верил в свою звезду — никогда его не покидавшую, изображенную даже на принадлежащей императору мебели, нарисованную на всех лубочных картинках того времени, звезду, которую он хотел когда-то показать своему дяде Фешу на полуденном небе. «Не пройдет и месяца, как мы

будем в Москве: через шесть недель мы будем иметь мир»[18], — повторял император, чтобы успокоить Мюрата, Нарбонна, Бертье, Себастиани. Они напрасно умоляли Наполеона остановить военные действия на Смоленске, безуспешно пытаясь сыграть на том, что прежняя Польша обретена вновь, а Литва освобождена.

24 августа, написав новое письмо царю, на которое тот не ответил, император покинул Смоленск и приказал идти на Москву. До нее было 15 дней похода, а до Санкт-Петербурга — 29. Армия шла по местности, превращенной в пустыню: поля потоптаны, жилища разрушены самими крестьянами.

Были дни, когда проливные дожди заливали дороги и в рытвинах и канавах увязали лошади, пушки и повозки. Провианта не хватало. Русские же войска были неуловимы, они уклонялись от открытых столкновений, но, внезапно появляясь, быстрым огнем выкашивали несколько рядов французских колонн и исчезали. В таких условиях боевой дух наступавших стал быстро иссякать. Дошло до того, что Мюрат и Даву, продвигавшиеся первыми и раньше не испытывавшие дружеских чувств, стали открыто ненавидеть друг друга.

Дизентерия и тиф свирепствовали в «Великой армии». Солдаты умирали от ран в наскоро устроенном смоленском госпитале, где не хватало лекарств, белья и даже для перевязки использовались старые бумаги из архивов.

С трудом поддерживая дисциплину, французская армия подошла к разрушенной русскими Вязьме. И как ни старался Наполеон, какие бы ловушки он ни расставлял, на протяжении двух месяцев русским удавалось избежать окружения.

* * *

Трудно описать воодушевление, с которым встречали переезжавшего из Дриссы в Москву Александра: толпы горожан и крестьян выходили приветствовать его, выражая любовь к стране и своему государю и ненависть к захватчикам. В Москве его встретил Ростопчин, хвалившийся, что «в скверной мелодраме своей жизни был героем, тираном, влюбленным, благородным отцом, моралистом, но никогда — лакеем...». По строгой оценке Валишевского, этот губернатор был просто-напросто «скверным актеришкой, изображавшим злодея в шутовской пьесе, где гротеск, переходящий в низость, вызывает в конце концов чувство отвращения и ужаса...».

Встречавшие царя москвичи, казалось, обезумели от радости. Грюнвальд писал, что, когда Александр сходил с парадной кремлевской лестницы, сотни рук тянулись к нему, люди целовали полы его мундира, плакали от умиления; купцы пожертвовали два миллиона рублей на армию, представители дворянства изъявили готовность немедленно выставить ополчение из 80 тыс. человек, а некоторые крупные помещики снаряжали за свой счет целые полки...

Толпа волнующегося народа встретила царя 3 августа в Санкт-Петербурге: *«Ангел ты наш! Батюшка! Ура!..»* Люди обнимались, плакали от радости. Толпа была так велика, что несколько женщин и детей было в ней раздавлено!.. Проживавшие в городе эмигранты, и в первую очередь г-жа де Сталь, посылали яростные проклятья в адрес Наполеона. Однако автор «Коринны» — «сорока-заговорщица, произносившая слишком длинные речи и носившая слишком открытое платье», — была уязвлена тем,

что царь не пригласил ее на обед во дворец, ограничившись двумя короткими беседами[19]. Из английского посольства против Франции русского государя настраивали Кеткарт и Вильям Шоу.

Александр поддерживал постоянную связь с наследным принцем Швеции Бернадотом, забывшим все, чем был обязан Наполеону. Бернадот сказал в разговоре одному из дипломатов: «Я знаю только один способ спасти Европу: убить чудовище!». Бывший маршал Франции, отличавшийся в наполеоновских войнах, страстно желал падения своего бывшего государя, однако шведы оставались настолько привязанными к Франции, что Луиза Бирен, принцесса Курляндская, писала из Стокгольма 29 августа: «Хотя этот мошенник (Наполеон) несет несчастье всему миру, здесь, особенно среди простого народа, есть много людей, которые его любят и желают его прихода...».

Хорошо зная Наполеона и опасаясь военного гения своего бывшего командира, Бернадот давал все новые и новые советы царю: «Возможно, что он (Наполеон) выиграет первое сражение, потом второе и даже третье. Исход четвертого будет неопределенным. Однако если Ваше Величество проявит стойкость, то оно, несомненно, выиграет пятое!..» (11 августа 1812 г.). Но царю было недостаточно получать от шведского принца лишь советы и обещания, слышать от него льстивые слова: он потребовал, чтобы шведская армия вторглась в Германию и подняла немецкие государства на борьбу с Наполеоном, пока «Великая армия» находилась в России. Царь не колеблясь отправился на встречу с наследным принцем в Або, город на финляндской границе. Свидание произошло 28 августа. Бернадот

шумно расцеловал Александра, приветствуя в его лице «государя, самим Провидением призванного свергнуть тирана Европы», обязался высадиться в Нижней Германии и провести царское войско до самого Парижа; в награду Швеция получала Норвегию и Померанию. Осведомленный о тайных помыслах шведского наследного принца, Александр искусно вставил в разговор фразу: «Будьте уверены, что я с удовольствием увижу судьбы Франции в Ваших руках!..»

* * *

По предложению чрезвычайной комиссии Александр назначил главнокомандующим Михаила Голенищева-Кутузова. 68-летний «северный лис» потерял глаз в одном из сражений. Тучный, сгорбленный, с совершенно белыми волосами, любезный и проницательный, единственное око которого то потухало, то вновь загоралось, с мягкой переваливающейся походкой, этот «старый господин» *(der alte Here)* получил от Наполеона незаслуженное прозвище *«старая лисица»*, хотя Кутузов считал императора *«гигантом»*. Осторожный, опытный, настойчивый, хитрый, бесстрастный во время сражений, новый генералиссимус охотно повторял: «Нет ничего, что стоило бы больше двух солдат — терпения и времени...». Он согласился на свое назначение лишь при условии, что Константин будет удален из армии, ибо он не может ни наказать его, если он плохо себя поведет, ни наградить, если он хорошо себя проявит. Кутузов, безусловно, знал, что убежденный в непобедимости Наполеона великий князь

публично и безапелляционно высказался за немедленное прекращение военных действий, так как «они не могли продолжаться, потому что русская армия практически более не существует...»[20].

В отличие от Барклая и Багратиона у Кутузова не было заранее разработанной системы; просто он был блестящим стратегом, и армия его обожала. Барклай сохранил командование над частью войск, но был подчинен Кутузову.

Изучив положение, Кутузов решил укрепиться на холмах вокруг села Бородино, в 110 км. от Москвы, и встретить там «Великую армию». Задержанные на несколько дней проливными дождями, наполеоновские войска встали 5 сентября у Бородино, на Москве-реке. Перед сражением, рассказывает Рамбо, глубочайшая тишина воцарилась над лагерем русских; религиозное рвение и патриотический пыл воспламенили все сердца; офицеры и солдаты исповедовались и причащались; они надели белые рубахи, как женихи перед свадьбой. Рано утром 100 тыс. коленопреклоненных воинов получили благословение от священников и были окроплены святой водой; чудотворную икону Владимирской божьей матери пронесли перед фронтом войск при всеобщем воодушевлении. Внезапно орел плавно пролетел над головой *Кутузова*, и солдаты неистовым *«ура»* приветствовали это счастливое предзнаменование. Что касается Наполеона, то он поставил перед своей палаткой портрет ребенка. Это было написанное Жераром изображение Римского короля, в тот самый день прибывшее из Парижа! Войска приветствовали пламенный призыв Наполеона:

«Воины! Вот сражение, которого вы так желали! Победа в руках ваших; она нужна нам. Она доставит нам изобилие, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение в отечество! Действуйте так, как действовали вы под Аустерлицем, при Фридланде, Витебске и под Смоленском, и позднее потомство вспомнит с гордостью о подвигах ваших в этот день и скажет о вас: и он был в великой битве под стенами Москвы!..»[21].

7 сентября, в половине шестого утра, резкий пушечный выстрел подал сигнал о начале одного из самых великих сражений века. Император французов располагал примерно 127 тыс. войска и 580 орудиями, у Кутузова было 120 тыс. солдат и значительное количество артиллерии. По случаю баталии Мюрат, как оперный тенор, вырядился в карнавальный мундир из расшитого золотом фиолетового бархата, надел белые штаны, желтые сапоги и увенчал все это польской шапкой с огромным белым плюмажем. Наполеон довольствовался своим серым сюртуком и поношенной треуголкой.

Битва началась грозной канонадой 1200 орудий, слышной за сотню километров, после нее в дело вступила пехота и кавалерия. Это было Бородинское сражение или сражение при Москве-реке *(bataille de la Moskowa)*, как называют его французы. Противники не знали жалости друг к другу! Победа склонялась то к одному, то к другому лагерю, но в конце концов досталась иноземцам. Было произведено 120 тыс. пушечных и 3 млн. ружейных выстрелов.

«Наполеон добился своего, но какой ценой! — рассказывал поляк Брандт. — Большой редут и окружавшая его местность представляли собой карти-

ну, ужаснее которой ничего нельзя было себе вообразить. Подступы, рвы, внутренняя часть укрепления скрылись под горой тел убитых и умирающих, в шесть, восемь рядов громоздившихся один на другом».

Историки приводят различное число потерь: от 20 до 40 тыс. у «Великой армии», от 30 до 50 тыс. у русских. Лишь одна цифра верна — у Наполеона было убито или ранено 47 генералов и 37 полковников! Коленкур писал: «Ни в одной битве не было потеряно столько офицеров и генералов... от полка оставалось 60 — 80 солдат и 4— 5 офицеров... Русских раненых было подобрано очень мало... Пленных не брать, трофеев не брать! Это больше всего бесило Наполеона... Неприятель не бросил ни одной своей повозки, не оставил ни одного гвоздя...»[22].

Кутузов в полном порядке отступил к Москве. Слышали, как он говорил: «Бонапарт словно бурный поток, который мы все еще не можем остановить. Москва будет губкой, которая его всосет!..».

Наполеон странно вел себя во время этого ожесточенного сражения, продолжавшегося более 12 часов. В пять часов утра, выйдя из своей палатки, он воскликнул: «Наконец они нам попались! Вперед! Откроем двери Москвы!..». Однако какое-то время спустя он сник и, казалось, махнул на все рукой. По словам Бельяра, он со страдающим и подавленным видом сидел на одном месте, постаревший, хмурый, вялым голосом отдавая команды посреди невообразимого шума сражения, как будто уже не занимавшего его внимания. Мюрат говорил, что в этот великий день он не узнавал гениального Наполеона! Генерал Дедем считал, что

Наполеон в этот день не был велик, а другие командиры — что это была беспорядочная битва, в которой победу одержали солдаты, а не генералы...

Несомненно, император находился в плохом физическом состоянии, еще более ухудшившемся в последующие дни. С угрюмым и равнодушным видом он лишь присутствовал на самой кровопролитной битве со времени изобретения огнестрельного оружия. Раз за разом он отказывал генералам, просившим ввести в бой Гвардию, чтобы добиться решительной победы. «За 800 лье от Франции нельзя рисковать своим последним резервом!..»[23].

* * *

11 сентября 1812 г. Александр получил в Санкт-Петербурге первое донесение Кутузова, докладывавшего о победе... русских войск! Сбросив бремя одолевавших его несколько дней тревог, он приказал огласить донесение в Александро-Невской лавре после церковной службы. Радость была огромной! Царя и его близких бурно приветствовали, Кутузов получил звание фельдмаршала и награду в 100 тыс. рублей, генералов славили как героев, каждый солдат должен был получить пять рублей... Но когда в Петербурге узнали о поражении, опьянение радостью сменилось отчаянием. «Если не произойдет чуда, Россия не будет существовать. За нами остался только Шпицберген!» — писал Жозеф де Местер. Великая княгиня Екатерина покинула столицу, увозя с собой все, что только можно...

Наполеон, считавшийся «императором католического мира»[24], разослал епископам приказ собрать народ в церквах и отслужить благодарственный мо-

лебен в честь покровителя войск и по случаю перехода через Неман, Двину, Борисфен и сражений под Могилевом, Дриссой, Полоцком, Островно, Смоленском, а также победы при Москве-реке... Позднее он признается Лас-Казу: «Под Москвою русские стяжали право быть непобедимыми»[25].

Французские армии, кроме очень ослабленного и оставшегося в Бородино корпуса Жюно, преследовали отступавшие к Москве войска Кутузова. Испытывая недостаток во всем, армии Наполеона продвигались вперед очень медленно, тогда как у отходивших русских было и мясо, и сухари, овес и другой фураж для конницы. Уходя, русские сжигали свои припасы, склады и деревни. Изнуренные завоеватели страдали от голода, жажды, грязи. Раненые и больные падали, чтобы больше уже не подняться.

Стремясь еще более замедлить продвижение врага, русские разрушали мосты, уничтожали указательные столбы с названиями населенных пунктов и верстовые знаки. Захватчикам было трудно ориентироваться, они не имели достаточно карт, а население покинуло жилье и пряталось в лесах. К 14 сентября генерал Милорадович с арьергардом дошел до Москвы[26].

Наполеон был убежден, что Кутузов не оставит город без сражения. «Я ни на миг этого не допускаю, — говорил он. — Они или будут защищать Москву, или попросят мира...» Кутузов действительно написал губернатору Ростопчину, что скорее погребет себя под руинами Москвы, чем сдастся. Но 13 сентября, на военном совете в Филях, он произнес: «Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до

тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну, но когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия»[27].

По приказу командующего Милорадович встретился с французским генералом Себастиани и предложил ему устроить перемирие на несколько часов, чтобы дать возможность русским колоннам уйти из города, оставив его нетронутым. Себастиани согласился. Присутствовавший при этом Клаузевиц писал: «Себастиани с большой живостью перебил словами: «Генерал! Император во главе армии поставит свою Гвардию, чтобы сделать совершенно невозможным какие бы то ни было беспорядки...». Эти слова показались знаменательными, так как в них выражалось величайшее желание вступить во владение Москвой в полной сохранности... Слова генерала Милорадовича... не позволили верить в умышленное сожжение Москвы русскими»[28].

14 сентября 1812 г. в течение 12 часов русские войска проходили через город. Из 200 тыс. жителей в нем осталось не более 10 тыс., а остальные ушли, унося с собой все самое ценное. Государственная казна и архивы были эвакуированы. Казанская, Владимирская и Ярославская дороги на протяжении 100 км. были забиты шагавшими пешком беженцами и нескончаемой чередой всевозможных колясок и повозок. Клаузевиц рассказывает, что Москва была похожа на брошенный город. Около двухсот человек низшего сословия пришли к генералу Милорадовичу, умоляя о защите. То там, то здесь на улицах стояли кучки хмуро смотревших людей. Улицы были так забиты повозками и беженцами, что Милорадович был вынужден послать вперед два полка кавалерии, чтобы рас-

чистить дорогу. Больнее всего было смотреть на раненых, рядами лежавших вдоль домов и потерявших надежду на то, что их возьмут с собой. Эти несчастные стали, конечно, добычей смерти. Русские войска вышли из города по Рязанской дороге...[29]

К шести часам вечера, так и не потревоженная французским авангардом, армия Милорадовича последней покинула Москву.

* * *

Но вернемся к Наполеону. 9 сентября он достиг Можайска и остановился в очень скромном доме. Он оставался там три дня, страдая от жестокого гриппа, потеряв голос, в то время как Мюрат и Мортье продолжали свой поход к Москве. Не имея возможности диктовать приказы своим семи секретарям, Наполеон набрасывал на листках бумаги указания. 12 сентября он догнал авангард.

14 сентября в два часа пополудни император французов верхом въехал на Воробьевы горы, сопровождаемый всем своим штабом. У его ног лежала Москва — город, превосходивший тогда своими размерами Париж, «духовный и религиозный центр России», по словам самого Наполеона. «Так вот наконец этот знаменитый город... Теперь война кончена. Да и пора уж!..»[30] — воскликнул он.

Колокольни церквей и крыши дворцов блистали под лучами солнца. Вот «Иван Великий», вот Архангельский собор, вот Успенский! Вот храм Василия Блаженного с его пестрыми куполами! Вот весь огромный Кремль с его дворцами, монастырями, колокольнями, золотыми куполами. Вот город Ивана II, Василия III, Ивана IV, Петра Великого... «Москва!

Москва!..» — на этот крик восхищения, победы и избавления сбежались офицеры и солдаты и, ошеломленные видом города, зашептали: «Москва... Москва...». Забыв о ранах, страданиях, огорчениях, обидах и сомнениях, все они — вице-короли, принцы, маршалы и генералы — окружили и поздравили своего командующего. Там были Коленкур, Бертье, Мюрат, Богарне, Мортье, Даву, Лористон, Гурго. Раздались крики: *«Ура, да здравствует Наполеон, да здравствует император!»*. Но главным, покрывавшим все, был крик радости: *«Москва! Москва!»*. И вдруг в едином порыве французы запели *«Марсельезу»*. Сердца наполнились радостью и надеждой. Настал конец всем их страданиям...

Они торжествовали: они были в Москве! Бедные солдаты!..

Глава 8

НАПОЛЕОН В МОСКВЕ
(14 сентября — 18 октября 1812 г.)

...Вступление императора в Москву не есть еще покорение России.
Кутузов — в письме Александру I
от 16 сентября 1812 г.

Пожар Москвы зажег мою душу...
Александр I — баронессе де Крюденер

«Пусть ко мне приведут бояр!» — приказал Наполеон, выслушав поздравления своих офицеров. Немедленно за ними поскакал Мюрат во главе отряда штабных, но напрасно они искали: бояре тоже покинули Москву! Раздосадованный император воскликнул: «Эти канальи попрятались, но мы их найдем! Они приползут к нам на коленях!..».

Свою ставку Наполеон устроил в каком-то худом трактире на въезде. На следующий день, 15 сентября в полдень, он отправился в Кремль. Жители покинули город, 9 тыс. домов стояли пустыми! На стенах были расклеены афиши графа Ростопчина, гражданского губернатора города, в них говорилось об уверенности русского народа в конечной победе. Одна из них, от 9 сентября 1812 г., утверждала: «Я жизнию отвечаю, что злодей в Москве не будет, и вот почему: в армиях 130 тысяч войска славного, 1800 пушек и святлейший князь Кутузов... у него

сзади генералы Тормасов и Чичагов, вместе 85 тысяч славного войска, генерал Милорадович из Калуги пришел в Можайск с 36 тыс. человек пехоты, 3800 кавалерии и 84 пушками и т.д.

Ну, дружина московская! Пойдем и мы, поведем 100 тыс. молодцов, возьмем Иверскую божию матерь да 150 пушек и кончим дело все вместе...

Прочитайте! Понять можно все, а толковать нечего!»[1].

Однако сам Ростопчин вовремя сбежал и сберег свою драгоценную жизнь!.. Ранним утром следующего дня слуга разбудил Наполеона в его кремлевской спальне. Привлеченный игрой отблесков, император подбежал к окну... Москва горела! Он воскликнул: «Какое ужасное зрелище: это они сами поджигают город; сколько прекрасных зданий, какая необычайная решимость. Что за люди! Это скифы»[2].

Мюрат, Бертье и Богарне сумели в конце концов увести его из Кремля. Сегюр писал, что, немного поблуждав, они все же нашли потайной ход, выводивший к Москве-реке; по этому узкому лазу Наполеон, его офицеры и охрана сумели вырваться из Кремля. Он покидал Кремль с большим сожалением, однако надо было торопиться — рев пламени вокруг нарастал с каждым мгновением. Единственная улочка — узкая, извилистая и вся охваченная пламенем — выглядела скорее как ворота в ад, а не выход из него. Бегом, не раздумывая, император бросился в этот опасный переход[3].

Наконец, после многочасового пути без остановок, Наполеон смог укрыться в Петровском «дорожном дворце», где не было ни кровати для него, ни вообще какой-либо мебели. Он долго смотрел на

пожар, а потом сказал: «Это предвещает нам великие бедствия!»[4]. И он не ошибся.

Меттерних, узнав о взятии Москвы, воскликнул: «России больше нет...». Жозеф де Местр был того же мнения. Как же они все ошибались...

Император признался Лас-Казу на острове Св. Елены, что выдумки о пожаре Трои не сравнятся с пожаром в Москве. Город был построен из дерева, а ветер — очень сильным; все пожарные насосы увезли. Это был настоящий океан огня! Ничего не было взято — настолько продвижение было быстрым, а вступление — внезапным. Женщины убегали так поспешно, что на их туалетных столиках находили бриллианты. Через некоторое время они писали, что старались убежать от первых набегов опасной солдатни, вверяя свое имущество честности победителей, и собирались в ближайшие дни вернуться, чтобы просить о благорасположении и принести благодарность...[5]

Барон Леррей, главный хирург «Великой армии», рассказывал, что люди низкого сословия, оставшиеся в Москве, бродили от одного дома к другому, отовсюду гонимые пожаром, испуская жалобные стоны. Желая спасти самое ценное из имущества, они сгибались под тяжестью узлов, но часто бросали их, чтобы убежать от языков пламени. Женщины несли на плечах одного, а то и двух детей и тащили других за руку. Чтобы уйти от смерти, грозившей им отовсюду, они бежали, подобрав юбки, и укрывались за домами, однако сильный огонь вынуждал их вскоре бежать дальше. Многие, не сумев выбраться из этого лабиринта, нашли там свой горестный конец. Он видел стариков с опален-

ными огнем бородами, которых их дети старались вывести из этого настоящего ада...[6]

* * *

18 сентября Наполеон вернулся в Кремль, часть которого удалось спасти. Не подчиняясь приказам и не боясь расплаты, французские войска начали грабить город, как и сами москвичи. Очевидец, назвавший себя Евгением Лабомом, рассказывал: «Солдаты, маркитанты, гулящие девки бродили по улицам, проникали в брошенные дворцы и, сгибаясь под тяжестью, выносили оттуда одежду, меха, сахар, мешки с товарами»[7].

Грабежи приняли вскоре такие размеры, что даже церкви не были пощажены. Но наказание за это было суровым. Г-н Бошан, очевидец событий, рассказывает, как 23 поджигателя (русских), арестованных жандармерией, предстали перед военным судом и были приговорены к смерти, хотя они оправдывались тем, что выполняли приказ оберполицмейстера Ивашкина. Приговор был напечатан по-русски и по-французски. Их расстреляли на следующий день, а трупы повесили на бульварных фонарях с такой надписью на двух языках: «Наказание поджигателям»[8]. Но если бы только грабили! Двое солдат «Великой армии», застигнутые в тот момент, когда они насиловали 14-летнюю русскую девочку, были приговорены к смерти военным трибуналом и расстреляны.

В ночь с 16 на 17 сентября огонь и разрывы снарядов вызвали такую панику в еще не разрушенных госпиталях, что больные и раненые стали спасаться, бросаясь в окна, и разбивались. Дул яростный ве-

тер, как будто желая ускорить гибель города. На улицах встречались босые люди в обносках, отчаявшиеся — или, наоборот, дерзкие, шатались пьяные, бродили одетые в меховые шубы мародеры, обходя трупы людей и животных, от которых уже начинал исходить удушающий запах. Картина разорения была полная! Казалось, все происходило в кошмарном сне! Когда пожар был усмирен и подсчитаны разрушения, то оказалось, что из 9158 домов сгорело 6532, из 8520 лавок и магазинов разорено 7512; было подожжено, разграблено и разгромлено 127 церквей из 290. На улицах было поднято 11 959 трупов людей и павших лошадей.

Оккупационная армия находилась в очень тяжелом положении, солдаты были изнурены и голодны, кони обессилели. Не хватало всего — продовольствия, боеприпасов, средств связи, а главное, надежды и доверия. Александр ничего не отвечал на мирные предложения. К тому же Наполеон получил плохие известия из Испании: Веллингтон вошел в Мадрид (12 августа), а Сульт снял осаду Кадикса. Лукавый Кутузов говорил в одном из приказов: «Французы изгнаны из Мадрида. Рука Всевышнего карает Наполеона. Москва станет его тюрьмой, могилой для него и для его армии!..».

18 сентября Наполеон писал Марии-Луизе: «Все исчезло. Уже четыре дня огонь пожирает город. Маленькие дома построены из дерева и поэтому вспыхивают, как *спички*. В злобе своей губернатор и русские подожгли этот красивый город... Это огромная потеря для России. Ее торговля сильно от этого пострадает. Негодяи были так предусмотрительны, что увезли или разрушили все насосы. Насморк мой прошел, самочувствие хорошее!..»[9].

* * *

Почему произошел пожар Москвы, продолжавшийся с вечера 14 до 18 сентября? Кто его организовал? Ответы на эти вопросы противоречивы. По словам русских пленных, сигнал был дан ракетой с крыши дворца Трубецких. В *бюллетене «Великой армии»*[10] отмечалось, что пожар был задуман и подготовлен генерал-губернатором Ростопчиным. Это мнение разделяют большинство французских и союзных офицеров, написавших свои мемуары. С русской стороны Клаузевиц посчитал вначале, что пожар был следствием беспорядка и привычки казаков полностью разворовывать, а затем поджигать все, что оставлялось врагу. Вскоре после того, как французы вошли в Москву, Клаузевиц несколько раз разговаривал с Ростопчиным в Санкт-Петербурге. Затем он писал, что губернатора возмущала мысль о том, что его могли посчитать поджигателем Москвы, а тогда существовало такое предположение. Однако вскоре Клаузевиц убедился, что Ростопчин сжег город по своему почину, не предупредив заранее гражданские и военные власти.

Существует косвенное тому свидетельство английского генерала Вильсона, представителя Великобритании при фельдмаршале Кутузове. Этот генерал присутствовал при пожаре дворца Ростопчина в Вороново, под Москвой, подожженного самим Ростопчиным с помощью нескольких друзей. Сгорело все — не только мебель, но коллекции и картины. Говорят, что губернатор воскликнул после этого: «Вот теперь я доволен!..»[11]. Однако его поведение столь противоречиво, что поневоле задаешься вопросом: а когда же он говорил правду? До

взятия Москвы он несколько раз заявлял о намерении поджечь город, чтобы он стал могилой для неприятеля. Он писал своему другу Багратиону, что хорошо бы сообщить Наполеону, что не добыча ему достанется, а лишь место, где когда-то стояла столица. Он увидит лишь головешки и пепел...[12] После военного совета в Филях Ростопчин заявил Кутузову: «Если Вы не защитите Москву, то после Вашего ухода она запылает!»[13]. Покидая Москву, он остановился у моста через Яузу и сказал сыну: «Поклонись городу в последний раз, через час он будет в огне!..».

Задержанные с факелами в руках два русских полицейских в форме признались, что получили приказ все поджигать. Были намечены дома, все приготовлено, офицеры разослали их группами во все концы города. В общественных и частных домах находили ракеты и паклю, пропитанную смолой, нефтью или серой. Коленкур и многие другие офицеры утверждают, что сами видели эти орудия поджога. «Показания полицейских солдат, признания полицейского офицера, которого задержали в день нашего вступления в Москву, — все доказывало, что пожар был подготовлен и осуществлен по приказу графа Ростопчина», — прибавляет Коленкур[14].

Забыв о том, как он раньше оправдывался перед Клаузевицем, Ростопчин хвастался позднее в Париже и в Пруссии прозвищем *«герой-поджигатель Москвы»* и гордился тем, что его портреты продавались в лавках Пале-Рояля! Наконец, в 1823 г. он опубликовал в России брошюрку *«Правда о пожаре Москвы»*. Желая успокоить в своем отечестве неблагоприятное для него общественное мнение, он

оправдывается: «Я отказываюсь от прекраснейшей роли эпохи и сам разрушаю здание моей знаменитости»[15]. Интересно, какую версию Его превосходительство граф Ростопчин выдвинет в день страшного суда?..

Как бы там ни было, московский пожар, бывший главной причиной отступления, а затем и поражения «Великой армии», скорее всего явился делом рук Ростопчина. Таким путем он стремился освободить свою Родину от захватчиков. Писатель Жак Шеневьер сказал о нем: «Владелец Вороново был большим и честным человеком, первым заставившим блистать на скрижалях Истории старинное имя, пришедшее из далеких времен татарских нашествий и славно соединившееся с судьбами русского государства. У этого человека было безошибочное чувство Родины...»[16]. Бельгийский историк Дрион дю Шапуа поддерживает эту точку зрения и прибавляет: «Отчаянное решение, принятое губернатором Москвы... действительно спасло Европу... Только он один понимал значение этого поступка, спасавшего и его Родину, и Европу...»[17].

* * *

Луиза Фюзиль, актриса «Комеди-Франсез», пришедшая с войсками в Москву и покинувшая город с остатками «Великой армии», писала: «Слуги в панике вбежали в наши комнаты и сказали, что полиция стучалась во все двери и приказывала жителям уйти, потому что *собирались поджечь город, а пожарные насосы все увезли...*»[18].

* * *

Наполеон, уверенный, что Александр ответит согласием на его послания, терял проходившие один за другим дни. Он повторял: «Московский мир положит конец моим военным экспедициям... Европа станет единым народом... Каждый человек, путешествуя повсюду, будет всегда находиться на своей родине... Покинуть Москву, не подписав предварительных условий мира, равнозначно политическому поражению...». Однако его тревожили молчание царя и моральный упадок его собственных войск. Он слышал слова Мюрата: «Мне никогда не было так противно. Я устал бегать от амбара к амбару и умирать от голода...».

Что делать? Какой план избрать, чтобы он и не казался поражением, и не ободрял явных противников и мнимых союзников? Остаться в Москве, провести тут зиму, ринуться весной на Санкт-Петербург? Или немедленно идти на столицу? Или, наоборот, вернуться в Смоленск, восстановить там свои силы и затем устремиться на столицу? Но тогда как прокормить солдат и обеспечить фуражом лошадей? И где разместить людей?.. Как сделать так, чтобы дух войска совсем не упал, как сохранить в глазах французов и всей Европы его престиж, как не позволить Англии и Испании воспользоваться ситуацией?..

3 октября Наполеон собрал маршалов и объявил свое решение: надо сжечь остатки Москвы, взорвать Кремль и двигаться через Тверь на Санкт-Петербург, где с ними соединится Макдональд. Мюрат и Даву должны образовать арьергард. Однако Даву и Дарю воспротивились, сославшись на плохое время года, недостаток продовольствия, на бесплодную местность, на дорогу по болотам, которую

к тому же 300 крестьян могли сделать непроезжей за один только день. Зачем же опять двигаться к северу и идти навстречу зиме, бросая ей вызов? Она и так была совсем близко! А что будет с 6 тыс. раненых в Москве? Отдать их Кутузову?.. Император согласился с этими доводами, но не принял никакого решения. Погода стояла хорошая, настроение войск повышалось. Приободрившийся и ожидавший благоприятного ответа от царя Наполеон задумал даже построить «панораму» московского пожара, которая должна была поразить воображение парижан...[19]

Что же происходило тем временем в русской армии и в Санкт-Петербурге? Кутузов вначале направил выходившие из Москвы войска по Рязанской дороге, потом, приказав Васильчикову с его казаками завязывать мелкие стычки и запутывать конницу Мюрата, внезапно пошел на запад к Тарутино. Там его армия получила подкрепление, отдохнула, обучила новобранцев. Внимательно наблюдая за противником, отряды русской армии нападали на обозы с боеприпасами и продовольствием.

Как будто забыв сказанные фрейлине царицы Елизаветы г-же Стурдза слова о том, что у него нет ни опыта, ни талантов, чтобы повести армию к победе, Александр развил лихорадочную деятельность в Главном штабе. Он даже напрямую, без ведома Кутузова, отдавал приказы командующим армиями.

Когда посланный фельдмаршалом Кутузовым полковник Мишо привез ужасную весть: «Оставленная войсками Москва горит!», Александр разрыдался и воскликнул: «Я вижу, что провидение требует от нас великих жертв. Я готов подчиниться

его воле!». Затем он обеспокоенно спросил о духе армии, о том, не устали ли солдаты, нет ли в рядах армии уныния. Мишо его успокоил: «Они боятся только одного — что Ваше Величество, по сердечной доброте своей, надумает заключить мир. Войска горят желанием сражаться и показать своей храбростью и самопожертвованием, как они преданы Вашему Величеству».

Отвечая на эти слова, царь еще раз поклялся продолжать войну до полной победы или падения его династии. «Я отращу себе бороду и скорее буду питаться черствым хлебом в Сибири, нежели подпишу позор моего отечества и дорогих моих подданных, жертвы которых умею ценить...». Опьяненный своими собственными словами, Александр большими шагами подошел к курьеру: «Не забудьте то, что я Вам сейчас скажу, полковник. Возможно, однажды мы об этом вспомним с удовольствием: *Наполеон или я! Я или Наполеон, но вместе мы царствовать не можем!* Теперь я знаю его повадки: он меня больше не проведет!..». «Государь, — сказал Мишо уходя, — в это мгновение устами Вашего Величества говорит слава нации и освобождение Европы...»[20].

Константин умолял старшего брата заключить мир, избежать гражданской войны и гибели династии. Его поддерживала императрица-мать и многие придворные. Но царица Елизавета призывала своего мужа к сопротивлению; она дни напролет готовила одежду и белье для раненых, видевшая ее за работой г-жа де Сталь назвала Елизавету «ангелом-хранителем России»[21]. Александр I проявил твердость и обратился к народу с воззванием, содержащим такие взволнованные слова: «...но да не унывает от сего великий народ российский. Напро-

тив — да поклянется всяк и каждый воскипеть новым духом мужества, твердости и несомненной надежды, что всякое наносимое нам врагами зло и вред обратятся напоследок на главу их. Неприятель занял Москву не оттого, чтобы преодолел силы наши или бы ослабил их. Главнокомандующий, по совету с первенствующими генералами, нашел за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы с надежнейшими и лучшими потом способами превратить кратковременное торжество неприятеля в неизбежную ему погибель.

...Сколь крепко и непоколебимо Отечество наше, ограждаемое бодрым духом верных его сыновей. Когда неприятель с остатком от часу более исчезающих войск своих удален от земли своей, находится посреди многочисленного народа, окружен армиями нашими, из которых одна стоит против него, а другие три стараются пресекать ему возвратный путь и не допускают к нему никаких новых сил... Когда большая часть изнуренной и расхищенной от него Европы, служа поневоле ему, смотрит и ожидает с нетерпением минуты, в которую бы могла вырваться из-под власти его тяжкой и нестерпимой?.. При столь бедственном состоянии всего рода человеческого, не прославится ли тот народ, который, перенеся все неизбежные с войной разорения, наконец терпеливостью и мужеством своим достигнет до того, что нетокмо приобретет сам себе прочное и ненарушимое спокойствие, но и другим державам доставит оное, и даже тем самым, которые против воли своей с ним воюют? ...Да преодолеет его и, спасая себя, спасет свободу и независимость Царей и Царств»[22].

С быстротой молнии по Санкт-Петербургу распространилась весть о том, что французы подожгли

Москву, грабят город, оскверняют соборы и церкви, изгоняют или избивают священников. В письме, адресованном царю, но ставшем известным в обществе, патриарх Русской церкви сравнивал Наполеона с «дерзким и бесстыдным Голиафом, прибывшим с другого конца земли!». Его уже не называли просто *чудовищем*, но еще и *Антихристом, исчадием ада!* Народ презирал и ненавидел императора французов, приветствовал и превозносил царя. Люди с воодушевлением читали письмо Кутузова, заканчивавшееся словами: «Рука всевышнего карает Наполеона».

Несмотря на большие расстояния, вести быстро распространялись по городам и деревням. Крестьяне вооружались, добровольцы приходили толпами. С этого времени «Великой армии» противостояли не только русские войска, но и партизанские отряды, иногда даже руководимые женщинами. Весь народ поднялся против иноземного захватчика, против того, кто, как они думали, поджег Москву. Рядом с войной армий шла другая война — партизанская.

6 октября, во время переговоров, начатых по инициативе Наполеона, генерал Милорадович сказал Мюрату: «У нас народ страшен, он в ту же минуту убьет всякого, кто вздумает говорить о мирных предложениях!»[23]. Но Александр о них и не думал. Он сообщал своей любимой сестре Екатерине, что его решимость бороться тверда, как никогда. Он скорее перестанет быть самим собой, чем заключит сделку с чудовищем, причиняющим горе всему миру!.. Царь когда-то боялся покорителя Европы, теперь он увидел, что его шансы на успех возросли: армия усилилась войсками, высвободившимися после заключения мира со шведами и турками, «Ве-

ликая армия», наоборот, растаяла, тем более что Наполеон не мог рассчитывать на испанские, австрийские и прусские отряды.

19/31 сентября Александр писал Бернадоту, что врагу досталась пустая Москва. Он согласен, это жестокая потеря. Но она даст возможность показать всей Европе, что он направит всю настойчивость на борьбу против ее угнетателя, потому что по сравнению с этой раной остальные похожи на царапины. Он и народ полны решимости продолжать борьбу и скорее умрут под развалинами Империи, чем капитулируют перед современным Аттилой...[24].

Наполеон счел необходимым направить следующее письмо русскому генералиссимусу:

«Князь Кутузов!

Посылаю к Вам одного из моих генерал-адъютантов для переговоров о многих важных делах. Хочу, чтобы Ваша светлость поверила тому, что он Вам скажет, особенно когда он выразит Вам чувства уважения и особого внимания, которые с давних пор питаю к Вам. Не имея сказать ничего другого этим письмом, молю Всевышнего, чтобы он хранил Вас, князь Кутузов, под своим священным и благим покровом.

Наполеон»[25].

Генералиссимус отвечал:

«Я подверг бы себя проклятию потомства, если бы сочли, что я подал повод к какому бы то ни было примирению; таков в настоящее время образ мыслей нашего народа»[26].

Играя комедию, Кутузов и Беннигсен продолжали вялые переговоры о мире с Мюратом и Лористоном, чтобы выиграть время, задержать «людоеда» в Москве и дождаться прибытия самого грозного

союзника царя: зимних морозов! Уже 9 октября 1812 г. Александр написал Кутузову: «...все убеждает Вас в твердой Моей решимости, что в настоящее время никакие предложения неприятеля не побудят меня прервать брань и тем самым ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное Отечество...»[27]. 21-го числа он дал Кутузову приказ не слушать никаких предложений по прекращению борьбы.

В то время как Наполеон, по словам мамлюка Али, читал *«Историю Карла XII»*, праздношатающиеся солдаты продолжали грабить и разорять брошенные дома, добывали еду и водку, воровали одежду, натягивали ее на свои превратившиеся в лохмотья мундиры. Сержант Бургонь писал в *«Воспоминаниях»*: «Можно было видеть наших солдат, вырядившихся калмыками, китайцами, татарами, персами, турками...». Ему вторит капитан Майли-Нель: «У каждого входа в Кремль стояли на часах гренадеры Гвардии, одетые в московские шубы, перетянутые на поясе кашемировыми шалями...».

Несмотря на ежедневные парады войск и костюмированные балы, на даваемые по приказу императора представления театра «Комеди-Франсез», моральный дух солдат и даже некоторых высших офицеров был очень низок. Спиртного было вдоволь, но хлеба и мяса не хватало. Очень многие солдаты болели. От недостатка фуража кони подыхали сотнями. Внезапно 13 октября ударил мороз и пошел снег. 18-го числа Кутузов разбил авангард короля Неаполитанского, захватил 36 орудий и весь обоз 2-го кавалерийского корпуса; на следующий день он продолжил движение на Подольск и Тарутино. Узнав об этом, Наполеон при-

казал войскам, находившимся в Москве, отступать на Смоленск и подписал такое воззвание:

«Кремль, арсенал, склады — все разрушено. Эта старая крепость, возникшая вместе с монархией, этот первый дворец царей более не существует. Отныне Москва есть не что иное, как нагромождение развалин, нечистая и нездоровая клоака, не имеющая ни политического, ни военного значения. Я оставляю ее русским бродягам и грабителям и иду на Кутузова, чтобы прорвать его левый фланг, отбросить назад и затем спокойно добраться до берегов Дуная, где встану на зимние квартиры...».

Опасаясь, как бы это не приняли за поражение, император прибавил, что таким образом «он на сотню верст приблизится к Вильно и Петербургу, получив двойную выгоду. Это не отступление, а стратегический маневр».

Когда ночью адъютант сообщил Кутузову, что «Великая армия» вышла из Москвы, старый воин поднялся с постели, встал на колени перед иконой и воскликнул: «Боже! Создатель мой! Наконец ты внял молитве нашей! С сей минуты Россия спасена!..».

А «Великую армию» поджидала зима...

Глава 9

ОТСТУПЛЕНИЕ ИЗ РОССИИ
(19 октября — 12 декабря 1812 г.)

У Вашей Империи, Государь, есть два могучих защитника: ее необъятность и ее климат. В Москве царь всегда велик, в Казани грозен, а в Тобольске — непобедим...

Генерал Ростопчин — Александру I

«Великая армия»? Умирающая армия посреди мертвой природы!..

Кюстин

Великая политика питается человеческим мясом...

Герцог де Кастри. «Эмигранты»

19 октября 1812 г. разрозненные войска французов вышли из Москвы и направились к Калуге, оставив в городе около 500 тяжелораненых. Сегюр, французский генерал и писатель, оставивший свои воспоминания о пережитом в России, рассказывал, что в колонне было 140 тыс. солдат и около 50 тыс. лошадей всех пород[1]. 100 тыс. бойцов шли впереди со своими ранцами, мешками и оружием, а за ними следовали более 550 орудий и 2 тыс. артиллерийских повозок, пока еще напоминая грозную военную машину покорителей мира. Но остальные ужасно походили на татарскую орду после удачного набега. По бесконечной дороге в три или четыре

ряда в полном беспорядке двигались коляски, лазаретные фуры, роскошные кареты и всевозможные повозки. В этой веренице ехали и проживавшие в Москве француженки[2]. Бесчисленные тележки были набиты награбленным. Казалось, двигался караван, переселялся целый народ или, скорее, возвращалось перегруженное рабами и добычей войско античных времен, разрушившее город противника[3].

22 октября Наполеон писал Марии-Луизе:

«Я покинул Москву, приказав взорвать Кремль. Мне требовалось 20 тыс. солдат, чтобы удерживать этот город. После разрушения он стал помехой в моих операциях...»[4].

«Великая армия» была еще в приличном состоянии, за исключением кавалерии, артиллерии и обоза. Действительно, ей не хватало фуража для лошадей и рогатого тягла, однако Наполеон рассчитывал найти в Смоленске и Минске огромные запасы и 36 тыс. свежих войск герцога Беллона.

Имение Ростопчина в окрестностях Москвы лежало в руинах, и на большой доске было написано по-французски: «Восемь лет я украшал эту местность и счастливо жил здесь в кругу своей семьи. Местные жители, числом 1720, покинули ее при вашем приближении, и я поджигаю сей дом, дабы не осквернило его ваше присутствие. Французы! Я оставил вам в Москве два моих дома с обстановкой на полмиллиона рублей. А здесь вы найдете только пепел...». Наполеон счел нужным послать эту доску в Париж, где она неожиданно вызвала не возмущение, а восхищение[5].

Вскоре французские войска стали подвергаться постоянным атакам армий Кутузова, усилившимся благодаря собранному по всей России народному

7 - 591

ополчению за время, потерянное Наполеоном в Москве. Фанатично настроенные жители повторяли: «Французы осквернили наши храмы и устроили там конюшни...». Отступающие войска терпели значительный урон от беспрестанных набегов партизан, которые уничтожали отставших солдат, мародеров и фуражиров. Французский историк Рамбо писал: «Фигнер, Сеславин, Давыдов, Бенкендорф, князь Куракин перехватывали обозы на Смоленской дороге. С ватагой в 2500 человек и отрядом казаков Дорохов штурмом взял Верею. Девица Надежда Дурова и крестьянка Василиса показывали женщинам России примеры мужества...»[6].

24 октября 1812 г. ожесточенное сражение произошло у Малоярославца. Семь раз перейдя из рук в руки, этот небольшой город все же остался за французами, но они потеряли около 5 тыс. человек. Неосторожно выехавшего вперед Наполеона чуть было не взяли в плен казаки, и спасся он лишь благодаря храбрости свиты. Наполеон отрешенно говорил Коленкуру: «Я все время бью русских, но это мне ничего не дает!..».

Теперь император приказал двигаться на Можайск и оттуда идти по старой Смоленской дороге. По словам Сегюра, именно здесь «началось великое крушение нашего счастья...». Но в действительности оно началось с московского пожара. Вскоре взглядам солдат, женщин и детей открылась ужасающая картина Бородинского поля, над которым летали хищные птицы и по которому бродили собаки, пожиравшие трупы. Свидетель тех событий, французский топограф Лабом, отмечал, что он был совершенно потрясен, увидев рядом трупы 20 тыс. солдат, полное разложение которых задержал на-

ступивший мороз. Вся долина была ими покрыта. Со всех сторон были видны конские скелеты и наполовину зарытые тела людей.

Верный своей выжидательной тактике, Кутузов избегал сражений, но постоянно тревожил противника, следуя за ним параллельной дорогой. Наполеону пришлось бросить в Семлевское озеро слишком тяжелые московские трофеи, которые он хотел привезти в Париж: взятые в Кремле готические доспехи, гигантский крест из чистого золота, с трудом содранный с колокольни Ивана Великого и предназначенный для украшения купола Дома инвалидов...

* * *

Внезапно, 6 ноября, в бой вступил самый сильный союзник царя — зима, наступившая на две недели раньше срока. Пошел снег, холод сковал тела и сердца людей. К голоду, усталости, болезням, ранам прибавился убийственный мороз. Оставшийся в строю Сегюр наблюдал, как московская зима, этот новый боец, со всех сторон атаковала отступающих. Несчастные еще брели какое-то время, пока снег, налипший на их ноги, или камень, или дерево, или тело упавшего товарища не останавливали их, тогда они падали. Напрасно они со стоном простирали руки — скоро их накрывал снег, и лишь небольшие сугробы указывали их могилы! Весь путь, как кладбищенское поле, был покрыт этими снежными волнами...[7]

«Ни в одном кампании я не видел столько ужасного», — сообщал 7 ноября своей жене хирург Граналь. Люди умирали сотнями; неподкованные лошади падали на обледенелой скользкой дороге и

ломали себе ноги. По словам Л.Толстого, уже в Вязьме армия из 73 тыс. человек (без Гвардии) насчитывала только 36 тыс. (?!). В этом поселке, расположенном примерно в 150 километрах от Смоленска, Даву был вынужден оставить сотни раненых и 2 тыс. убитых.

Атакованный казаками армейский корпус принца Евгения Богарне понес страшные потери при переправе через одну из рек, оставив там свою артиллерию и 400 лошадей. В донесениях маршалу Бертье принц писал: «Эти чудовищные дни настолько подорвали дух солдат, что я думаю — в этот момент они совершенно не способны сражаться. Много людей умерло от голода или холода; другие в отчаянии сдавались врагу». Перехваченные казаками донесения привезли царю, он передал их своему союзнику Бернадоту, дабы тот знал, в какое жалкое состояние была приведена французская армия!..

Находившийся 9 ноября в 30 верстах от Смоленска Бертье направил императору следующий рапорт: «Долгом поставляю донесть Вашему Величеству о состоянии корпусов, осмотренных мною на марше в последние три дня. Они почти в совершенном разброде. Только четвертая часть солдат остается при знаменах; прочие идут сами по себе разными направлениями, стараясь сыскать пропитание и избавиться от службы, все думают только о Смоленске, где надеются отдохнуть. В последние дни многие солдаты побросали патроны и ружья»[8].

Когда постоянно атакуемый русскими наполеоновский арьергард подошел к Смоленску, это было уже не войско, а стадо. Ней потерял 8 тыс. из своих 18 тыс. солдат! На фоне всеобщего разброда хоро-

шо выглядели лишь Старая и Молодая гвардии, лучше снабжаемые, а поэтому сохранившие выправку и дисциплину. Наконец 9 ноября на горизонте показался Смоленск! Все было забыто — усталость, страдания, тревоги! Солдаты подняли голову, в глазах заблестели надежда и нетерпение: вот он, Смоленск, земля обетованная!..

* * *

Увы, это был только мираж! В наполовину разрушенном городе провизия и водка были строго рационированы. Наполеон писал Марии-Луизе:

«*Смоленск, 11 ноября 1812 г.*

Мой добрый друг, ты видишь, что мы приблизились друг к другу на много шагов... Погода стоит холодная, 4 — 5 градусов, земля покрыта снегом, мое здоровье хорошо; я думаю о тебе. Посчитал бы счастьем тебя скоро увидеть, не сомневайся в этом, потому что я тебя нежно люблю. Обними моего сына.

Н.»[9]

Наконец-то единственный раз, сообщал Даву своей жене, он выспался под крышей. Но если Даву, он же герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский и маршал Франции, еще нашел какое-то пропитание и ночлег, то офицерам и солдатам оставались лишь улица, ледяной холод, голод и смерть. И тогда отчаявшиеся, восставшие против своей судьбы, но не против командиров, они бросились грабить лавки и склады. «За одни сутки были уничтожены запасы, рассчитанные на несколько месяцев; их разорили — и стали подыхать с голода...» (Фезензак). Солдаты думали провести в Смо-

ленске зиму — но это была лишь остановка в пути, их пытка продолжалась еще 40 дней.

Мороз достигал 14 градусов, когда с 14 по 17 ноября войска четырьмя эшелонами вышли из Смоленска и пошли «по старой, худшей дороге на Красный и Оршу» — «по самому плохому пути»[10], как выразился Толстой. Во время трехдневного сражения у Красного Наполеон потерял 5 тыс. убитыми и ранеными, не считая тысяч пленных, а также брошенных орудий и обоза. Армейские корпуса таяли на глазах: «Император вошел в Оршу с 6 тыс. гвардейцев — из бывших 35 тыс.! Евгений с 1800 солдатами из 42 тыс.! Даву с 4 тыс. бойцов, оставшихся от 70 тыс.!» (Сегюр).

* * *

Военный врач де Роос отмечал, что голод принял невероятные размеры. Французы ели внутренности животных. Почти всегда не хватало соли, а потом ее совсем не стало. Чаще всего ее заменяли ружейным порохом, но при варке он разлагался, так что поверху плавала пена из угля и серы, которую снимали. Селитра растворялась в супе, но селитряный раствор был едким, горьким и неприятным на вкус; он вызывал жажду и понос. Пришлось обходиться без соли. Вместо сливочного масла, найти которое не было никакой возможности, использовали животный жир, а иногда и сальную свечу!..[11]

Этот же военный медик видел, как солдат раскроил голову своему товарищу из-за куска хлеба. Однажды ночью у Рооса увели лошадь, однако ординарец в качестве компенсации принес ему мешок с едой, который тоже где-то своровал. Де Роос уве-

рял, что при отходе из Москвы в его полку насчитывалось только 8 офицеров, 9 унтеров и 16 стрелков, то есть всего 33 человека!.. Он же подсчитал, что у полка польских гусар осталось лишь... 20 лошадей! Перейдя через Днепр, он увидел на одном месте более 300 трупов, замерзших рядом с так и не разгоревшимися костерками из веток. А ведь все это происходило только 8 ноября! Врач был поражен количеством людей с воспаленными, разъеденными дымом костров глазами. С посохами в руках, похожие на нищих, они плелись, держась за своих товарищей. Желая покончить с беспорядком, вызванным немыслимыми страданиями и лишениями, император приказал, чтобы каждый вернулся в строй, иначе он прикажет лишить командиров их званий, а солдат — жизни!..

Продвижение вперед осложнялось постоянными налетами войск Кутузова. Узнав о взятии Минска, где оказались захваченными 4700 больных, военное снаряжение и два миллиона продуктовых пайков, Наполеон собрал совет в Орше и предложил такой план: оставить минскую линию операций, пройтись по «выступу» войск Витгенштейна и добраться до Вильно, обойдя верхнее течение Березины. Генерал Жомини выдвинул серьезные возражения: в это время года и при таком положении армии, говорил он в частности, переход на другую дорогу вызовет ее полную гибель — она растеряется на боковых путях, в гуще пустых и болотистых лесов. Только движение по большой дороге может сохранить хоть какую-нибудь сплоченность армии. Город Борисов и расположенный там мост через Березину были еще свободны, и надо было их достичь! Император согласился с этим доводом, приказал Жомини вы-

ступить вперед, а генералу Эгле — идти с восемью ротами саперов и понтонеров готовить переправу через Березину.

Положение отступающей армии было столь отчаянным, что генерал Воронцов говорил в те дни: «Не думаю, чтобы чудовище [Наполеон] смогло избежать смерти или пленения». Однако русский генералиссимус Кутузов не искал сражения и ограничивался малыми вылазками — «такой великой еще оставалась слава императора», — предполагает Сегюр. Эту мысль подтверждают следующие слова Клаузевица: «Решающей помощью Наполеону стала слава его армий. Он жил в те дни за счет капитала, накопленного на протяжении долгих лет. Витгенштейн и Чичагов боялись его самого, его армию, его Гвардию, так же как Кутузов испугался его у Красного. Никому не хотелось быть разбитым Наполеоном!..».

* * *

Окруженная болотами и густыми лесами Березина представляла собой серьезное препятствие даже для идущей в полном порядке и хорошо снаряженной армии — и стала непреодолимым барьером для истощенных, измученных холодом, голодом и болезнями войск. Через эту реку шириной от 60 до 100 метров и максимальной глубиной 2,3 метра был только один мост в Борисове, но русские войска адмирала Чичагова заняли этот город. Обманув его внимание, французы стали строить два свайных моста у Студенки. «Надо признать, что мы оказались в плачевном положении», — откровенно писал Наполеон графу Дарю. Он был настолько в этом убеж-

ден, что приказал сжечь знамена с орлами и некоторые донесения своих министров.

Лейтенант Тома Легле из 1-го швейцарского полка корпуса Удино отмечал в своих *«Воспоминаниях»*: «Мы прибыли на место, откуда удобнее всего было наблюдать за подходом войск из Москвы. Нашим глазам открылась жалкая картина. Невозможно было узнать армию, которая еще несколько месяцев тому назад приводила в трепет Европу и была великолепно всем снабжена. Мундиры стали почти неразличимы; люди шли босиком и без оружия, замотанные в шкуры; лица у всех были ужасно худы. Из-за действия мороза многие стали походить на негров. Все рода войск смешались. Некоторые солдаты еще несли свои обмотанные тряпками ружья... Самая злая карикатура не смогла бы передать эту картину. Короче говоря, перо отказывается описать эту сцену... Мы стояли там, оторопевшие, и не верили своим глазам...».

26 ноября под наблюдением Наполеона 9300 солдат Удино в образцовом порядке переправились через правый мост, предназначенный для пешего и конного войска, однако мост для артиллерии и обоза провалился, и саперам пришлось ночью его восстанавливать. 27, 28 и утром 29-го числа под звуки флейт и барабанов другие корпуса переходили реку.

Иногда между отрядами, шедшими организованно, и разрозненными группами, пытавшимися проложить себе дорогу силой, возникали страшные стычки. Если бы эти люди послушались приказа и преодолели мосты в течение первых трех дней, они, возможно, остались бы в живых, но примерно 10 тыс. задержались на левом берегу до последнего момента и

были перебиты или взяты в плен русскими. Остатки «Великой армии» медленно пошли к Вильно, страдая от доходившего до 30 градусов мороза, истощения и постоянных атак противника.

Саперы генерала Эбле показывали чудеса храбрости и самоотверженности: стоя иногда по плечи в ледяной воде, они день и ночь работали и в буквальном смысле пожертвовали своими жизнями, чтобы спасти «Великую армию». Военный врач де Роос пять раз тщетно пытался переправиться через реку. Он попал в плен к русским, а затем описывал в своих *«Мемуарах»*, как, напирая друг на друга, все лезли на мост. Очень трудно передать смятение толпы, страстное желание перебежать, прорваться. Раздавались крики, был беспорядок, дикость тех, кто во что бы то ни стало хотел опередить других. Багажные повозки, пушки, экипажи, фургоны, коляски безнадежно теснили друг друга; колеса и оси ломались; со всех сторон летели вопли и проклятия на всех языках Европы; пехотинцы били прикладами направо и налево; всадники размахивали саблями; ездовые со свистом вращали кнутами. Слышны были отчаянные крики детей и женщин. В этой немыслимой свалке люди теряли товарищей. Де Роос вдруг увидел вокруг незнакомых людей с искаженными отчаянием лицами, старавшихся спастись бегством. И все это время русские ядра продолжали делать свое дело...[12]

Из рассказов об этой одиссее приведем еще одно свидетельство — хирурга из Вюртемберга Губера:

«Мы находились недалеко от моста, через который должны были перейти. Рядом со мной была красивая 25-летняя женщина, вдова французского полковника, убитого за несколько дней до этого в

бою. Безразличная ко всему, что происходило вокруг нее, она сосредоточила свое внимание на дочери, прелестном ребенке 4 лет, девочка сидела впереди на лошади. Несколько раз женщина тщетно пыталась пробиться к мосту — ее все время отталкивали. Тупая безнадежность, казалось, ею овладела; она не плакала; ее глаза то обращались к небу, то на ребенка, и в один из моментов я расслышал ее слова: «Господи, как я несчастна, я даже не могу помолиться!» Почти сразу же вслед за этим одна пуля поразила лошадь, а другая раздробила левое бедро женщины выше колена. Со спокойствием тихого отчаяния она несколько раз поцеловала свое плачущее дитя, а потом удушила бедного ребенка снятой с разбитой ноги и пропитанной кровью повязкой. Затем крепко прижала его к груди и опустилась рядом с убитым конем. Не издавая ни звука, она ждала смерти и вскоре была раздавлена конями напиравших на мост солдат...»[13].

При переходе в таких тяжелых условиях через Березину швейцарцы отличились своей храбростью и самоотверженностью, вызвав восхищение Клаузевица[14].

* * *

4 декабря французские армии прибыли в Сморгонь. Наполеон немедленно созвал генералов и сообщил им полученную 6 ноября поразительную новость, державшуюся до поры до времени в секрете: о заговоре генерала Мале, его попытке государственного переворота, аресте и казни. На вопрос, является ли присутствие императора в Париже необходимым, чтобы поддержать там порядок, набрать новые войска, припугнуть Англию, Испанию и не-

скольких союзников, полководцы единодушно ответили, что возвращение императора в Париж есть «неоспоримая необходимость». Наполеон доверил верховное командование Его Величеству Мюрату, королю Неаполитанскому, назначив Бертье начальником штаба.

5 декабря Наполеон в санях отправился во Францию. Стоял страшный мороз. Императора сопровождали 30 конных егерей Гвардии в покрытых инеем латах, в темно-зеленых плащах, усы их превратились в сосульки. Санями, запряженными шестеркой лошадей, правил капитан Вонсович, по сторонам ехали польские гвардейские уланы; конные пикейщики ехали впереди повозки императора, рядом с ним сидел Коленкур. Затем шел эскорт, а за ним во второй повозке — Дюрок и Лобау; наконец, в третьей были Лефевр-Деноет, барон Файн и слуги. Барабанщик Гвардии пробил «поход», как будто давал сигнал к погребению...

* * *

Страдая от холода и голода, одетые в лохмотья остатки «Великой армии» направлялись к Вильно. Небо над ними было по-прежнему серым или черным! Дни длились семь часов, а ночи — семнадцать! Отчаяние овладело солдатами. Смерть была повсюду. Крупные склады захватили русские. Люди ели сырую конину. «Те, у кого руки были поморожены, становились на колени и, как хищные звери, зубами вгрызались в мясо...» (Мадлен). «Один из моих друзей, капитан Шедор, отморозил ноги, — писал очевидец. — Когда он пришел в Смоленск и стал разматывать на ногах тряпки и шкуры, у него

отвалились три пальца...». Маркитантка Мамаша Дюбуа хотела дать ребенку грудь, но она замерзла и была твердой, как деревяшка.

С мертвых, а иногда и с умирающих срывали одежду и обувь! Жозеф де Местр вошел вместе с казаками в дом, за два дня до этого покинутый французами. Он писал: «Я обнаружил там более 50 трупов и 3 — 4 живых человека, раздетых до рубахи, и это на 15-градусном морозе...».

Обещанный рай оборачивался адом! Казаки вылетали из леса, стреляли, рубили — и исчезали, оставляя убитых и раненых французов, умолявших товарищей из жалости прикончить их. Лошади, орудия, повозки давили валявшиеся на дорогах и присыпанные снегом трупы. Не было времени проявлять человечность, поднимать упавших — надо было идти и идти вперед!.. Несмотря на эгоизм и грубость, даже жестокость, являвшуюся фатальным следствием подобных страданий, можно было видеть трогательные сцены: офицеры отдавали своим солдатам последний кусок хлеба, последний глоток водки, здоровые солдаты поддерживали своего умирающего капитана. И никогда не было слышно ни одного слова оскорбления по адресу начальников — солдаты уважали и любили разделявших с ними тяготы командиров.

9 декабря 1812 г. уцелевшие добрались до Вильно. Бертье писал: «Этот день оказался самым тяжелым... Герцог Беллуно [Виктор] явился в одиночестве, оставленный своим замерзшим арьергардом. Артиллерия исчезла, так как не было лошадей. Все было потеряно... У ездовых поморожены руки. Государь, я должен сказать Вам всю правду: армия

полностью разгромлена; солдаты бросают ружья, потому что не в силах их держать... *Государь, армии больше не существует!..»*. Голодные, изнуренные, находившиеся в полубессознательном состоянии люди набрасывались на склады продовольствия и винные подвалы и грабили их. Очевидец утверждал, что вокруг пустых бочек находили до 50 трупов! Казалось, что командиров более не существовало...

Из Вильно толпа потянулась к Неману. Ее постоянно трепали войска Кутузова, «вдохновителя всех национальных сил». В овраге у Понари фургоны с армейской казной, штабными бумагами и трофеями застряли у крутого обледеневшего подъема. Изнуренные лошади скользили и падали — и тут появились казаки. Тогда солдаты бросились на повозки, вскрыли мешки, взломали денежные ящики, набили золотыми монетами свои карманы, узлы, сделанные из платков, и шапки.

В Ковно Мюрат сообщил маршалам, что передает командование Евгению Богарне и покидает армию. Он сказал такие резкие слова о Наполеоне, что возмущенный Даву жестко ему ответил, предупреждая, что императору все станет известно. Заявивший в Вильно: «Я не попадусь в этот мешок», король Неаполитанский прыгнул в карету и помчался через Германию и Австрию в столицу подаренного ему Наполеоном Неаполитанского королевства!..

Но конца страданиям еще не было видно. Раненые и умирающие лежали на дорогах посреди трупов. На них нападали стаи из 10 — 15 волков. В редких госпиталях больные лежали прямо на полу без одеял и даже соломенных подстилок! Орда, в которую превра-

тилась «Великая армия», оставляла после себя неисчислимое количество пленных. Один из офицеров, граф Монтравель, был приведен в Москву вместе с другими военнопленными. В декабре 1813 г. он описал, как жили в маленькой деревне: он, его стрелок, крестьянин и его жена, старуха и ребенок, пять ягнят и овцы, три теленка, 25 кур, два кролика, кошка и кобыла, что составляло в целом шесть человек и 42 животных!

Разгневанные русские крестьяне жестоко относились к французам, дворяне же очень гостеприимно и щедро встречали больных и пленных врагов.

Перейдя через Неман, генерал Фезенсак писал, что он пересекал реку в обратном направлении при свете луны, вспоминая блеск солнца и страшную грозу, сопровождавшую начало злосчастного вторжения. Ее уже более не существовало — блестящей, неисчислимой и грозной армии, не умещавшейся когда-то на этих равнинах и берегах и в дерзостной гордости собравшейся вершить судьбы мира. Ее более не существовало! Битвы уничтожили ее; над ней пронесся северный шквал — а может быть, глас Божий...

12 декабря 1812 г. те, что остались от «Великой армии», всего около 40 тыс. человек, не считая фланговых корпусов Шварценберга, Ренье и Макдональда, наконец-то пересекли русскую границу. Армия оставила за собой более 300 тыс. убитых, раненых или пленных[15].

* * *

11 декабря 1812 г. Александр I и его штаб встретились с Кутузовым в Вильно. Основываясь на тенденциозных или необъективных докладах, он обви-

нил Кутузова в том, что тот не уничтожил неприятельскую армию у Березины, но, желая соблюсти приличия, все же пожаловал ему орден Св.Георгия 1-й степени. Кутузов не заслужил упреков, он полностью заработал награду: его целью было освобождение России с наименьшими потерями, а не взятие в плен солдат, которых он не смог бы прокормить. «Я хотел прийти к границе с достаточным количеством войск... Я не дам и одного русского солдата за десять неприятельских», — любил он повторять. Некоторые из его высказываний, удивлявших в то время, показали впоследствии, как далеко и правильно он видел.

Вскоре между государем и его фельдмаршалом возникло непримиримое противоречие: Александр мечтал стать судьей, спасителем, ангелом-хранителем обескровленной Европы; он хотел продолжить кампанию за русскими границами, тогда как Кутузов считал задачу русской армии выполненной.

Борис Муравьев писал по этому поводу: «Кутузов противился продолжению войны. Он, в частности, сказал генералу Вильсону, военному атташе Англии, и многим офицерам своего штаба, что, начавшись на Немане, война должна закончиться на берегах этой реки и прекратиться, как только русская земля будет очищена от последнего вражеского солдата. «Зачем, — говорил он, — проливать русскую кровь ради спасения Европы? Пусть она сама себя спасает, своими собственными средствами!.. Падение Наполеона будет, кстати, более выгодно Англии, нежели России!..». По его мнению, России следовало держаться на равном расстоянии между

Наполеоном, хозяином Европы, и Англией, хозяйкой морей»[16].

Постепенно царь освобождал больного и терявшего силы Кутузова от его обязанностей, передавая их другим генералам. В 1813 г. 68-летний фельдмаршал умер в Бунцлау, в Силезии. Некоторые завистливые русские генералы презирали его, называли *медлительным, неповоротливым.* В действительности он был отличным стратегом, умелым тактиком, человеком проницательным, хитрым, настойчивым, обладал несокрушимым хладнокровием. Он блестяще проявил себя на службе Родине.

* * *

18 декабря, за четверть часа до полуночи, Наполеон вместе с Коленкуром прибыл в Тюильри, проехав через Варшаву, Дрезден, Веймар и... под Триумфальной аркой в самом Париже. Он признавался: «Пережитый мною разгром ужасен, это удар по моей славе. Но он же послужит укреплению моей династии. Я сравниваю его с бурей, потрясшей дерево до корней, отчего оно только сильнее цепляется за землю, из которой его невозможно выдернуть». В *29-м бюллетене «Великой армии»* монарх честно признавался в поражении, но заканчивался бюллетень изумившими всех словами: «*Здоровье его Величества никогда не было лучшим!..*»[17]. Увы, этого нельзя было сказать о его войсках, потому что «после других войн разыскивали убитых, а после русского похода — тех, кто выжил...» (Альбер Сорель).

* * *

Что чувствовали по отношению друг к другу Наполеон и Александр во время этой беспощадной войны? Каковы были их планы, недостатки, ошибки?.. Постараемся беспристрастно ответить на эти вопросы.

Как мы знаем, со времени первой встречи их отношения изменились. Тильзитские нежности уже не возобновились в Эрфурте. Положение усугублялось разрушительными последствиями для России континентальной блокады, противоположными интересами императоров в Польше и Турции, их непримиримыми честолюбивыми устремлениями. Во многих случаях Наполеон обращался с Россией скорее как с вассалом, а не как с союзником и выказывал гордую уверенность в победе над ней. В апреле 1812 г. он произнес во дворце Тюильри в присутствии графа Луи де Нарбонна такие слова, что тот, придя домой, первым делом занес их на бумагу. Император провозгласил себя наследником римских цезарей, в особенности Диоклетиана, и всего древнего Рима. Судьба направляла его против варваров; Фатум заставлял играть роль, принадлежавшую когда-то самым знаменитым цезарям; римский император вставал войной на вождя русских варваров, у него не было никаких сомнений в исходе борьбы; он упомянул также Александра Македонского и сказал о завоевании Индии. Через поверженную Россию он бросится на Азию и сумеет выполнить предназначенное судьбою...

В конце июня Наполеон сказал в Вильно посланцу царя генералу Балашову: «*Я не могу не одержать верх!*.. Чего вы пытаетесь добиться этой вой-

ной? Потери ваших польских провинций? Если вы продолжите войну, вы ее непременно проиграете... Царь станет причиной окончательного падения короля прусского!..».

Вплоть до июля 1812 г. Наполеон исключал возможность длительной «русской кампании», будучи убежденным, что «второй польской войны» хватит, чтобы вынудить царя заключить мир. Он даже сказал Бертье: «*Через два месяца русские будут у моих ног!..*». Он уверял Коленкура: «Одной победы будет достаточно, чтобы царь приполз ко мне, как в Тильзите. Крупные помещики против него восстанут; я освобожу крепостных...» — и некоторое время спустя говорил ему же: «Мой брат Александр испугался. Передвижения моих войск обратили русских в бегство...».

Наполеон настолько верил в свою звезду, в армию, он одержал столько блестящих побед, что недооценил оказавшиеся практически непреодолимыми трудности похода в Россию.

* * *

Императорский план кампании по-разному оценивается в многочисленных комментариях[18]. Вот мнение Клаузевица. До сих пор планы всех войн Наполеона были таковы: разбить и уничтожить армии противника, завладеть его столицей, загнать правительство в самый глухой уголок страны и при первых признаках паники получить мир. Но именно это не получилось в России! Более того, Наполеон допустил ошибку, сделав ставку на слабость характера царя, на растущие противоречия между Александром

и его генералами и высокопоставленными гражданскими чинами.

Недооценив суровость русской зимы, Наполеон открыл военные действия лишь в начале лета, опоздав на шесть недель. Он пробыл месяц в Вильно, «совершив самую большую ошибку в своей жизни», считал участник тех событий, впоследствии военный теоретик и историк генерал Жомини. Клаузевиц пишет, что император потерял 32 дня в Москве, тем более что провел там три вечера за разработкой положения о... театре «Комеди-Франсез»! Неужели у него тогда не было более важных и срочных дел? «Все пошло плохо, потому что я слишком долго оставался в Москве, — скажет Наполеон Коленкуру. — Если бы я вышел из нее через четыре дня, как и наметил, увидев пожар, Россия бы погибла...».

Наполеон пришел в Москву со 100 тыс. солдат, тогда как, по оценке Клаузевица, ему надо было иметь вдвое больше. Это кажется верным — но только теоретически! Что стало бы с 200 тыс. человек после пожара? Где бы они нашли провиант? Чем бы стали жить? Смог бы Наполеон провести зиму в Москве со своими войсками? Было ли достаточно пригодных для жилья квартир, госпиталей, лекарств? Мнения на этот счет расходятся. Многие считали, что продовольствия и фуража хватило бы армии на всю зиму. Такого же мнения придерживался и интендант Дарю, однако это вызывает сильные сомнения.

«Великая армия» была интернациональной: в ее рядах шагали поляки, итальянцы, неаполитанцы, хорваты, бельгийцы, швейцарцы, баварцы, саксонцы, вюртембержцы, баденцы, северные немцы, голландцы. Не забудем также о вспомогательных авст-

рийском и прусском корпусах и о нескольких тысячах испанцев, ненавидевших Францию, а больше всего — ее монарха. И это французская армия? Нет, это было сборище солдат разных национальностей, говоривших на разных языках, имевших разные религии, привычки и традиции. Ходячая Вавилонская башня, да и только!

Кроме того, большинство командовавших армиями прославленных маршалов и генералов не одобряли войну на краю света. Они, конечно же, предпочитали мирно наслаждаться почестями и золотом, которыми их щедро осыпал Бонапарт, впоследствии Наполеон I. Наполеон считал, что со взятием Москвы война закончится. Он недооценил энергию и упорство царя.

Вскоре после вступления в Москву Наполеон направил царю письмо, заканчивавшееся словами:

«Я воевал против Вашего Величества без враждебности. Одно Ваше слово до или после большого сражения остановило бы мой поход, и я даже принес бы Вам в жертву выгоды вступления в Москву. Если Ваше Величество еще сохранило остатки прежних чувств ко мне, то Оно благосклонно прочтет это письмо. Во всяком случае, Оно может быть мне только благодарно за сообщение о происходящем в Москве...»[19].

Царь не ответил, ведь он уже сказал полковнику Мишо: «Мира с Наполеоном не будет! Он или я! Я или он!» Это письмо царь дал прочесть графу Левенхельму, шведскому послу, и проинформировал о нем наследного принца Бернадота, прибавив: «В нем — одно пустое хвастовство».

Бернар, выдающийся историк, профессор Бельгийской королевской военной школы, пи-

сал: «В 1812 году планы Наполеона слишком намного опережали технические возможности того времени. Он посчитал, что сможет командовать армиями, уже в начальный период войны растянутыми на 600 километров, тогда как ни средства связи, ни транспорт не позволяли свершиться этому чуду... Как он мог надеяться на разрешение, в условиях России, проблемы снабжения продовольствием такого количества войск, передвигавшихся по нищей, разоренной стране?..»[20].

Задача была непосильной. Конечно, обладая большим организаторским талантом, Наполеон многое сделал. Зная, что он не сможет прожить за счет завоеванной страны, он вернулся к старому способу снабжения продовольственными обозами. Впечатляющее количество таких обозов было действительно собрано. Наполеон надеялся так их организовать, чтобы они не замедляли ход военных операций. За армией должны были следовать стада скота. Перейдя Неман, император распорядился запастись мукой, сухарями, рисом, овощами и водкой на 20 дней. За это время, как ему казалось, он успеет разгромить силы царя... Двадцать дней! Как он ошибся!..

В чем же состоят главные причины неудачи похода в Россию? Постараемся кратко их сформулировать:

1. Чрезмерная самонадеянность Наполеона, составившего стратегический план кампании без учета горького опыта Карла XII.

2. Незнание России и ее ресурсов. Могла ли Россия хоть частично прокормить армию в 400 тыс.

солдат и многие сотни тысяч лошадей, если даже 20 тыс. шведов Карла XII не нашли там достаточного пропитания?

3. Неоднородность «Великой армии», в которую входили даже отряды враждебных Франции стран, оккупированных войсками Наполеона.

4. Недостаток продовольствия, фуража, перевязочных средств, медикаментов и т.д.;

5. Недостаток зимнего снаряжения войск и кавалерии.

6. Позднее вступление в центральную часть России.

7. Невосполнимые потери личного состава в Бородинском сражении.

8. Потеря времени в Вильно и Москве.

9. Сильные морозы во время отступления.

10. Плохое состояние дорог, мостов и т.д.

Следует особо выделить еще две важные причины: самоотверженность русских войск и личность Александра. «Великая армия» была разрозненна, та ее часть, которая была насильно мобилизована, лишь делала вид, что сражается, тогда как войска Александра были сплочены и готовы положить жизнь за «батюшку-царя».

Несмотря на бездарность некоторых командиров, их грызню и интриги, плохую организацию, недостаток военного снаряжения (все это уже было отмечено в кампаниях 1805 — 1807 гг.), русская армия проявила чудеса храбрости, упорства и выносливости. Наполеон имел все основания сказать Чернышеву: «Я знаю, что ваша армия настолько же красива внешне, насколько и храбра...». Меттерних, слывший наиболее информированным в военной области дипломатом, ошибся, когда писал

в письме министру Сен-Жюльену в мае 1812 г.: «Россия обречена. Ее армия — не выполнит подобной задачи...».

Русские священники внушали солдатам, что Наполеон — тот самый Антихрист, гибель которого, по Апокалипсису, придется на 1812 г. (?). Они обещали райское блаженство павшим за освобождение Родины. При приближении «врага рода человеческого» дворяне сжигали свои поместья, священники — церкви; мужики предавали огню избы и поля, разоряли сады, забивали скот. Пылали амбары, захватчику не оставлялось ни капли молока, ни куска мяса, ни колоска ржи! Воодушевленные чувством патриотизма, верой, исполненные таинством русской души, солдаты не раздумывая жертвовали жизнью, умирали на позициях, около своих орудий с криком: *«Да здравствует царь! Да здравствует наш батюшка!»*.

Вплоть до июня 1812 г. Александр казался робким, нерешительным, скрытным, неспособным взвалить на свои плечи тяжелые задачи по ведению войны и гражданскому управлению. И вдруг после вторжения иноземцев в страну он полностью преобразился: нерешительность сменилась уверенностью, отвлеченный мыслитель стал человеком действия; у него появились храбрость, упорство; он показал себя человеком твердым, энергичным, работоспособным, непреклонным и чрезвычайно последовательным в осуществлении своих замыслов. Этот поворот был вызван в нем не ненавистью к Франции, а неприязнью к императору французов, желанием победить в смертельной схватке, честолюбием — но также и любовью к России, которую он хотел видеть свободной и независимой.

Мы постарались с наиболее возможной точностью рассказать о самых важных событиях военного похода, про который Толстой сказал, что никогда еще, с тех пор как существует мир, ни одна война не велась в таких ужасных условиях...[21] Мы объективно изложили допущенные в этой войне ошибки. Но встает новый вопрос: можно ли было в 1812 г. выиграть войну с Россией, столкнувшись с ее расстояниями, с климатом, малым числом городов, деревень и жителей, с плохим состоянием дорог, тогдашними средствами транспорта, а также с патриотизмом русских и тактикой их войск? По нашему мнению, победа была маловероятна. Скорее всего, эта война была опасной авантюрой или просто-напросто безумной затеей.

Глава 10

ФРАНЦУЗСКАЯ КАМПАНИЯ (1812 — 1814 гг.)

Я не заключу мир, пока Наполеон будет оставаться на троне...

Александр I — Р.С.Каслри,
февраль 1814 г.

Плохие новости из России сменялись в Париже рассказами о победах и продвижении «Великой армии». Неожиданно *«Монитор»* напечатал *29-й бюллетень «Великой армии»*, где прямо говорилось о сотнях тысяч убитых и взятых в плен! «Летучие листки *«Монитора»* молнией поразили Францию», — писал маршал Удино.

Роялисты и враги Наполеона уже рассчитывали на его скорое падение, как вдруг, через три дня после опубликования бюллетеня, все узнали о возвращении императора в Париж. Город оцепенел, но вскоре присутствие Наполеона успокоило умы, вернуло надежду и отвагу народу — настолько великим, несмотря на поражение, оставался его авторитет. «Эффект был изумительным», — писал Коленкур, верный соратник, которому вновь поверивший в свою звезду Наполеон сказал: «Все решится в три месяца!..». Г-жа де Куани, ярая противница «чудовища», с досадой отмечала в своем *«Дневнике»* спустя всего четыре недели после воз-

вращения императора: «Возмущение стихло... Поход в Россию почти совершенно забыт!..».

* * *

В России после горя, вызванного сдачей и пожаром Москвы, вести о поражениях и отступлении захватчиков вызвали невообразимую радость и воодушевление. Победу отдавали не «генералу-морозу», а царю, командующим армиями, всем воинам. Благодаря им победитель Европы и его многоязыкая армия были одолены: *«чудовище» было укрощено, «корсиканский Антихрист» изгнан!*

Что царю следовало делать дальше? Последовать советам осторожного Кутузова, канцлера Румянцева и пойти навстречу желанию большинства русского народа — быстро заключить мир в обмен на присоединение к России Польши и Восточной Пруссии? Нет! Александру показалось мало спасения Родины: он захотел стать «освободителем Европы» и «благодетелем человечества», как уже называли его ближайшие соратники Штейн и Поццо ди Борго, всеми силами убеждавшие продолжать победный поход. Царь определил свои цели: захватить Париж, с помощью союзных держав низвергнуть Наполеона. Он провозгласил: «Народам и королям напоминаем мы об их долге и интересах... Воспользовавшись нашими победами, мы протянем руку помощи угнетенным народам...»[1].

Еще в 1804 г. Александр говорил послу Новосильцеву, что он не гневается на французский народ, а «единственно на его правительство». Правда, Румянцев, как верный хозяйский пес, прибавлял к этому: «Францию должно вернуть в ее естествен-

ные границы, заключенные между Пиренеями, Альпами, Рейном и Шельдой; надо вырвать из-под ее господства как можно больше стран — ибо Россия от Бога получила наказ освободить и умиротворить Европу...».

* * *

Какую позицию занимали европейские страны? Англия — страна, оказавшая значительную финансовую помощь России в прошедшей войне, собиралась оставаться непримиримым противником Наполеона до тех пор, пока тот не снимет блокаду и не освободит Голландию и Бельгию. Частично избавленная от оккупации Испания оставалась чрезвычайно враждебно настроенной против Франции. Австрия намеревалась вернуть независимость и сохранить владения в Польше; она не хотела допустить расширения России за счет Турции.

Во время русской кампании Вена не переставала в строжайшей тайне поддерживать отношения с Англией и царем. Когда Наполеон направил из Дрездена императору Францу просьбу довести до 60 тыс. численность австрийского корпуса, обещая уже весной «блистательный реванш» Франции, Меттерних встревожился. Он несколько раз направлял своих эмиссаров к французскому государю с целью дать понять, что Австрия готова выступить посредником между воюющими сторонами. Он намекал, что такое посредничество возможно лишь в том случае, если сама Австрия будет освобождена от обязательств по союзному договору и вновь обретет независимость.

Что же касается друга царя, Фридриха-Вильгельма Прусского, то он боялся и ненавидел Наполеона. Он писал Александру, что они снова «должны стать союзниками», и послал к нему секретного агента генерала Кнезебека. Прусский король находился в сложном положении, потому что подданные упрекали его за союз с Наполеоном, впрочем незаслуженно, ведь мы знаем, что этот союз был Пруссии навязан. То же самое происходило и в других германских государствах, за исключением Саксонии.

А как вела себя Швеция? Пообещав «стать в скором времени освободителем Германии», Бернадот затих. Он страстно желал гибели Наполеона — и не хотел ссориться с Францией, трон которой мечтал занять. Попав в двусмысленное положение, Его Королевское Высочество, наследный принц Швеции, с тревогой следил за развитием событий...

В Голландии, так же как и в Германии, *29-й бюллетень* читали с восторгом и воодушевлением, увидев в Александре освободителя. В Италии, из боязни расправ, ликование было сдержанным: люди проявляли радость, тихо повторяя в полутьме церквей появившийся на стене одного из римских домов каламбур: *Di Mosca, masca!* (О Москве — тсс!..). Едва успев вернуться в Неаполь, Мюрат связался с Меттернихом, что, возможно, говорило о его желании перейти на сторону неприятеля. Про Бельгию и Швейцарию можно сказать, что они горячо желали вернуть свою независимость.

Таковы были намерения, надежды и опасения европейских государств после кампании 1812 г. Но Наполеон, представьте себе, был убежден в верно-

сти всех своих союзников! Он твердо считал, что менее чем через год возьмет реванш!..

* * *

31 декабря 1812 г. Россия и Пруссия подписали в Тауроггене секретную конвенцию, по которой около 18 тыс. вернувшихся из России пруссаков должны были выйти из состава «Великой армии». Два месяца спустя союз между царем и королем Пруссии был закреплен в Калише; создавалась новая коалиция против Франции.

После занятия Варшавы в феврале 1813 г. и триумфального вступления в Берлин месяц спустя Александр вместе со своим штабом прибыл 15 марта в Бреслау. Там он встретился с Фридрихом-Вильгельмом, и с этой минуты король более с царем не расставался. Тем временем Наполеон успел сформировать армию и одержал победы при Люцене и Бауцене (2 и 20 мая 1813 г.) над русскими и прусскими войсками.

По предложению императора Австрии в Плесвице было подписано перемирие. Тогда же Александр провел в Трахенберге встречу с Бернадотом, высадившимся в Северной Германии во главе 20-тысячного шведского отряда. Союзники по коалиции использовали перемирие для усиления и реорганизации своих армий и заключения договоров с Англией, обязавшейся оплатить их военные расходы. Высокие договаривающиеся стороны должны были действовать в согласии и взаимно обязались не вести сепаратных переговоров с общим врагом и заключить мир, перемирие или какой-либо договор не иначе как с общего согласия. Надеясь достичь хоть

какого-нибудь взаимопонимания с Александром, Наполеон направил к нему Коленкура, но царь не принял бывшего посла.

Летом 1813 г. союзники провели в Праге Конгресс, на котором обсуждались условия мира, а именно: 1)ликвидация Великого герцогства Варшавского и раздел Польши между тремя северными державами; 2) восстановление Пруссии по возможности в границах 1805 г.; 3) возвращение Австрии иллирийских областей; 4) возвращение ганзейских городов; 5) роспуск Рейнского союза. Конгресс, на котором Франция была представлена Коленкуром и Нарбонном, окончился безрезультатно. Через два дня после его закрытия Австрия объявила войну Наполеону.

Какими силами располагали в этот момент противники? У коалиции было три армии в Германии: Северная под началом Бернадота, насчитывавшая 130 тыс. русских, шведов и пруссаков, она стояла на Хавеле; Силезская под командованием Блюхера из 200 тыс. русских и пруссаков, расположенная по Одеру, и Богемская под началом Шварценберга, в которую входили 130 тыс. русских и австрийцев, стоявших лагерем вокруг Праги, всего около 460 тыс. солдат. Армия Наполеона имела в своем составе 30 тыс. солдат Даву, занимавших Гамбург, 70 тыс. человек Удино, находившихся в Виттемберге, и 180 тыс. под непосредственным командованием императора, сосредоточенных между Дрезденом и Лигницем[2]. В августе французские войска разбили в Дрезденском сражении Богемскую армию, потерявшую 40 тыс. солдат и 200 орудий. Однако три дня спустя русские нанесли поражение Вандаму под Кульмом. Обрадованный царь горстями разда-

вал кресты и прочие награды. Вскоре маршалы Франции Макдональд, Удино и Ней в свою очередь потерпели неудачи.

С 16 по 19 октября 1813 г. сократившаяся до 160 тыс. французская армия противостояла под Лейпцигом примерно 300 тыс. солдат коалиции при 1200 орудиях. Верховное командование союзниками осуществлял Шварценберг. Наполеону не помогли ни его военный гений, ни храбрость солдат: он проиграл «битву народов». Александр проявил в эти тяжелые дни храбрость и твердость. 21-го числа он писал Голицыну: «Всемогущий Бог дал нам блестящую победу в четырехдневном сражении над пресловутым Наполеоном... 27 генералов, около 300 пушек и 37 тысяч солдат захвачено, и мы уже в двух переходах от Франкфурта-на-Майне! Вы догадываетесь о том, что происходит в моем сердце!..»[3].

Во время отступления мосты через Эльстер оказались взорванными, поэтому в плен попали еще 30 тыс. французских солдат и было взято 150 пушек. Теперь оказавшегося в одиночестве Наполеона преследовали уже на левом берегу Рейна армии России, Австрии, Саксонии, Пруссии, Баварии, Вюртемберга и Гессен-Дармштадта!

* * *

Вскоре военные действия были перенесены на территорию Франции: началась французская кампания. Из Фрейбурга (в Брисгау) царь обратился с воззванием к своим войскам:

«Неприятели, вступая в середину Царства Нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели за оное

страшную казнь. — Гнев Божий покарал их. Не уподобимся им: человеколюбивому Богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство. — Забудем дела их; понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку. Слава Россиянина, низвергать ополченного врага, и по исторжении из рук его оружия, благодетельствовать ему и мирным его собратиям»[4].

Наполеон энергично сопротивлялся противнику, хотя его дивизии таяли как снег. Он сумел разбить русский авангард у Сан-Дидье и Блюхера при Бриенне. Несмотря на поражение у Труа 1 февраля 1814 г., он еще раз сокрушил баварцев и русских при Мормане, вюртембержцев при Монтеро, отряд пруссаков у Мери. Но хотя император Австрии и король Пруссии склонялись к миру, Александр призывал союзников идти на Париж, угрожая в случае отказа устремиться туда с одной русской армией. Каслри, опасавшийся главенства России в Европе, писал лорду Ливерпулу, что самое опасное сейчас — это рыцарское настроение царя. Кажется, он хочет войти в Париж во главе своей армии, чтобы насладиться контрастом между своим великодушием и жестокостью тех, кто опустошил его собственную столицу!..

Шатильонский конгресс не дал никакого результата. «Как, оставить Францию меньшей, чем я ее получил? Никогда!» — писал Наполеон. В марте 1814 г. Англия, Россия, Австрия и Пруссия подписали союзный Шомонский трактат, направленный на поддержание мира и взаимную защиту государств. Они обязались использовать все имевшиеся средства для энергичного продолжения войны и должны были действовать в полном согласии. Анг-

лия предоставила 5 миллионов фунтов стерлингов. Соглашение не предусматривало создания постоянного оборонительного союза, ограничиваясь сроком в 20 лет. По настоянию Англии соглашение было направлено против Франции и европейских владений, исключая, таким образом, колонии. Союзники обязались не заключать никаких сепаратных договоров с Францией.

Царь, устав смотреть на то, как поодиночке бьют то Блюхера, то Силезскую армию, предложил объединить силы Блюхера и Шварценберга (200 тыс. человек). 3 марта 1200 французских солдат капитулировали в Суассоне, открыв таким образом дорогу на Париж и поставив крест на планах Наполеона. Несколько дней спустя под Ланом Блюхер взял реванш за прошлые неудачи. 24-го числа Военный совет союзников по коалиции, прошедший под председательством царя, принял решение прорываться к Парижу. 10 тыс. кавалеристов были направлены в сторону Сан-Дидье, чтобы обмануть противника и задержать французские войска. Хитрость удалась, и союзники подошли к воротам Парижа.

29 марта, повинуясь письменным указаниям Наполеона, правительница Франции императрица Мария-Луиза покинула столицу вместе с Римским королем, г-жой Летицией*, королевой Вестфальской, Камбасересом, министрами и фрейлинами. За ними следовали фургоны с драгоценностями, столовым серебром, позолоченной посудой и 32 бочонками с золотом — но все эти сокровища были захвачены союзниками. Наполеон прибыл в Труа с Гвардией,

---

* Летиция Бонапарт — мать Наполеона. — *Прим. ред.*

прошедшей единым махом 60 километров. Слишком поздно!.. 30-го Мортье и Мармон еще защищали Париж, но в конце дня капитуляция была подписана и императорские войска покинули столицу. Наполеон узнал об этом в Жювизи несколько часов спустя.

* * *

31 марта 1814 г. в 10 часов утра под свинцово-серым небом Александр I триумфально въехал в Париж на белом коне во главе 80 тыс. русских, немецких и австрийских солдат; рядом с ним были король Пруссии и князь Шварценберг. Жители предместий в тот день говорили тихо и улыбались горько. На окраинах, в кварталах бедноты, была заметна подлинная скорбь. Но по мере того, как колонна продвигалась к площади Мадлен в центре города, характер встречи менялся. Послушаем же рассказ нескольких свидетелей событий. Жильбер Стенже писал:

«Толпа бросалась чуть ли не под ноги лошадей, приветствуя монархов как *«освободителей»*... Самые бурные проявления чувств достались на долю императора Александра. Он улыбался толпе, выглядывавшим из окон молодым женщинам, махал им рукою... Прочие участники кортежа казались равнодушными к этому взрыву безумия, оставляя всю славу царю, ведь он вел самые многочисленные армии и более всех пострадал от наполеоновских войн... Мы увидели, как молодая и красивая графиня де Перигор с белым флагом в руке села на лошадь к какому-то казаку и последовала вместе с колонной»[5].

В этот же день в Париже было опубликовано заявление царя:

«Войска Союзных Держав заняли столицу Франции.

Союзные Государи приемлют желания Французской нации.

Они объявляют:

Что если для обуздания честолюбия Бонапарта необходимо было постановить в условиях мира твердейшие ручательства; то ныне условия сии должны быть благоприятнейшие, когда Франция, готовая возвратиться к Правительству мудрому, представит сама себя залогом спокойствия.

Посему Союзные Монархи объявляют, что Они не будут более иметь дела с Наполеоном Бонапарте, ниже с кем-либо из его фамилии; что Они признают целость древней Франции, в том виде, как она была при законных ее Королях; что Они могут даже больше сделать, поелику они всегда основывают на том правиле, что для счастья Европы нужно, чтобы Франция была велика и сильна, и что Они готовы признать и гарантировать ту конституцию, которую дает себе Французская нация.

Вследствие сего Они приглашают Сенат назначить временное Правительство, которое бы имело попечение об управлении Государства и составило бы конституцию, приличную Французскому народу.

Все Мною здесь объявленное совершенно согласно с мыслями и намерениями других Союзных Государей.

Александр
Нессельроде»[6].

В Париже из-под полы продавалась карикатура, изображавшая карету с гербом, где Александр сидел на месте кучера, герцог Веллингтон правил за форейтора, король Прусский шел сзади в костюме охотника, а император Австрии покойно располагался внутри экипажа; Наполеон же, с непокрытой головой, без шпаги, эполет и орденов, вцепившись в дверцу, говорил своему тестю Францу I:

— Они выкинули меня наружу!

— А меня впихнули внутрь! — отвечал тот.

Из-за угрозы заговора (скорее всего, выдуманной Талейраном) царь остановился у *«Хромого дьявола»* и лишь затем расположился в Елисейском дворце.

Англичанин, находившийся в это время в Париже, так описал увиденное им: «Улица Сент-Оноре выглядела совершенно необычно: по ней одновременно прогуливались немцы, русские и азиаты, прибывшие от Великой Китайской стены, с берегов Каспийского или Черного морей. Это были казаки в одежде из овчины, с длинными пиками, рыжими пышными бородами и перекинутыми через шею маленькими хлыстами, называемыми *кнут*; калмыки и другие татарские племена, с плоскими носами, маленькими глазами и бурым цветом лица; башкиры и тунгусы из Сибири, вооруженные луками и стрелами; черкесские вожди, рожденные у подножия Кавказа, с головы до ног в блестящих стальных кольчугах и в остроконечных шлемах, точь-в-точь таких, что носили в Англии в XII и XIII веках... Многие русские офицеры едва вышли из юношеского возраста; их стан туго затягивал ремень, подложенная грудь стояла колесом, длинные волосы в беспорядке спускались до плеч. Русские повозки с

веревочной упряжью, двигавшиеся посреди этой толпы, управлялись длиннобородыми возницами в темном платье и в плоских шляпах с маленькими полями. Таким был, например, экипаж генерала Сакена, генерал-губернатора Парижа...».

На Пасху торжественная служба была проведена на площади Согласия, там, где 25 лет тому назад казнили Людовика XVI. Александр писал: «Для моего сердца это был торжественный, волнующий и ужасный момент. Вот, — говорил я сам себе, — вот я привел, по непостижимой воле Провидения, моих православных воинов, чтобы обратить к Господу наши общие молитвы в столице иноземцев, которые совсем недавно напали на Россию, и на том самом месте, где король пал жертвой народной ярости!.. Наша духовная победа полностью осуществилась!..».

1 апреля призрачный Сенат (64 члена присутствовало, а 76 отсутствовало!) избрал в Париже временное правительство. Вечером Александр был на представлении *«Весталки»*, во время которого Талейран организовал овацию в его честь. Женщины с восторгом его приветствовали:

Славься, славься, Александр,
Государей Государь!
Ничего у нас не взяв,
Свой закон не навязав,
Этот князь великий, он
Будет трижды восхвален:
Как король, и как святой
Нам король им возвращен!

Автор *«Марсельезы»* Руже де Лилль посвятил царю такие посредственные стихи:

Героем века будь и гордостью Творенья!
Наказаны тиран и те, что зло несут!
Народу Франции дай радость избавленья,
Верни Бурбонам трон, а лилиям — красу!

Сенат проголосовал за низложение императора, хотя утром того же дня его приветствовала Гвардия. Наполеон отдавал последние распоряжения, намереваясь атаковать неприятеля. На следующее утро на параде войск в Фонтенбло он обратился к солдатам со страстной речью, в которой обвинял царя в отказе от мирных предложений и в том, что он разрешил эмигрантам носить белую кокарду с лилиями. Наполеон закончил речь такими словами: «Вскоре я нападу на царя в самом Париже. Я рассчитываю на вас!..». Ответом ему было молчание. Удивленный Наполеон спросил: «Я прав?..». Тогда солдаты закричали: *«Да здравствует император! На Париж! На Париж!..»*. Эта многозначительная заминка была, без сомнения, вызвана двумя обращениями руководимого Талейраном (князем Беневентским милостью императора) правительства. В том, которое касалось армии, говорилось, что они более не являются солдатами Наполеона. Сенат и вся Франция освобождают их от данной ему присяги...

В пространном обращении к народу, скорее походившем на призыв к мести, побежденному великану ставилось в вину, кроме всего прочего, что он «никогда не прекращал вести несправедливые войны без цели и без причин, как желающий прославиться авантюрист». В несколько лет он «сожрал богатство и население страны...».

4 апреля в Фонтенбло солдаты снова приветствовали императора и кричали: *«На Париж!»*. Но маршалы уже не разделяли этого энтузиазма. По их мнению, оставался единственный выход: отречение Наполеона в пользу сына и регентство Марии-Луизы. Удино и Ней заявили об этом с такой решимостью, что император взял лист бумаги и подписал акт отречения, оговорив два условия: признание Наполеона II и регентство императрицы.

По приказу Наполеона Коленкур и три генерала отправились к Александру I в особняк Талейрана, чтобы сказать ему об отречении. Царь ответил: «Я совершенно не настаиваю на правлении Бурбонов, я их не знаю. Я доведу Ваши предложения до сведения моих союзников и поддержу их. Мне тоже не терпится с этим покончить...». Он уверил Коленкура, что все будет сделано, чтобы смягчить участь такого великого и несчастного человека, он даже готов сердечно принять его в своих владениях. На следующий день, 5 апреля, незадолго до того, как царь должен был дать ответ, уполномоченные узнали, что армейский корпус Мармона перешел к врагу... 6-го числа Наполеон подписал безоговорочное отречение «за себя и за своих детей». Сенаторы и депутаты «объявили Наполеона Бонапарта низложенным и свободно призвали на трон Людовика-Станислава-Ксавье Французского, брата последнего короля Франции...». Тем временем Коленкур, Ней и Макдональд продолжали переговоры с царем.

* * *

Достойно особого упоминания отношение Александра I к побежденному противнику и к Франции. Со времени похода на Россию и вплоть до падения Наполеона он смертельно ненавидел соперника, но, одержав победу, проявил к нему великодушие и заставил союзников принять очень мягкие условия для Наполеона (владение островом Эльба, ежегодная двухмиллионная пенсия, Гвардия из 50 солдат и т.д.), о которых очень сожалел Талейран, предлагавший ссылку на Азорские острова, подальше от Франции. Царь поручил своему адъютанту, генералу князю Шувалову, сопровождать Наполеона на остров Эльба и предупредил: «Я доверяю Вам ответственную миссию. Вы мне своей головой ответите, если хоть один волосок упадет с его головы!» Историк Брянчанинов писал по этому поводу следующее: «Царь хотел быть уверенным, что Наполеон действительно отправился в ссылку...»[7]. Создается впечатление, что Александр опасался дорожных происшествий, которые действительно произошли и поставили под угрозу жизнь свергнутого императора[8].

Принимая депутатов от Парижа, Александр заверил, что союзные армии будут вести себя безупречно по отношению к жителям; любое проявление насилия будет жестоко караться; безопасность города обеспечит Национальная гвардия; будет испрошено лишь необходимое количество продовольствия. Графиня де Буань рассказывала в своих *«Мемуарах»*, что косматые, добродушные и голодные казаки позволяли парижским ребятишкам влезать к ним на плечи. Однако из-за нехватки продовольствия некоторые кварталы, как и в Москве, были разграблены. Солдаты Семеновского полка не без труда

свалили наземь статую Наполеона, стоявшую на Вандомской площади.

Александр не испытывал никакой симпатии к роялистам. «Что мне Бурбоны?» — презрительно сказал он однажды генералу Жомини... Он называл их «неисправимыми» из-за слепой приверженности старому режиму. Роялисту, сказавшему: «Мы уже давно ждали Ваше Величество!», — он холодно ответил: «Я пришел бы раньше, если бы меня не задержала храбрость солдат Вашего императора!..» Александр охотно повторял: «Я не воюю с Францией... Я друг вашей страны... Я буду защищать свободу ваших либеральных установлений и сенатских дебатов...». Он произнес в Муниципальном собрании: «Я беру столицу под свою защиту. Я принес вам мир...». Встревоженный Талейран стал доказывать царю, что ни республика, ни регентство Марии-Луизы, ни воцарение Бернадота невозможны и только Бурбоны могут окончательно восстановить порядок и мир во Франции.

Вначале Людовик XVIII проявлял учтивость, но вскоре его поведение изменилось: по правилам этикета старого двора государям победивших стран (императору Австрии, царю, королю Пруссии) он указывал на стул, тогда как сам устраивался в кресле; он шел впереди них по залам и комнатам, восседал на почетном месте. Нессельроде уверял, что на обеде, данном в честь императора всея Руси, Людовик XVIII выбранил подававшего блюда слугу, сказав ему: «Сначала мне!..». В Компьене он предложил царю скромную комнату, проведя его перед этим по трем великолепным покоям, так что гость решил вернуться в Париж, едва встав из-за обеденного стола. Более того, будучи в Лондоне, Людовик

XVIII заявил, что после Бога следующим, кому он обязан троном, является регент Англии!..

Некоторые писатели того времени, в частности Беньо и Паскье, говорили, что ни один государь не проявил столько такта, проницательности и изящной любезности, сколько Людовик XVIII, и восхваляли его звучный голос, легкость и красоту речи, хотя Стенже уверяет, что это был всего лишь толстый неуклюжий человек, вечно прикованный к креслу. Детали его странного костюма не гармонировали одна с другой и вызывали мысль о маскараде: он носил строгую верхнюю одежду, красные гетры и шляпу с белыми перьями[9]. Этот же автор прибавлял, что Александр не часто посещал Бурбонов. Разница характеров исключала взаимную симпатию. И хотя Александр был опьянен своей мощью, он наталкивался у Людовика XVIII не только на еще большую гордыню, но и на претившую ему прямолинейность. Людовик постоянно давал понять царю, что считает себя выше его и по уму, и по древности рода...

Можно ли после этого удивляться, что царь отклонил предложение о браке своей сестры Анны с герцогом Беррийским и сказал г-же де Сталь: «Кто знает, может быть, я и раскаюсь в том, что восстановил Бурбонов на троне». В довершение всего Людовик XVIII не включил царя в число получивших большую ленту ордена Св. Духа.

Историк Валишевский утверждает, что в Париже «царь сыграл роль верховного арбитра, проявив такую возвышенность взглядов, взвешенность суждений и властность, каких у него никогда и близко не было в прошлом и кото-

рых он ни в каких обстоятельствах более не достигнет в будущем...»[10].

С видом человека очень скромного и простого, он посещал больницы, лечебницы для умалишенных, общественные заведения. (Злые языки утверждали, что после его посещений число женщин, сошедших с ума, увеличивалось!). На Вандомской площади царь полюбовался на статую Наполеона и сказал: «У меня закружилась бы голова, если бы меня поставили так высоко!..»[11]. Он был прост, добр, великодушен и очень набожен, казался приверженным идеям либерализма и свободы. Будучи в холодных отношениях с Тюильри, принимал у себя бонапартистов, защищал Коленкура, часто ездил в Мальмезон пофлиртовать с падчерицей Наполеона Гортензией. Вместе с многочисленной свитой присутствовал на похоронах первой жены Наполеона Жозефины.

Во время пребывания в Париже Александр получил буквально кучу стихотворных посланий, памятных записок и других произведений подобного рода, общим числом около 9 тыс.! Его благожелательная манера поведения завоевывала сердца. 23 июля 1814 г. Талейран писал графу де Ноайлю, послу Франции в России: «Александр проявил великодушие во Франции, где был принят как освободитель...».

«Восхищение французов царем было неописуемо, оно проявлялось во всем обществе, но особенно среди франкмасонов», — утверждал Михайловский. Казалось, царю в Париже выказывали больше симпатий, чем вновь обретенному королю... Французы были благодарны русскому государю за то, что он отказался от военной контрибуции Фран-

ции и не потребовал возврата художественных ценностей, вывезенных Наполеоном из других стран.

Солдаты в казармах подчинялись строгой дисциплине, их снабжение иногда оставляло желать лучшего, но русские офицеры, напротив, чувствовали себя как дома. В театрах под аплодисменты им пели:

Мне нравятся на здешних берегах
Солдаты храбрые России!..

Или еще:

Боже правый, сохрани
Александра на все дни,
На все дни, что светит солнце,
И его, и все потомство!..

Вы не находите, что от Бога требовали слишком много?

Выходя в 4 часа утра с великолепного бала, данного графиней де Роншероль, великий князь Константин признался, что он никогда так не веселился ни на одном из балов в России.

* * *

В ночь с 12 на 13 апреля, написав прощальное письмо жене, Наполеон попытался отравиться, но смерть его не брала. Через три дня Мария-Луиза, находившаяся в Рамбуйе с Орленком*, сообщила Бонапарту, что отец не позволяет ей приехать. Наполеон простился в

* Имеется в виду сын Наполеона. — *Прим. ред.*

Фонтенбло со своей Гвардией: «Прощайте, дети мои! Я хотел бы вас всех прижать к своему сердцу. Дайте же мне обнять хотя бы вашего генерала и ваше знамя!..». Он крепко обнял генерала Пети, поцеловал знамя первого гренадерского полка, на котором золотыми буквами было вышито: *Маренго... Аустерлиц... Йена... Эйлау... Фридланд... Ваграм... Вена... Берлин... Мадрид... Москова*[*] ... Москва...

И карета повезла того, кто был властелином мира, по направлению к острову Эльба.

---

[*] То есть Бородинское сражение. — *Прим. ред.*

Глава 11

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС (1814 — 1815 гг.)

Конгресс танцует, но не движется вперед...
И раз — и два, и раз — и два...

Принц де Линь

Венский конгресс — это отвратительный спектакль!..

Байрон

В Талейране было что-то от Мазарини, кардинала де Реца и Вольтера...

Альбер Сорель

К тому времени тревожные расхождения уже появились во мнениях победителей, особенно по вопросу о Польше, Саксонии и Рейнской области. Пытаясь прояснить ситуацию до начала Конгресса, предусмотренного первым Парижским договором от 30 мая 1814 г., принц-регент пригласил своих союзников в Лондон[1]. Александр и король Пруссии отправились в Англию с флотилией под командованием герцога де Кларанса. В Дувре царя встретили такими бурными проявлениями восторга, что оба государя предпочли добираться до Лондона инкогнито. В Сент-Джеймском дворце лорд-мэр обратился с хвалебной речью к «монарху, великому не столько своим высоким поло-

жением, сколько свойствами сердца, заключающего в себе все что только есть благородного, щедрого, доброго и справедливого...». Царь произнес ответную речь по-английски.

Александр попросил представить ему основных политических деятелей, живо интересовался работой Палат, но все же предпочитал вращаться в обществе, где больше заботились о балах и амурных приключениях, чем об утомительных переговорах. «Александр совершенно не понравился в Лондоне», — считал датский посол.

Создавалось впечатление, что властелин России не делал ни малейшего усилия для сближения его страны с Англией или хотя бы с ее руководителями. Последовало, естественно, серьезное охлаждение официальных отношений. Но Александр настолько понравился простым англичанам, что княгиня Ливен писала: «Я не преувеличиваю, говоря, что в парке и на улице, где находился отведенный царю особняк, всегда собиралось не менее 10 тыс. народа. В некоторые часы движение полностью прекращалось: все хотели *shake hand* с ним, он делал это с добродушным удовольствием — и тем очаровал *mob*[*]. У царя лицо, при взгляде на которое на сердце становится теплее и радостнее, — открытый лоб, ясные глаза, очаровательная улыбка, выражение доброты, мягкости, благорасположения ко всему и подлинно ангельской чистоты... Он высокого роста и осанку имеет очень благородную. Его манеры небезупречны; видно, особенно когда он нахо-

---

[*] Shake hand — поздороваться за руку, mob — толпа (англ.) — *Прим. пер.*

дится в светском салоне, что в них больше от элегантности молодого человека, чем от величия императора... Эта элегантность иногда даже кажется наигранной...».

В Англии для Александра устраивались блестящие празднества, балы, роскошные пиры, где присутствовали по 3 тыс. человек. Во время посещения Оксфордского университета ему присвоили звание доктора гражданского права.

Во дворце Палтни, на Пиккадилли, он был обрадован встречей со своей любимой сестрой Екатериной, вдовой принца Ольденбургского. Перед особняком устроили скамейки и беседки, откуда лондонские дамы могли вволю любоваться на Его Величество. И хотя царь встретил сердечный прием у регента, при дворе и в обществе, его отношение к правителю оставалось холодным. Причиной тому было признание сестры о непристойном поведении будущего короля Георга IV, однажды во время официального вечера без обиняков предложившего себя на место ее покойного мужа!.. С этого момента Александр благоволил лишь вигам, личным врагам регента. Однажды он во всеуслышание сказал о регенте: «Какой ничтожный человек!..».

На обратном пути в Санкт-Петербург царь посетил Нидерланды и Баден. После полуторагодичной разлуки жена встретила его в Брухсале. Она отказалась ехать в Париж, так объяснив своей матери: «Я была счастлива, если бы могла встретиться там только с членами королевской семьи и теми, кто всегда оставался ей преданным. Но ведь я окажусь в очень пестром обществе, среди людей, которых я презираю, и не смогу скрыть то, что во мне происходит. К тому же я опасаюсь предстать с моим ли-

цом (!) перед такой разношерстной, испорченной и любопытной парижской публикой...».

* * *

Царь провел два месяца в России, а затем в сопровождении короля Прусского прибыл 25 сентября в Вену на Конгресс. В столицу Австрии съезжалась блестящая и пестрая толпа — два императора, две императрицы, пять королей, одна королева, два наследных принца, три великих герцогини, три принца крови, 215 глав княжеских домов, 32 германских светлости и высочества! Прибавьте к этому придворных, военные штабы, генералов, дипломатов, советников, секретарей, хроникеров, писателей и писак, законных жен, официальных или случайных любовниц, авантюристов и дам легкого поведения, шпионов и шпиков, плутов и мошенников всех возрастов и состояний. Всего было 700 делегатов и около 100 тыс. гостей![2]

Высокий, красивый, элегантный Александр был слегка глуховат и немного близорук. Он носил плотно охватывавший талию военный мундир с очень высоким расшитым воротом, белые лосины и лаковые сапоги. Его сопровождали князь Андрей Разумовский, графы Нессельроде и Штакельберг, а также Поццо ди Борго, Каподистрия, поляк князь Адам Чарторыйский и пруссак барон Штейн — итого один настоящий русский из семи советников! Австрийского императора Франца I окружал штаб во главе с Меттернихом. Англия была, в частности, представлена лордом Каслри и его сводным братом Стюардом, которого венцы прозвали *лордом Пумперникелем (лорд Ржаной хлебец)*. Присутствова-

ли также государи Пруссии, Вюртемберга, Баварии, Дании...

Талейран, которого пригласили на закрытое заседание четырех держав-победительниц, с чрезвычайной ловкостью сумел настоять на участии Франции в дискуссии. Наконец, после многочисленных секретных встреч представителей великих держав, Конгресс открылся 3 ноября 1814 г. простым и скромным заседанием, разочаровавшим всеобщее любопытство. Дело происходило в Вене, поэтому, естественно, Меттерниху было поручено председательствовать на Конгрессе. Были назначены: комитет из представителей восьми главных держав Европы и десять специальных комиссий.

Ораторы сколько угодно могли говорить о своей решимости «восстановить общественный порядок», «установить прочный мир», «создать политическую систему Европы» — притязания главных действующих лиц уже определились. Александр I требовал себе бывшее наполеоновское герцогство Варшавское (все, что оставалось от несчастной Польши) и заявлял, что готов уступить некоторые польские земли Пруссии. В наставлениях, данных в августе 1814 г. Нессельроде, царь говорил: «Герцогство Варшавское есть мое завоевание у Империи Наполеона... Справедливость требует, чтобы мои подданные были вознаграждены за многие страдания и чтобы граница навсегда защитила их от бедствий нового нашествия...». Однажды, будучи в гостях у княгини Багратион, он воскликнул: «Польша принадлежит нам! Я от нее никогда не откажусь! Я займу ее с 20 тыс. солдат. И пусть попробуют меня оттуда выгнать!..».

Со своей стороны Пруссия требовала передачи ей всей Саксонии в соответствии с обещанием, данным Александром. Она держала в одной из крепостей саксонского короля, вина которого состояла в неизменной верности Наполеону, и уже считала себя хозяйкой прекрасной Саксонии. Александр употребил все свое влияние, чтобы поддержать требование союзника. 8 ноября 1814 г. князь Репнин, командующий русскими оккупационными войсками в Саксонии, передал эту страну прусским властям.

Польский и саксонский вопросы вызвали настолько ожесточенные дебаты, что под угрозой оказалось само проведение Конгресса. «В этот решающий момент царь вел себя нерешительно, хандрил, скрытничал, поддавался внезапным вспышкам гнева и произносил тусклые, путаные и сентиментальные речи»[3], — писал Никольсон.

Австрия, Англия и Франция, не желавшие удовлетворять притязания Александра и короля Прусского, пытались урезонить царя. Меттерних несколько раз встречался с ним, но затем Александр устроил ему жуткую сцену, обвинив в строптивости в выражениях настолько высокомерных и грубых, что даже по отношению к лакеям они показались бы чрезмерными, как утверждал Талейран. Целых три месяца после этого Его Величество не появлялся на праздниках и приемах у председателя Конгресса и даже не сказал ему ни слова! Прусский король тоже запретил своему первому министру общаться с Меттернихом. Напрасно Каслри послал царю три записки, в которых вежливо оспаривал его притязания на герцогство Варшавское: всякий раз он получал надменный и резкий ответ Его Величества.

Столкнувшись с несговорчивостью государей России и Пруссии, Австрия, Англия и Франция подписали 3 января 1815 г. секретный договор, предусматривавший возможность совместных действий, в том числе и военных; позднее они примут в этот союз Баварию, Ганновер и Нидерланды[4]. На следующий день торжествующий Талейран писал Людовику XVIII:

«Отныне коалиция (антифранцузская. — *Ред.*) распалась, и навсегда. Мало того что Франция уже не изолирована в Европе — Ваше Величество располагает теперь такой федеративной системой, что и пятидесяти лет не хватило бы в других условиях для ее создания. Она идет вместе с двумя другими самыми великими державами... Она воистину станет мозгом и душой этого союза, образованного для защиты впервые ею провозглашенных принципов!..»[5].

Один из очевидцев событий, некий Лагард, превозносил «непроницаемое выражение лица Талейрана, его умение молчать, хорошо отмеренную по обстоятельствам наглость... изящный блеск неистощимого воображения...». Шатобриан писал о нем с жестокой иронией: «На Талейрана вылили так много презрения, что он им пропитался насквозь и оно сочилось с уголков его отвислых губ». Ну а что же говорили про Меттерниха? Талейран называл его *«бледной поганкой»* а король Прусский любезно именовал *«прохвостом»*...

* * *

Если Меттерних, Талейран, Каслри и другие дипломаты энергично и много работали, хотя внеш-

не это не было заметно, остальная Вена веселилась напропалую: балы, приемы, празднества, парады, банкеты, спектакли беспрерывно следовали один за другим. Для парадов и прочих военных мероприятий в окрестностях города было расквартировано 20 тыс. отборных гренадеров, а 60 тыс. солдат размещено в образцовом лагере. «Военный праздник Мира оказался воинской обедней, отслуженной на открытом воздухе в Таборе, на левом берегу Рейна, — писала София Деруазен. — Тысячи свечей горели на солнце, арки из сплетенных листьев окружали императоров, королей и коленопреклоненные войска. Под перезвон всех колоколов Вены и пушечные залпы огромная толпа восторженно приветствовала шагавших рука об руку государей. Императриц встретили сотни одетых в белое девушек с корзинами цветов...»[6]. В постоянное распоряжение гостей было предоставлено 300 одинаковых колясок и 300 саней в сопровождении гонцов, которые бежали впереди, днем держа в руках трости с серебряным набалдашником, а вечером — зажженные факелы. В Хофбурге каждый день накрывали 40 столов.

Пока дипломаты бились над все более многочисленными протокольными трудностями, город смаковал забавные истории. Людвиг ван Бетховен, например, отказался дирижировать ста пианистами!.. Или еще: австрийский император преподнес царю необычный подарок — обученного каким-то дровосеком говорящего скворца, который кричал: *«Да здравствует Александр! Да здравствует Александр!»*. Восхищенный государь всея Руси по-царски наградил дрессировщика!

Через несколько недель после начала Конгресса царь, которому Эйнар Люллен приписал «манеры кабацкого красавчика», уже хвастался, что протанцевал целых 40 ночей. Государственная полиция вскрыла, прочитала и затем вновь искусно запечатала тысячи писем. Каждый день полицейские представляли доклады своему начальнику барону Хагеру, который передавал самые пикантные из них добродетельному императору Францу I[7]. Вот некоторые отрывки, касающиеся царя:

«Император перестал ходить на костюмированные балы, потому что некоторые не узнанные им маски, которых потом не смогли отыскать, отвесили ему очень нелестные комплименты...».

«На ужине у Карла Зиши Александр и графиня Врбна-Кагенек поспорили о том, кому требуется больше времени для одевания — мужчине или женщине. Для верности они заключили пари и пошли в комнаты раздеваться. Графиня Врбна выиграла пари...».

«На балу у графа Палффи царь, которому очень нравится графиня Секени-Гилфорд, сказал ей: «Ваш муж отсутствует. Было бы очень приятно временно занять его место». Графиня ответила: «Не принимает ли Ваше Величество меня за завоеванную область?..»».

«Княгиня Эстергази, муж которой был на охоте, получила от императора Александра записку, где сообщалось, что он проведет вечер у нее. Княгиня послала ему список дам, попросив вычеркнуть тех, кого он не хотел бы у нее встретить. Царь вычеркнул из списка всех... кроме нее!..».

Полиция перехватила любовное письмо царя к Луизе де Бетман, говорившее о его *р-ревности* и

заканчивавшееся невинным обманом: «Прощай, моя единственная любовь! Только чувство долга не позволяет мне прилететь в твои объятия и умереть в них от счастья!..». Александр «попеременно или одновременно ухаживал за графиней Зишu, княгиней Леопольдиной Эстергази, княгиней Ауэрсперг, графиней Секени и в особенности за двумя любовницами Меттерниха — герцогиней де Саган и княгиней Багратион...». Если над леди Каслри подсмеивались, говоря, что она носит орден Подвязки мужа в своей вечно растрепанной гриве волос, то княгиней Багратион восхищались, признавая, что она полностью заслуживает прозвище *«Обнаженный ангел»*. В полицейском донесении отмечалось: «Александр I спросил у княгини Багратион о Меттернихе: «Не видите ли Вы, что эта гипсовая маска не любит никого — ни Вас, ни герцогиню де Саган?..»». Однажды вечером, устав от суеты дня, княгиня сказала: «Мужья, мужья, сколько их уже было...». 6 ноября, пародируя ходившую тогда по Вене песенку, Талейран написал Людовику XVIII:

«Император России любит женщин, король Дании пьет, король Вюртемберга ест, король Пруссии думает, король Баварии говорит, а император Австрии платит!..». Талейран выразился точно: Франц I оплатил счет на сумму в 30 млн. флоринов. Один только стол обошелся императору в пустячок... 50 тыс. флоринов в день!..

* * *

Вечером 6 марта 1815 г. в Вене Меттерних давал бал, а в театре шло представление с участием всех божеств Олимпа и Парнаса, как вдруг сногсшиба-

тельная новость поразила и зрителей и самих богов: *«Наполеон сбежал с острова Эльба!.. Наполеон во Франции!..»*. Лагард-Шамбона отмечал в своих *«Мемуарах»*: «В доме Меттерниха эта новость изменила картину как по мановению волшебной палочки или по свистку театрального постановщика, превращающего сад Армиды в пустыню. Было впечатление, что разом погасли тысячи свечей, все до единой... Царь подошел к Талейрану: «Я же говорил Вам, что долго это не продлится». Князь остался бесстрастным и молча поклонился. Король Пруссии сделал знак герцогу Веллингтону, и оба вышли из бального зала. Александр, император Франц и г-н Меттерних сразу же ушли. Большинство приглашенных скрылось, исчезло. В гостиных остались лишь несколько испуганных говорунов...».

В последующие дни Поццо ди Борго говорил, что беглец «будет повешен на первом же суку». Был организован сбор денег по подписке для будущего убийцы «Буонапарте». 13-го числа державы приняли следующую декларацию, составленную Талейраном: «Разорвав соглашение, по которому местом пребывания ему был определен остров Эльба, Буонапарте разрушил единственное законное основание, которым было определено его существование... Он сам лишил себя защиты законов... Державы заявляют поэтому, что Наполеон Буонапарте поставил себя вне гражданских и общественных отношений и как враг и нарушитель спокойствия мира обрек себя на преследование со стороны всего общества...». 25 марта державы подписали новый договор против общего врага.

Внезапное появление Наполеона во Франции настолько ускорило работу Венского конгресса, что

уже 9 июня 1815 г. его Заключительный акт был парафирован семью из восьми держав, подписавших Парижский договор (Испания временно воздержалась), а потом и всеми остальными государствами, за исключением Святого Престола, Англии и Турции. «Повсюду, где только это было возможно, Конгресс восстановил старые порядки. Россия, Австрия, Италия постепенно вернулись к их прежнему состоянию с одной оговоркой, касавшейся главным образом Австрии, что в Европе отныне должны существовать лишь единые однородные государства...»[8] (Ж. Пиренн). Конгресс значительно расширил территорию Пруссии к западу и превратил ее в рейнскую державу, хозяйку всех крупных рек Германии; Пруссия получила Познанскую область, обещанную ей в соответствии с достигнутой в Калише договоренностью с Россией. Россия обогатилась приобретением Финляндии, однако часть Галиции, отданная ей в 1809 г., была возвращена Австрии, от которой в свою очередь были отрезаны бельгийские провинции взамен территориальных приобретений в Италии и Далмации.

Одержав победы у Линьи над пруссаками и при Катр-Бра над англичанами, Наполеон был сломлен численным превосходством противника в битве при Ватерлоо, подписал второе отречение и 17 октября 1815 г. сошел на берег острова Св. Елены.

* * *

После Ватерлоо, где союзники победили без участия русских войск, надо было заключить новый договор с Францией. Пруссия требовала себе Эльзас и Лотарингию, долину Саара, Фландрию, Бур-

гундию, Франш-Конте, а также компенсацию за ущерб от военных действий в размере одного миллиарда двухсот миллионов франков! Поццо ди Борго, посол Александра во Франции, писал Нессельроде: «Прусские генералы (в первую очередь Блюхер) проявляют (в Париже) жестокость, доходящую до открытой мести. Они дают почувствовать свой гнет сверх дозволенных осторожностью пределов. Они злоупотребляют победой...» (9 июля 1815 г.). «Расчленение Франции, эксплуатация (!), грабеж, неоправданная жестокость и злоупотребления силой принимают все более пугающие размеры. Пруссия встала во главе этой новой революции...»[9].

Александр вел себя «политично и великодушно, действуя как прямотой и простотой, так и энергией и ловкостью» (Альбер Сорель). Он собственноручно составил помеченную 7 июля 1815 г. ноту, объявлявшую расчленение Франции несовместимым с равновесием в Европе: «Нельзя обращаться с Францией как с врагом. Державы не могут осуществлять там право завоевателей...».

23 сентября 1815 г. Людовик XVIII обратился за поддержкой к царю и, желая его умилостивить, заменил Талейрана, занимавшего посты председателя правительства и министра иностранных дел, герцогом Ришелье, другом Александра I, который был в течение 12 лет губернатором Одессы. В конце концов 20 ноября 1815 г. второй Парижский договор был подписан Францией и четырьмя союзными державами. По сравнению с договором 1814 г. условия были более жесткими: укрепленные гарнизоны на Уазе, Сааре, в Вогезах и на Ду передавались союзникам; им выплачивалась контрибуция в 700 миллионов франков; содержавшаяся за счет Фран-

ции 150-тысячная союзная армия занимала крепости на северо-востоке страны. Договор устанавливал новый порядок коллективного принятия решений: конгрессы должны были собираться всякий раз, когда возникнет вопрос, представляющий взаимный интерес.

Царь сумел умерить требования победителей: выплата ущерба была снижена с 800 до 700 миллионов, а максимальный срок оккупации — с семи до пяти лет. В тот же день в Вене был образован четверной альянс. Англия, Австрия, Пруссия и Россия обязались «сохранять постоянное единство для обеспечения установленного в Европе порядка в соответствии с недавно принятыми протоколами и для принятия дипломатических и военных мер, необходимость которых будет продиктована обстоятельствами».

Граф Молле позднее писал: «В 1815 г. Россия защищала, выступая одна против всех, не только интересы, но и само существование Франции. Тому, что Франция осталась Францией, она обязана трем людям, имена которых никогда не должна забывать: Александр и два его министра — Каподистрия и Поццо ди Борго... Россия рассматривала нас как своего естественного союзника и как лучшую опору в споре с Англией за владычество над миром...»[10].

И наоборот, Гарольд Никольсон сурово осудил поведение царя. Он писал: «Из всех монархов Александр считал себя единственным выразителем, единственным сторонником принципов христианского либерализма. Он был слишком неустойчивой личностью, чтобы суметь навязать свою волю. Непостоянство его натуры проявилось так отчетливо,

что окружающие уже и не пытались совместить черты отцеубийцы (??) и святого, неврастеника и героя, самодержца и освободителя, пророка и сладострастника, обманщика и апостола... Тщеславие, вялость, слабость и какая-то детская тяга к двойственности затуманивали его мозг...»[11].

Согласитесь, что это похоже не на мнение непредвзятого историка, а скорее на страстную обвинительную речь генерального прокурора!..

Глава 12

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ И КОНГРЕССЫ (1815 — 1822 гг.)

Я слишком близко видел войну. Я от нее устал...

Александр I, 1815 г.

25 мая 1815 г. Александр покинул Вену и отправился навстречу своим войскам в Гейльбронн (Вюртемберг). 4 июня в скромной комнате постоялого двора он читал на сон грядущий Библию и остановился на следующих словах из Апокалипсиса: *«И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце...»*. И как раз в этот момент государю доложили, что какая-то женщина самым настойчивым образом просит ее срочно принять, ибо дело не терпит ни малейшего отлагательства! Увидев в этом знак Всевышнего, Александр попросил ввести незнакомку. Вошла маленькая и некрасивая женщина примерно 50 лет, «облеченная» совсем не «в солнце», а в очень простое платье и с накладными волосами. Ни секунды не раздумывая и без тени сомнения она сказала царю: «Из всех народов и государей я славлю Вас как избранника Божиего!..». Она стала призывать на него благословение Божие с таким азартом, что Александр не выдержал, встал рядом с ней на колени и они стали вместе

молиться. Когда женщина осторожно спросила, не злоупотребляет ли она его вниманием, он ответил: «Нет, сударыня, продолжайте! Ваши слова музыкой звучат в моей душе!..».

Прибывшая была баронессой де Крюденер, она родилась в Риге в 1764 г. и была дочерью крупного землевладельца и сенатора Империи. При жизни мужа, бывшего на 20 лет старше ее, она несчетное количество раз наставляла ему рога[1]. В 1803 г. написала роман *«Валерия»* о сентиментальной и порочной любви. Хорошо разрекламированный, он имел шумный успех. Правда, Наполеон сказал своему библиотекарю: «Посоветуйте этой сумасшедшей впредь писать свои романы по-русски или по-немецки, дабы мы были избавлены от этой невыносимой литературы!..». Впоследствии писательница отомстила ему, предсказав, что «содержание корсиканского людоеда на острове Эльба, так близко от континента, будет пагубным для Европы...». Вслед за телом она стала с щедростью раздавать и свой голос, выдавая себя за ворожею и прорицательницу, прониклась пиетизмом и возглавила целую секту новообращенных. Она искренне верила в Бога, хотя и повторяла: «Во всем требуется чуточку шарлатанства!».

Узнав, что царь был подвержен припадкам мистицизма, она засыпала фрейлину царицы г-жу Стурдза письмами евангельско-пророческого содержания, в которых называла Александра I «избранником Божиим», «победителем Змия», «живым предисловием к Священной истории, которое возродит мир и разделит трапезу с агнцем ради счастья священного племени, дорогого Всевышнему...». Последнее имя длинновато, вы не находите?

«Победитель Змия» прочитал все эти бредни, но отказался принять их автора. Пифия ничуть не была этим смущена и отправилась вслед за штабом русской армии по Европе. Такой была «жена, облеченная в солнце», которую «живое предисловие к Священной истории» встретило в комнате на постоялом дворе в Гейльбронне...

28 июня 1815 г. царь вернулся в Париж, куда 14 июля прибыла и баронесса со своей компанией. В стене, отделявшей сад Елисейского дворца от особняка Монשеню (предместье Сент-Оноре, 36), где она проживала, был устроен проход. По вечерам Александр отправлялся к прорицательнице на ее собрания. «Брат мой во Христе, — говорила она, встречая царя, — благодарю Вас за то, что Вы пришли. Помолимся же! Помолимся за то, чтобы милосердие Божие было с нами!». Однажды Александр пригласил Меттерниха отобедать с ним и г-жой де Крюденер. На столе стояло четыре прибора. Указывая на четвертый, царь сказал: «Он для Господа нашего Иисуса Христа!».

Знатные гости посещали салон ворожеи: королева Гортензия, герцог Ришелье, герцогини Бурбон и Дюра, Шатобриан, Бенджамен Констан, мадам Рекамье, барон Штейн и другие.

10 сентября Александр I устроил грандиозный парад своих войск в долине под вещим названием Добродетель (de Vertus) около города Шалон-на-Марне. На параде присутствовали император Австрийский, король Прусский, многочисленные генералы союзных армий. Восемь алтарей было воздвигнуто на равнине, перед ними русская армия развернула свои ряды. Роль жрицы, по всей видимости, была сыграна г-жой де Крюденер, одетой в простое платье из синей сар-

жи и соломенную шляпку, как пишет французский писатель Сент-Бев. Александр в ее лице якобы принимал посланницу небес, показывал ей свои армии. Воздев руки в благословляющем порыве, баронесса как пророчица прошла перед алтарями в сопровождении своих служек и *своего* императора. С беспокойством короли и иностранные генералы смотрели на этот спектакль. Тотчас же по окончании странного военного парада царь признался жрице: «Это был самый прекрасный день в моей жизни. Мое сердце было полно любви к врагам!..».

Константин де Грюнвальд оспаривает правдивость рассказа Сент-Бева, справедливо называя его небылицей. Г-жа де Крюденер действительно присутствовала — но не более того — на параде, затерявшись в толпе приглашенных вместе со своей компаньонкой, некой г-жой Арманд. Случилось так, что поломка кареты задержала их на целый час. «Мы пешком пробрались, — писала она, — на покатую горку, где нам были назначены места рядом с палаткой императора». Солдаты же и вовсе не ведали о ее присутствии.

Через 20 дней Александр написал в одном из писем, отправленных из Брюсселя: «Наконец-то я вдали от этого проклятого Парижа!..». Между ним и г-жой де Крюденер произошел полный разрыв, правда, по неясным причинам. Царь говорил в те дни: «Возможно, что у нее добрые намерения, но сколько же непоправимого вреда она нанесла...» Какого вреда? Мы об этом не знаем. Может быть, Александр дознался, что она написала одной из подруг: «Я знаю каждую мелочь, скажу больше — почти каждую мысль царя...»? Как бы там ни было,

9 591

в 1821 г. г-жа де Крюденер приехала в Санкт-Петербург вместе с двумя другими прорицательницами, г-жами Татариновой и Кревер, чтобы проповедовать «католическую, но не римского обряда» религию. Она покинула город летом 1822 г., однако продолжала переписываться с царем. Три года спустя она умерла[2].

В один из осенних дней 1815 г. Александр имел продолжительный конфиденциальный разговор с императором Австрии по поводу проекта создания Священного союза государей. Франц, очень удивленный этой идеей, показал текст, «собственноручно написанный» царем, Меттерниху, который изучил его и передал королю Пруссии. Министр оценивал «это предприятие как если не опасное, то по крайней мере бесполезное».

Каслри говорил о проекте как о документе «в высшей степени мистическом и глупом». Меттерних с иронией сказал, что это «простая декларация библейских принципов, которая отбросила бы Англию во времена Святых отцов, Кромвеля и Круглоголовых...». Он долго разговаривал с царем и «взялся внести хоть какое-то содержание в этот гулкий и пустой остов», как он сам признавался. Он преобразовал теократическую мечту о мистическом покровительстве в систему союзов, которая должна была противодействовать попыткам пересмотра договоров 1815 г. Царь согласился исключить или изменить некоторые места — и превратился из хозяина Священного союза[3] в слугу австрийской политики, как отмечал Краковский.

По форме этот пакт был новинкой, однако идея о мирном содружестве всех христианских народов

возникла очень давно. Кстати говоря, сам царь в 1804 г. проповедовал идею всеобщего мира. После окончательного поражения Наполеона он заявил 19 августа 1816 г. австрийскому послу Лебцельтерну: «Я никогда не начну войну, если меня не спровоцируют, и никогда не буду вести ее в личных интересах, особенно если она нанесет ущерб интересам или правам моих братьев... государей».

Пакт, о котором французский историк Буркен говорил, что он был «смесью политики и мистицизма, тактики и веры», представляется нам искренним шагом убежденного христианина, а не ловкой и коварной проделкой победителя. Можно ли говорить о том, что Александр отказался от всякой надежды осуществить свои планы в отношении Турции? Его личность так сложна, что мы не возьмем на себя смелость это утверждать. А может, он хотел быть лишь вдохновителем, вождем Союза, договор о котором должны были по его, православного царя, настоянию подписать император-католик и король-протестант?..

Грюнвальд писал, что, ограничивая сферу действия «Священного союза христианским миром, царь, возможно, лелеял тайную мечту разрушить Оттоманскую империю...»[4].

Историки, глубоко изучавшие Акт, пришли к противоречивым заключениям. В глазах Ж. Пиренна, Священный союз был «просто алтарем для русской политики; царь попытался приблизиться к государству типа Соединенных Штатов и заменить четверной альянс мировым альянсом»[5]. Грюнвальд опровергает такой подход. Как и Буркен, он считает, что усердие, с которым русский государь работал над созданием Священного союза, было вызва-

но «искренним порывом». Александр был «истинным рыцарем Священного союза, его вдохновителем, творцом, а возможно, и единственным убежденным защитником»[6]. Буркен писал: «Царь считал Наполеона Антихристом, а спасителем, который восстановит на земле царство Божие, будет «человек с севера», как предсказал Иова, следовательно, он и есть Избранник Божий!..»[7].

* * *

Австрия, Пруссия, Франция, Норвегия, Испания, Пьемонт, Королевство обеих Сицилий, Нидерланды, Дания, Саксония, Бавария, Вюртемберг и Португалия, затем Швейцария и малые германские государства присоединились к Союзу. Однако Папская область, Англия, Америка и Порта по разным причинам отказались поставить под пактом свою подпись: Его Святейшество — из-за того, что католицизм несовместим с надконфессиональным христианством, которое проповедовал царь; король Англии — в силу своей конституционной неправомочности; султан — потому что видел в пакте призыв к новому крестовому походу.

Стремясь положить конец пересудам и слухам, участники Союза опубликовали Акт в начале 1816 г. Позднее Меттерних оценил его как «ничтожную болтовню», «гору бессмыслиц», «гулкий и пустой остов», а Генц — как «политическую недействительность». Вопреки тому, что думают некоторые историки, г-жа де Крюденер не выдумала и не писала Акт. Еще в 1804 г. Александр I говорил о нем Питту, а в 1812 г. в Вильно — графине Тизенгауз. Черпая вдохновение в *«Проекте постоянного ми-*

ра» аббата Сен-Пьера и в *«Гении христианства»* Шатобриана, царь сам написал проект договора, хотя, несомненно, он испытал на себе влияние пиетизма, а в течение некоторого времени — и баронессы-предсказательницы[8].

* * *

Через несколько дней после опубликования Акта Александр выехал из Парижа в Польшу. Генерал Данилевский отмечал в своем *«Дневнике»*, что по дороге из Цюриха в Базель император много шел пешком, восхищался богатством страны, часто заходил в дома крестьян. Из Берлина, где он пробыл до 8 ноября 1815 г., царь направился в Варшаву, столицу его нового царства Польского. Он торжественно въехал в город в польском мундире в сопровождении местной знати и генералов. Толпа приветствовала его продолжительными возгласами: *«Да здравствует Александр I! Да здравствует наш король!»*. На следующий день после большого бала у князя Чарторыйского хозяйка дома записала в своем *«Дневнике»*: «Все это показалось мне сном. Польша существует. Я видела короля Польши, одетого в национальный мундир и с польскими орденами. *У меня есть Родина, и я оставлю ее моим детям...»*.

Появлявшийся повсюду только в этой форме царь многое делал, чтобы завоевать сердца своих новых подданных. Он предоставил им широкую автономию и объявил амнистию. Он снял арест с конфискованного имущества, раздавал награды, должности, титулы, пенсии, денежные пособия и создал новый польский двор. Он был

любезен со всеми. Но как он ни старался, полностью достичь своих целей ему не удалось, ибо многие поляки требовали возвращения Литвы и других областей, захваченных русскими, которых, в общем-то, не очень любили.

С нетерпением ожидалось назначение вице-короля в соответствии с новой конституционной хартией[9]. Одно имя явно выделялось: князь Адам Чарторыйский, искренний патриот, замечательный дипломат, человек высокообразованный, осторожный, честный, бескорыстный, преданный — и к тому же друг царя. Накануне отъезда из Варшавы Александр вызвал Чарторыйского. «Было около двух часов ночи, — рассказывал генерал Михайловский, — когда князь быстро вышел из кабинета императора и, явно взволнованный, стал бегать по комнате из угла в угол. Я стоял около двери вместе с князем Волконским и статс-секретарем Марченко, но он не обратил на нас никакого внимания и даже не поприветствовал. Казалось, он потерял разум из-за нанесенной его самолюбию раны...». Князь только что узнал от царя, что вице-королем станет генерал Зайончек — ничтожная личность, к тому же одноногий, а ему достанется лишь должность председателя Сената.

Еще более неудачным было назначение великого князя Константина командующим польской армией, насчитывавшей в мирное время 35 тыс. человек (три пехотные, две кавалерийские дивизии и три артиллерийские бригады). Грубый, жестокий, беспощадный и своенравный, брат Александра вскоре вызвал всеобщую ненависть и немало способствовал растущему недовольству поляков. Он отдавал по-русски приказы солдатам, не понимав-

шим этого языка, и наказывал бедняг за их неисполнение! Он широко ввел палочные наказания. Александр совершил и третью ошибку, назначив имперским комиссаром при Государственном совете Новосильцева, ненавидевшего поляков. Этот циник, пьяница и развратник приговорил многих мнимых заговорщиков к пожизненному заключению без права обжалования.

Чарторыйский писал царю 29 июля 1815 г.:

«Никакое усердие, никакая покорность не способны его (Константина) умилостивить. Он, кажется, возымел отвращение к этому краю и ко всему в нем происходящему, и эта ненависть, к нашему ужасу, постепенно усиливается. Это служит темой для его ежедневных разговоров со всеми. Он не щадит ни армии, ни народа, ни частных лиц. Конституция в особенности дает ему повод к постоянным сарказмам; он осмеивает все, относящееся к правилам, порядку, законам, и, к несчастью, факты уже последовали за словами. Его Величество великий князь остается при своем мнении даже относительно военных законов, им самим утвержденных. Он, безусловно, хочет ввести в армии палочные удары и даже вчера отдал по этому поводу приказ, не обращая внимания на единодушные увещания комитета. Бегство с военной службы, значительное уже теперь, сделается повсеместным; в сентябре большая часть офицеров подаст прошение об отставке.

Было бы возможно сказать, что существует план, созданный, чтобы противодействовать проектам Вашего Величества, чтобы сделать призрачными Ва-

ши благодеяния и заставить рухнуть Ваше предприятие в самом начале"[10].

В донесении от 1 июля 1822 г. посол Лебцельтерн указывал Меттерниху на антирусские настроения, царившие в различных слоях польского народа, и на возросшую активность тайных обществ.

После продолжительного пребывания за границей Александр вернулся в Санкт-Петербург в декабре 1815 г. Русские люди радовались и говорили: «Великая душа вернулась в свое великое тело!» Вскоре в церквах был вывешен Акт Священного союза, а вслед за ним вызвавший всеобщее изумление благодарственный манифест.

«Итак, — писал Шильдер, — с 1816 года России предстояло вступить на новый политический путь — апокалипсический; отныне в дипломатических документах, относящихся к этой эпохе, вместо ясно преследуемых политических целей встречаются уже темные толкования о гение зла, побежденном Провидением, о Глаголе Всевышнего, о слове жизни. Идеалом же государственных деятелей того времени, стоявших у дел, сделалась какая-то неопределенная теологическо-патриархальная монархия»[11].

* * *

Царь ошибся, предположив, что Священный союз обеспечит порядок во всех странах. Ни этот, ни другие акты или договоры того времени не привели к созданию некоего постоянного органа, необходимость которого была бы очевидной и сегодня. Вскоре Акт стал рассматриваться как инструмент

абсолютизма и угнетения. «Белый террор» свирепствовал во Франции; в Испании Фердинанд VII приказал распустить все масонские ложи, стал преследовать членов тайных обществ и восстановил Инквизицию; карбонарии свирепствовали в Италии; народные волнения потрясли Папское государство; тюрьмы, об ужасах которых рассказал итальянский писатель и карбонарий Сильвио Пеллико, были переполнены узниками; в Германии студенты сжигали акты Конгресса с криками *«Да здравствует свобода! Гибель тиранам и их подлым министрам!»*. В Англии дело «ограничилось» экономическим кризисом.

Встревоженный превосходством Англии на морях, царь безуспешно предлагал провести одновременное сокращение всех вооруженных сил. Он искал сближения с Францией, Испанией, Соединенными Штатами Америки и время от времени размышлял о том, какие права он мог бы предоставить русскому народу, размышлял — но не более того! «После 1815 года, — отмечал историк Никольсон, — время и события лишь усиливали отчуждение Англии и стремление России вмешиваться во внутренние дела других стран... С каждым новым Конгрессом пропасть расширялась...»[12].

13 марта 1818 г., через три года после предыдущего визита, Александр посетил Варшаву, восторженно его встретившую. Он произнес в Сейме взволнованную речь, выразив надежду, что и в России будут установлены либеральные порядки. Два года спустя царь присутствовал на второй сессии Сейма, который, к его живейшему неудовольствию, отклонил 120 голосами против трех проект закона

об уголовном судопроизводстве. С этого момента отношения между Санкт-Петербургом и Варшавой стали ухудшаться.

1 октября 1818 г. царь, император Австрии, король Пруссии и их министры встретились в Ахене, на Конгрессе Священного союза. Франция попросила и благодаря вмешательству Александра добилась сокращения долга, уменьшения численности оккупационной армии и получила членство в европейской «директории». Царь выдвинул на Конгрессе несколько предложений: о взаимных гарантиях неприкосновенности территории и формы правления для всех европейских государств, о принятии международного статуса лиц еврейской национальности, о создании межсоюзнического штаба, о сокращении вооруженных сил государств, об «умиротворении Америки»[13]. Ни одно из этих предложений не было принято.

В заключительном докладе австрийский дипломат Генц заверил, что «государи и их министры могли в ходе конфиденциальных встреч и глубокого обсуждения убедиться в необходимости сохранить в нетронутом виде систему, которая на сегодняшний день является единственно действующей, единственно отвечающей интересам всех держав и спасительным якорем для Европы»[14]. Однако он же писал: «Все европейские государства, без исключения, терзает изнутри жгучая лихорадка; она сопровождает или предвосхищает самые бурные конвульсии, которым когда-либо был подвержен цивилизованный мир со времен падения Римской империи...» Генц ошибся: в марте 1819 г. выполнявший секретное поручение царя Август Коцебу, немец-

кий писатель и одновременно русский статский советник, был убит в Мангейме студентом Карлом Людвигом Зандом. В глазах «младогегельянцев» из Йены Коцебу был только предателем и шпионом.

* * *

Пытаясь выработать способы борьбы с революционными настроениями, волнениями и беспорядками, делегаты Австрии и десяти германских государств собрались несколько месяцев спустя в Вене, а затем в Карлсбаде. 1 сентября 1819 г. после Карлсбадской конференции Меттерних писал своим близким: «То, чего не смогли дать в течение тридцати лет революции, было достигнуто в три недели нашей работы в Карлсбаде. Впервые был принят ряд направленных против революций правильных и своевременных мер. Мне удалось сделать то, о чем я мечтал с 1813 г., то, что несносный император Александр всегда портил, — и удалось только потому, что его здесь не было...».

Тем не менее 13 февраля 1820 г. герцог Беррийский был убит в Париже Лувелем... Узнав об этом, царь сказал послу Франции: «Вот пагубное последствие применения теорий, которые безнаказанно проповедуются и берут свое начало у вас. Невозможно без дрожи читать все, что у вас печатается...». И хотя Европу сотрясали угрожающие конвульсии, политика Александра I оставалась нерешительной и противоречивой. «Царь сочетал в себе стремление выглядеть покровителем мира и порядка в Европе и химерические идеи смутного либерализ-

ма, осложненного мистицизмом. Его доверенный человек, Каподистрия, рассылал повсюду либеральные послания», — писал историк Мазад.

17 июля 1820 г. Меттерних писал австрийскому императору по поводу революции в Неаполе: «Это событие глубоко огорчит Александра, тем более что бунтовщики хвастаются поддержкой с его стороны. Начиная с 1815 г. Италия наводнена русскими, которые никогда не переставали распространять ложную мысль о том, что все так называемые либеральные движения найдут покровителя в лице их Государя!..»[15].

Тот же Меттерних писал 8 августа: «Не так давно царь сделал следующее признание: «Начиная с 1814 г. я неправильно судил об обществе: сегодня я нахожу ложным то, что мне казалось истинным вчера. Я принес много зла; я постараюсь его исправить». Да, есть много ошибок, которые признают, когда зло уже свершилось. Человек, который позволяет ошибке свершиться, не может быть государственным деятелем; однако если он признает, что заблуждался, то он по крайней мере честен. Это относится к императору Александру»[16].

* * *

После народных возмущений в Испании, Португалии, Пьемонте и особенно в Неаполе царь и монархи Австрии и Пруссии провели с 20 октября по 20 декабря 1820 г. встречу в Троппау (Силезия). Англия и Франция прислали туда наблюдателей. Меттерних отмечал:

21 октября 1820 г. «Во время трехчасового разговора с императором Александром я нашел у него те же любезные манеры, которыми любовался еще в 1813 г., но он стал по сравнению с тем временем гораздо более рассудительным. Я попросил его самого объяснить мне причину такой перемены. Он ответил с полной откровенностью: «Вы не понимаете, почему я не остался прежним? Я Вам скажу: между 1813 и 1820 годами прошло семь лет, и эти семь лет кажутся мне длиною в целый век. В 1820 г. я ни за что не сделаю то, что я делал в 1813 г. Не Вы изменились, а я. Вам не в чем раскаиваться, а я не могу сказать того же о себе!..»».

4 ноября 1820 г. «Император не только вернулся к своим прежним взглядам, но и занял позицию, совершенно противоположную той, на которой находился несколько лет».

10 ноября 1820 г. «Император России по-прежнему настроен ко мне благожелательно. Это возврат к 1813 г. Если бы в 1815 г. он был таким же, как в 1813-м, то не было бы событий 1820 г.»[17].

Напротив, отношения австрийского канцлера с Каподистрия (статс-секретарь, сотрудник министра иностранных дел Нессельроде) оставляли желать лучшего, если судить по такой записи Меттерниха от 27 ноября: «Каподистрия не злой человек, но, откровенно говоря, он отъявленный и законченный дурак; это извращенный ум, каких свет не видывал. Он живет в мире, куда отвратительные кошмары иногда могут переносить наши души. И в то же время его тщеславие превосходит всякое воображение. Подумать только, такой человек — а занимает такое положение!..»[18].

15 ноября 1820 г. австрийский курьер из России, а вскоре за ним и царский фельдъегерь привезли в Троппау важное известие: в одной из рот Семеновского полка в ответ на чрезмерную строгость командира вспыхнул бунт; виновники были посажены в Петропавловскую крепость, что вызвало мятеж целого батальона... Царь был тем более поражен, ведь семеновцы в свое время участвовали в государственном перевороте против его отца и новый бунт случился в самом центре Санкт-Петербурга. Мятежники были приговорены военным трибуналом к наказанию кнутом и каторжным работам на рудниках. Александр, принимая во внимание долгое предварительное заключение, а также боевой послужной список солдат, изволил освободить их от позорного наказания кнутом и приказал дать им по 6 тыс. шпицрутенов каждому, после чего сослать на каторжные работы в рудники...

В этом восстании не было ничего политического, это был досадный инцидент, происшедший из-за звериной жестокости одного из полковников. Именно он, достойный ученик царевича Константина, должен был подвергнуться наказанию и разжалованию. Александр же увидел в бунте признак того, что революционные идеи проникли из-за границы в Россию и более того — в его гвардейский полк! Царь еще раз встретился с Меттернихом, признался, что сожалеет об увлечении либерализмом, теперь посвятит все свои силы старому строю и поддержанию политического порядка. Торжествующий министр написал: «Кажется, что только сегодня он появился на свет и открыл глаза.

Сегодня он дошел до отметки, где я был 30 лет тому назад!..».

Используя свое исключительное умение и настойчивость, Меттерних сумел превратить Священный союз из идеологического пакта в скрытый инструмент абсолютной монархии! 15 декабря 1820 г. он передал царю свой нескончаемый «символ веры», из которого мы приведем заключительные выводы:

«Что должны делать правительства?

Они должны заставить замолчать доктринеров внутри своих государств и выразить презрение к подобным людям за их пределами!

В смутные времена больше, чем в любые другие, они должны проявлять сдержанность в своем продвижении к реальным улучшениям, не подчиняясь требованиям момента, чтобы само благо не повернулось против них, что произойдет всякий раз, когда принимаемые правительством меры покажутся продиктованными страхом!

Они должны уделять пристальное внимание состоянию финансов своей страны, чтобы путем облегчения общественных повинностей и налогов дать вкусить их народам от благотворности не воображаемого, а реального мира!

Они должны быть справедливыми, но сильными, благожелательными, но строгими! Они должны сохранять религиозное начало во всей его чистоте и не допускать, чтобы догматы веры подвергались нападкам, а мораль толковалась в духе Общественного договора или сектантских видений!

Они должны подавлять тайные общества, эту гангрену общества!

И наконец, великие монархи должны укрепить их союз и доказать миру, что если такой союз существует, то приносит только пользу, ибо он обеспечивает политический мир в Европе; что он силен только в деле защиты спокойствия в то время, когда мир подвергается стольким нападкам!

Этот сильный союз, заключенный между государствами на принципах, которые мы перечислили, победит и саму смуту»[19].

Воспользовавшись с обычной ловкостью сложившейся ситуацией, Меттерних добился подписания царем заявления, гласившего: «Державы имеют право по совместному соглашению принять предупредительные меры против государств, политические перемены в которых, вызванные бунтом, пойдут против законной власти, особенно если этот дух возмущения сообщится соседним государствам через посланных его распространять эмиссаров».

Франция и Англия отказались подписать эту декларацию.

Александр писал своей приятельнице княгине Мещерской, что надо найти лекарство против империи зла, которая быстро расширяется, и использовать при этом все тайные средства... «Это превосходит жалкие людские возможности. Лишь Господь может это дать силой своего божественного слова...».

* * *

Следующий Конгресс заседал в Лейбахе (Югославия) с января по май 1821 г. На нем обсуждались революционные события в Неаполе, Турине и в Греции. В работе Конгресса участвовали императоры

Австрии и России и король Неаполитанский; Меттерних, Винцент и Генц от Австрии; Нессельроде, Каподистрия и Поццо ди Борго от России; Харденберг и Бернсторф от Пруссии; Фероней, Караман и Блака от Франции; лорд Кленвильям, лорд Стюарт и Роберт Гордон от Англии. Меттерних с невиданным самомнением отмечал в своих *«Мемуарах»*:

10 января 1821 г. (на Лейбахском конгрессе). «Главное орудие моей деятельности здесь — это полное взаимопонимание с императором Александром...».

7 февраля. «Этим вечером я провел три часа с императором Александром. Я не могу точно передать, какое впечатление на него произвожу. *Мои слова звучат как голос из потустороннего мира.* Впрочем, царь внутренне очень изменился, и я думаю, во многом благодаря мне...».

23 февраля. «Никто не верит в полное взаимное понимание, что существует между императором Александром и мною, однако оно есть. Влияние последних четырех месяцев победило: сильнейший увлек за собой слабейшего в соответствии с законами механики, физики и морали. Русский премьер-министр оказался внизу: сумеет ли он когда-нибудь подняться?..».

15 марта. «12-го числа меня разбудили очень рано новостью о военных мятежах в Алессандрии и Турине. Я сказал принесшему мне новость: «Это очень хорошо, я этого ожидал!» Потом я встал и пошел к моему августейшему Властелину и к императору России. Мы еще раз встретились у императора Франца, после чего в полдень короткие приказы были составлены и разосланы. Вот они:

1. Неаполитанская армия должна ускорить ход своих операций, не обращая внимания на происходящее в Пьемонте;

2. 80 тыс. солдат должны выйти из Вены и ее окрестностей и направиться в Италию;

3. 90 тыс. русских солдат должны перейти через наши границы.

После этого мы расстались и встретились, как обычно, за обедом»[20].

22 апреля 1821 г. «Не Россия нас ведет, а мы ведем императора Александра, высказав ему ряд очень простых доводов. Он нуждается в советах — но потерял всех своих советников. Каподистрия выглядит в его глазах предводителем карбонариев. Он не доверяет своей армии, министрам, дворянству, народу. Тот, кто находится в таком положении, не может повести за собой».

9 мая. «Сегодня я снова долго разговаривал с императором Александром. Я думаю, что в этом мире нет достаточно умного и сведущего человеческого существа, которое могло бы допустить даже возможность разговора, подобного тому, что мы действительно вели с императором. *Если кто-нибудь когда-нибудь из черного превращался в белого* — так это он! Моей самой большой заслугой в этом является то, что я могу использовать свое сегодняшнее влияние, чтобы помешать ему перейти за грань справедливости и добра; ведь зло начинается там, где кончается добро...»[21].

6 мая 1821 г. Меттерних послал царю длинное письмо, в котором благодарил его за твердость, проявленную к бунтовщикам, и перечислил принципы, на которых сотрудничество могло бы продолжаться: безграничное взаимное доверие, искренний союз

«на основе наших целей». Осуждая тех, кто. выкрикивая слово «конституция», хотел бы все разрушить и захватить власть, Меттерних писал: «*Монархи должны противопоставить этому плану всеобщего разрушения принцип сохранения всего законно существующего.* Единственный способ достичь этой цели состоит в *недопущении нововведений*»[22].

12 мая 1821 г. Конгресс закончил свою работу. За пять дней до этого Наполеон, которому еще не исполнилось 52 лет, умер на острове Св. Елены...

Меттерних сообщал Францу I:

23 июля 1822 г. «Император Александр и я пришли к одному и тому же взгляду на происходящее. Однако император уехал, поэтому нельзя утверждать, что он останется верным точке зрения, которую мы приняли — я легко, а он с большим трудом. Окружение, в котором человек находится, оказывает на него большое влияние; необходимо иметь большую силу духа, чтобы сопротивляться его воздействию, и еще большую силу, чтобы им пренебречь. Император пока что держится хорошо, но он находится в одиночестве среди своих. Одни из них доказали, что хотят обратного тому, что он; у других нет силы чего-нибудь хотеть. Чтобы не пойти ложным путем, надо отделить царя от его окружения. Он хочет того, чего хочу я, но его окружение хочет обратного».

23 октября. «Царь верит в меня так же, как и мой августейший Государь, и такое положение наиболее благоприятно для ведения дел...».

9 ноября. «В России и во всей русской дипломатии за границей есть две партии, которые открыто обозначаются именами Меттерниха и Каподист-

рия... Эти две партии ненавидят друг друга и противостоят одна другой, как правые и левые во Франции. Александр называется «меттерниховцем», поэтому его партия хороша; другую партию надо предоставить ее судьбе!».

Австрийцы легко одержали победы над повстанцами под Риети и Андрокко и вошли в Неаполь. Меттерних направил царю благодарственное письмо. «Самый слепой абсолютизм был восстановлен»[23], — отмечал Ландонья.

* * *

Начиная с марта 1821 г. Греция, вновь попавшая под оттоманское иго, делала отчаянные попытки освободиться. Генерал-майор русской службы Ипсиланти возглавил движение и обратился за поддержкой к союзникам. Его призыв был поддержан Каподистрия, но отвергнут Меттернихом, спутавшим либеральные настроения с революцией, а революцию с войной. Царь согласился с Меттернихом, который записал в своих *«Мемуарах»*: «Император вновь доказал свой благородный и честный характер; его взгляды и принципы оказались совершенно созвучными взглядам и принципам моего августейшего Государя... На заседании Совета, где присутствовали Их Величества, было решено «предоставить события самим себе»».

Император Александр увольняет со службы и вычеркивает из списков своей армии всех греческих военных, участвующих в восстании. Его Величество отказывается от оказания любой поддержки и помощи восставшим грекам. Александр и Франц одновременно заявили Константинополю, что, оста-

ваясь верными публично высказанным принципам, они никогда и нигде не будут поддерживать врагов общественного порядка, никогда не окажут никакой помощи восставшим грекам. Они предоставляют Порте самой обеспечивать свою безопасность. Она до сих пор «оставалась в стороне от европейских дел, поэтому они не чувствуют себя вправе вмешиваться в ее дела».

Почувствовав, что у нее развязаны руки, Порта стала действовать с невиданной жестокостью: в Константинополе православный священник был повешен вместе с сотней греческих; повсюду греки подвергались массовым избиениям; на Хиосе турецкие солдаты вырезали 23 тыс. человек и увели 47 тыс. жителей в рабство.[24] Греки защищались с такой храбростью, что турецкая армия была вынуждена отступить из страны, вскоре провозгласившей независимость.

Узнав о злодеяниях турок, царь направил Порте угрожающую ноту и предложил организовать военную интервенцию. Опасаясь всеобщего столкновения, державы от нее отказались. После того как направленный Турции ультиматум остался без ответа, русский посол покинул Константинополь.

* * *

Следующий Конгресс проходил с 20 октября по 14 декабря в Вероне. На этот раз коронованные особы присутствовали в большем количестве. Там были: австрийский император, русский царь, прусский, неаполитанский и сардинский короли, великий герцог моденский, прусские принцы Вильгельм и Карл. А вот и центральная фигура Конгрес-

са: Ее светлость Мария-Луиза, принцесса Пармская, Пьяченцская и Гуастальская, бывшая эрцгерцогиня Австрийская, бывшая императрица французов, вдова Наполеона I, жена графа Нейперга и будущая супруга графа Бомбеля...

К моменту открытия Конгресса порядок уже был восстановлен в Пьемонте, Неаполе и в Греции, однако восстания вспыхнули в Каталонии, Мадриде и испанских колониях. Несмотря на сопротивление английской делегации во главе с герцогом Веллингтоном (Каслри уже не было в живых: приведенный в отчаяние провалом своей политики, он перерезал себе горло перочинным ножом), Австрия, Франция, Пруссия и Россия пришли к согласию. Их министры подписали протокол с указанием трех случаев, когда их взаимные обязательства немедленно вступали в силу (это коснулось, в частности, нападения Испании на французскую территорию). Франции поручалось самой руководить возможными военными действиями и судить об их необходимости. 28 января 1823 г. Людовик XVIII объявил об отправке стотысячной армии, чтобы «сохранить трон за внуком Генриха IV, уберечь королевство Испании от разрушения и примирить его с Европой...». Вскоре все крупные испанские города были оккупированы.

Конгресс отказался выслушать представителей греческих патриотов, депутатов Андре Метаксаса и Журдена. «Ни один голос не раздался в их поддержку, — отмечал Генц. — Казалось, император Александр не только отказал им в покровительстве, но и вообще перестал ими интересоваться». Царь заявил Шатобриану, что и впредь не будет оказывать поддержки греческому движению, потому что

долг государей состоит в борьбе против тайных революционных обществ. Александр прибавил: «Более не может быть политики английской, французской, русской, прусской или австрийской; есть только одна общая политика, которая для всеобщего спасения должна совместно проводиться народами и королями... Провидение поставило под мое начало 800 тыс. солдат не для того, чтобы я тешил свое самолюбие, но для защиты религии, морали и права, для обеспечения торжества принципов порядка, на которых зиждется человеческое общество...». Такая позиция царя подвергалась резкой критике в России, особенно в офицерской среде.

После Веронского конгресса Шатобриан отметил: «Тысячи мелких неприязней, завистей и наветов сталкивались между собой; взаимная ненависть скрывалась под показной любовью; за закрытыми дверями рвали на части соседа, которому на общей лестнице пели дифирамбы. Мир не изменился!.. У царя была сильная душа и слабый характер; из-за своего непостоянства он стал ярым роялистом, а был прежде пылким либералом; однако при всех обстоятельствах он оставался верным другом Франции... Дав конституцию полякам, этот государь приостановил ее действие; заставив дать нам хартию, он затем с беспокойством наблюдал за вызванными ею движениями; пожелав независимости Греции, он осудил греческое восстание 1820 г.; он увидел в эллинской революции лишь исполнение приказа, отданного руководящим комитетом из Парижа; на Троппауском, Лейбахском и Веронском конгрессах он задумал спасти цивилизацию от анархии, как когда-то спас ее от деспотизма Наполеона...».

В глазах Шатобриана царь был «если не самой великой фигурой наполеоновской эпохи после падения Бонапарта, то по крайней мере самой привлекательной...»[25].

Пустые разговоры в Санкт-Петербурге, которые велись около года по греческому вопросу, не дали никакого результата: Англия намеревалась сохранить за собой полную свободу действий.

В 1822 г. Меттерних написал: «Нынешнее правительство одним ударом разрушило труд Петра Великого и его преемников...». Справедливо ли это суровое обвинение? Может быть, его автор впадает в крайность? Попробуем ответить на эти вопросы.

Глава 13

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРА I, ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРЯ

Человек — это существо настолько разнообразное, изменчивое и суетное, что трудно составить о нем постоянное и цельное суждение.

Монтень

Мне с каждым днем становится все труднее понять и распознать характер императора...

Из донесения посла Ляферронея

Александр хотел, чтобы каждый человек был свободным, но при условии, что он употребит свою свободу для выполнения только его, Александра, воли.

Чарторыйский

Из всех государей, которые прошли перед нашими глазами, Александр был, без сомнения, самым сложным, изменчивым и противоречивым в своих высказываниях и действиях — до такой степени, что его часто обвиняли в двуличии и даже лицемерии. То мирно, то воинственно настроенный, из скептика превратившийся в глубоко верующего человека, либерал на словах и реакционер на деле, великодушный и деспотичный, добрый и жестокий,

вдохновенный и подавленный духом, робкий и отважный, простой и сложный, властный и упрямый под обманчивой маской мягкости — он и испытывал настоящие душевные муки, и играл на публику, как тщеславный актер. Республиканец, апостол свободы, взращенный Лагарпом, кончит свои дни поборником абсолютизма, принеся ему в жертву патриотов Польши и Греции. Мазад совершенно справедливо писал, что Александр — это подвижная и неуловимая натура, это ум, в котором соединились великодушные стремления и химерический пыл, тяга к идеалам и самые изощренные хитрости. Недоверчивый, изворотливый, скрытный даже со своими советниками и министрами, он без их ведома организовал первую встречу с прусской королевской четой. Он мог поручить трудное и ответственное задание какой-нибудь бездарности. Он был властен и высокомерен. Еще в 1803 г. он воскликнул: «Что такое? Разве я не волен делать, что *мне* надо?».

Два года спустя друг Александра Чарторыйский писал, что душа царя все еще не может принять определенную окраску, в ней видны все цвета радуги и неопределенно-серый цвет. После смерти царя этот выдающийся польский деятель сказал: «По характеру Александр не походил на русского, он отличался от соотечественников и достоинствами, и недостатками и казался среди них каким-то экзотическим растением, далеко не чувствуя себя счастливым»[1].

В молодые годы Александр работал урывками, несмотря на уважение к своему наставнику Лагарпу. Перед нами запись, сделанная государем в самом начале царствования: «Ты спишь, презренный,

а ведь куча дел тебя ожидает! Лень — вот твое достояние! Ты пренебрегаешь своими обязанностями, а тысячи несчастных страдают, пока ты валяешься на перинах!.. Какой стыд!.. Стряхни ярмо своих собственных слабостей! Вновь стань человеком и полезным Родине гражданином!..».

Однако этот сотканный из противоречий, как бы сложенный, подобно мозаике, из множества кусочков человек мог вдруг развить бурную, лихорадочную деятельность, часто остававшуюся бесплодной из-за беспорядочности и непоследовательности. После 20 часов упорной работы он мог провести несколько дней в полном бездействии. Но фактом остается и то, что не утруждавший себя в юности Александр забыл покой и сон, когда войска Наполеона ступили на землю России.

Царь был непостоянен в своих привязанностях, вкусах, мнениях и образе действий. Он прекращал уже начатое осуществление проектов, отбирал левой рукой то, что давал правой. Казалось, он придавал большее значение словам, чем сути вещей. В его великой душе все же была какая-то ограниченность, а на дне ее копошилось что-то мелкое и низкое, говорил Чарторыйский. Он был явно склонен к притворству и предпочитал обходные пути, отмечал Валишевский. Княгиня Екатерина говорила, что несчастье ее брата в том, что он никогда не был мужчиной, ибо из маленького мальчика сразу превратился в императора.

Можно сказать, что ни об одном другом государе не высказывалось столько противоречивых суждений как соотечественниками, так и иностранцами, как его современниками, так и нынешними исследователями. Приведем лишь несколько цитат. Лагебь-

орк, шведский посол: «Он остр, как кончик шпаги, отточен, как бритва, и обманчив, как пена морская». Шильдер: «У него вошло в привычку иметь о всякой вещи двойное суждение...». Сорель восхищался необычайной гибкостью, с которой царь опровергал самого себя, беспрестанно заменяя одно обязательство другим. «Внешне он казался самым изменчивым и непостоянным человеком, но в глубине души и в замыслах был гораздо более последовательным, чем можно было подумать... После всех метаний изумительный инстинкт всегда выводил его чувство на интересы Империи, на потребности русского правительства... Политические соображения быстро брали в нем верх. В силу своего темперамента и инстинкта он всегда представал перед противоборствующими сторонами как проницательный дипломат, пусть даже и не наделенный большим военным талантом...».

Так ли все ясно в Александре? Все ли можно понять в его характере? Вряд ли, потому что этот сложный человек поражал своими контрастами, игрой света и тени, щедростью и расчетливостью, принимаемым за силу упрямством, гуманными мечтаниями, отважной (по словам Буркена), почти революционной тягой к новизне и вызывающим холодную испарину страхом перепуганного консерватора. Попробуем все-таки проникнуть внутрь этого сфинкса!

* * *

Известно, что с самого детства Александр испытывал на себе то горячую привязанность Екатерины II, то жестокую подозрительность Павла I, разрывался между блестящей и жизнелюбивой ба-

бушкой и сумасбродным отцом, между капральской тиранией родителя и демократичным, гуманным воспитанием Лагарпа. Не чувствуя себя в безопасности в Гатчине, он научился под улыбкой таиться и молчать.

Наделенный умом тонким и гибким, Александр тянулся к культуре, любил встречаться с иностранцами (в России его даже упрекали за то, что он роздал им лучшие места). Заседания «Негласного комитета» велись на французском языке. Будучи более европейцем, чем другие цари, он не был любим народом, так как отличался по характеру от соотечественников. Лишь в некоторых исключительных случаях сердца русских обращались к нему.

«Он очень высок и довольно хорошо сложен, в бедрах особенно, ступни хоть и великоваты, но очень хорошо выточены; волосы светло-каштановые, глаза голубые, не очень большие, но и не маленькие; очень красивые зубы, очаровательный цвет лица, нос прямой, довольно красивый...» — вот краткое описание внешности Александра, сделанное его невестой в 1792 г.

Позднее, уже страдая диплопией и усиливающейся глухотой, он не отказался от щегольства, стремления нравиться и покорять сердца. Он не мог устоять перед искушением блеснуть красивой фразой, и чем более смысл этих фраз был неясен, тем легче он приспосабливал их к своим намерениям, таким же, впрочем, смутным и неопределенным. Будучи честолюбивым, обидчивым, злопамятным и эгоистичным, он одного за другим бросал своих друзей детства, за исключением Лагарпа. Он был нерешительным, беспокойным, неуравновешенным,

хитрым, одновременно и слабовольным и упрямым, энергичным и слабым — непостоянным до такой степени, что даже подпись его менялась. Великий князь Николай Михайлович утверждал, что двойственность была одной из основных черт характера царя. Однако, несмотря на непостоянство ума и переменчивость настроения, он временами проявлял исключительную щедрость души и абсолютную преданность.

* * *

До восшествия отца на престол Александр был очень привязан к родителям. После воцарения Павел I стал опасаться сына, не доверять ему. Он подвергал Александра арестам, собирался заключить в крепость, лишить прав на престол. В этой трудной, грозящей непредвиденными неприятностями ситуации (не следует забывать, что Павел I был полусумасшедшим) Александр был вынужден держаться настороже, избегать любых столкновений, лгать. Этим в значительной мере объясняются изъяны его характера. Он привык «ломать комедию», из-за чего Наполеон впоследствии даже назвал его *«Северным Тальма»*.

Александр очень почтительно и благородно вел себя с матерью, хотя после трагической смерти своего мужа, Павла I, она заявила притязания на трон, пожелав стать новой Екатериной II и отнять тем самым права у своего старшего сына. Он не будет на нее за это сердиться, однако установит тайное наблюдение за перепиской, которую беспокойная и своенравная вдова поддерживала с не внушающими доверия личностями. Александр предоставил ей полную свободу действий, несмотря на то что салон

бывшей государыни часто становился центром оппозиции[2].

Александр неизменно проявлял дружелюбие к брату, великому князю Константину, неловкому от природы, неуравновешенному, смешному, страдавшему опасными болезнями, — живому портрету покойного отца. Этот странный русский князь (Валишевский называл его «грубияном»)[3] подарил княгине Елене Любомирской свой портрет, изображавший его в одежде краковских крестьян, тех самых, которых Костюшко вел в 1794 г. на приступ русских батарей!

К своей сестре Екатерине, будущей герцогине Ольденбургской, а во втором браке королеве Вюртембергской, молодой царь проявлял пылкую привязанность, которую высоко ценила эта очаровательная, умная и честолюбивая женщина, умевшая, по словам Жозефа де Местра, далеко предвидеть и принимать твердые решения. Вот несколько отрывков из писем Александра к Екатерине:

Пулавы. 19 сентября 1805 г. «Если Вы сумасшедшая, то по крайней мере самая обольстительная из всех сумасшедших... Я без ума от Вас, слышите?..».

«Прощайте, очарование моих очей, прелесть моего сердца, звезда века, явление природы или — что лучше всего — Бизям-Бизямовна с плоским носиком!..».

25 апреля 1811 г. «Я люблю Вас до сумасшествия, до безумия, как маньяк!.. Набегавшись как сумасшедший, я надеюсь насладиться отдыхом в Ваших объятиях... Увы, я уже не могу воспользоваться моими прежними правами (речь идет о Ва-

ших ножках, Вы понимаете?) и покрыть Вас нежнейшими поцелуями в Вашей спальне в Твери...».

Что прикажете думать об этих «братских» письмах?

Да, странная это была сестра, но женщиной она была рассудительной, полной живого ума, а главное — очень честолюбивой! В 1807 г. она собиралась выйти замуж за австрийского императора, только что потерявшего свою первую жену. Однако находившийся тогда в Бартенштейне царь в письме сестре назвал его «старым грязным уродом» и прибавил: «Я хочу, чтобы Вам вынесли приговор и только один раз оставили с этим типом на сутки. Если желание стать его женой у Вас не пройдет, то я несказанно удивлюсь!». После такой рекомендации императору Австрии пришлось искать счастья в других краях.

Екатерина не переносила невестку, царицу Елизавету, которая со своей стороны писала матери о золовке так: «Я никогда не видела более странную личность: она идет по дурной дороге, избрав образцом мнений, поведения и даже манер своего дорогого братца Константина. Она говорит тоном, который не подошел бы и женщине в 40 лет, не говоря уже о 19-летней девушке!..».

В 1793 г. 16-летний красивый и целомудренный царевич Александр женился на 14-летней принцессе Луизе Баденской, получившей имя великой княгини Елизаветы. Через несколько месяцев после свадьбы она писала маркграфу Баденскому: «Вы спрашиваете, нравится ли мне великий князь? Какое-то время тому назад он нравился мне до безумия, но теперь, когда я начинаю его узнавать ближе, в нем открываются мелочи, которые мне не по

вкусу и которые разрушили мою безоглядную к нему любовь...».

Испытывавший вначале очень сильное чувство к своей красивой, образованной и прекрасно воспитанной жене, царевич тем не менее иногда вел себя с ней странно: однажды он захотел в присутствии нескольких мужчин расстегнуть корсаж своей молодой жены, чтобы все смогли полюбоваться ее грудью! Что это было — мальчишество или садизм?

Вскоре после замужества великая княгиня писала:

11 августа 1794 г. «Вы беспрестанно вертитесь у меня в голове. Вы произвели там такой беспорядок, что я не в силах ничего делать. Ах! Я более не вижу перед собой чудного образа, представшего передо мной утром. Это очень, очень жестоко!..».

12 декабря 1794 г. «Я люблю Вас и буду любить, даже если против меня восстанет целый свет... Я теряю голову, у меня мутится разум. Ах! Если это будет продолжаться, то я сойду с ума! Вы занимаете весь мой день до той минуты, когда я засыпаю. Если я просыпаюсь ночью, то сразу начинаю думать о Вас...».

Воскресенье, 9 часов вечера. «Вы понимаете, я надеюсь, насколько дорог для меня тот день, когда я вся отдалась Вам...».

Кто же был счастливым получателем этих писем? Прекрасный супруг? Нет! Какой-нибудь блестящий офицер? Опять не угадали... Это была прелестная графиня Головина, жена гофмаршала двора великого князя... Что думать об этих посланиях? Трудно сказать что-либо определенное, так как писала их совсем молодая экзальтированная и романтически настроенная женщина.

10 591

У Елизаветы, образованной, много читавшей, по словам Валишевского, не было ни темперамента, ни вкуса к настойчивой работе[4]. Она вела мирную, уединенную жизнь, без борьбы уступив выгоды своего положения бурной свекрови, и не показывалась ей на глаза. Последовавшие одна за другой смерти маленьких дочерей нанесли ей ужасный удар.

Когда муж охладел к ней, она, казалось, испытала мимолетное увлечение к красавцу Алексею Зубову. Ее пылко обожал гвардейский офицер Алексей Яковлевич Охотников, но она не ответила ему взаимностью. Впоследствии Охотников был заколот кинжалом каким-то неизвестным при выходе из оперы зимой 1807 г. Любовная связь была у Елизаветы с Адамом Чарторыйским.

Несмотря на холодно-презрительное отношение мужа, Елизавета сохраняла к нему горячую привязанность. Она писала своей матери: «Как только я вижу, что ему грозит несчастье, я вновь приникаю к нему со всем жаром, на который способно мое сердце...» (12 мая 1809 г.).

Во время Венского конгресса, где царь повеселился всласть, он, судя по полицейским донесениям, направленным барону Хагеру, очень неучтиво вел себя по отношению к супруге.

2 января 1815 г. «Вот что рассказывали у Этьена Зиши: 1) В прошлую пятницу Александр силой заставил свою несчастную жену идти на бал к княгине Багратион. Императрица нехотя повиновалась; канапе, на которое она села, было в таком плохом состоянии, что сломалось под ней. 2) В субботу был семейный обед у Александра, который ужасно грубо обращался с императрицей, ее братом (великим

герцогом Баденским) и ее сестрой (королевой Баварской). Говорят, что императрица больше не вернется в Россию, а поедет в Карлсруэ к своему брату...».

5 февраля 1815 г. «Царица, брак которой несчастлив, никогда не обедает ни с царем, ни со своими невестками, великими княгинями».

9 февраля австрийский министр полиции барон Хагер сообщал своему императору: «Во время последнего бала у княгини Багратион, когда вошла царица и все стали восклицать: «Ах! Как она красива! Это очаровательная женщина!..», задетый за живое и думавший, что над ним насмехаются, Александр довольно громко произнес: «Вот еще! Я этого не нахожу! Я совершенно так не думаю!..»».

Отметим и еще более неприглядный факт. Царь, судя по всему, поощрял любовную связь супруги со своим лучшим другом, Чарторыйским.

Г-жа де Сталь летом 1812 г. провела несколько недель в Санкт-Петербурге и была принята Елизаветой. Она писала: «Императрица предстала передо мной как ангел России. Ее манеры очень сдержанны, но то, что она говорит, полно жизни, а ее чувства и мнения приобрели силу и жар в горниле благородных идей. Слушая ее, я была взволнована чем-то неизъяснимым, шедшим не от величия, а от гармонии ее души. Уже давно я не встречала такой соразмерности силы и добродетели...»[5].

* * *

Александр любил поволочиться за женщинами, но быть настойчивым в ухаживаниях ему мешало слабоволие. Он был, за редким исключением, непо-

стоянен в отношениях с любовницами, так же как и с друзьями, любил покрасоваться. Возможно, некоторое влияние на него оказали любовные похождения его бабушки, о которых ему было известно. У Александра было множество мимолетных связей, например с мадемуазель Жорж, с актрисой Филис, с г-жой Шевалье, но настоящую страсть он испытал лишь к Марии Нарышкиной.

В Мемеле Александр был очарован королевой Прусской и ее сестрой, принцессой Сальмской, однако сказал Чарторыйскому, «что серьезно встревожен расположением комнат, смежных с его опочивальней, и что на ночь он запирает дверь на два замка из боязни, чтобы его не застали врасплох и не подвергли бы слишком опасному искушению, которого он желал избежать». Чарторыйский утверждает, что царь «даже высказал это обеим принцессам, причем был более откровенен, нежели учтив и любезен». И далее прибавляет: «Со времени этого первого свидания русского императора с прусской королевой началось их «платоническое кокетничанье». Такого рода отношения особенно нравились Александру, и он всегда был готов посвящать им немало времени. Лишь в очень редких случаях добродетели дам, которыми интересовался этот монарх, угрожала действительная опасность»[6].

14 мая 1807 г., вскоре после встречи в Мемеле, королева писала царю: «Извините меня, добрый, дорогой, несравненный мой кузен... Какое божественное письмо Вы мне написали!.. Узнав Вас, можно поверить, что существует совершенство!..». Королева не была любовницей царя, но страстно его обожала и связывала с ним пылкую надежду на спасение своей Родины. Вот еще один отрывок из ее

письма: «Повторяю, что я верю в Вас, как в Бога!..». И хотя царь навсегда остался верным союзником Пруссии, она ошиблась в его чувствах к ней. Вспоминая о тильзитской встрече, Наполеон говорил: «Королева Луиза — это женщина с головой, у нее есть ум и выдержка. Она в сто раз превосходит своего мужа, она не может ни любить, ни уважать его... Ее душу в 1805 году погубил царь. Я думаю, что между ними была лишь невинная близость, все честь честью».

Не вызывает никакого сомнения долго длившаяся почти открытая связь Александра с Марией Антоновной Нарышкиной, урожденной польской княгиней. Она была женой богатейшего боярина Дмитрия Нарышкина, занимавшего высокую должность при дворе и прозванного *«королем кулис»* и *«князем каламбуров»*. Не слишком умная, не отличавшаяся верностью, эта «любовница постоянно была рядом, удерживая царя красотой, грацией и силой привычки, — писал Жозеф де Местр, — Она не интриговала, не желала зла, не мстила»[7].

Царь не скрывал эту связь, проводя многие вечера в пышном дворце на Фонтанке или на роскошной даче на Крестовском острове, где жила *«Северная Аспазия»*. Ходил слух, что царь даже собирался аннулировать свой брак и брак Нарышкиной с тем, чтобы жениться на ней. От этой почти официальной связи родилась дочь, нареченная Софьей.

Любовная интрига прекрасной польки с князем Гагариным положила конец этому роману, ибо государь поощрял неверность жены, но не выносил измен любовниц. Он написал тогда своему духовнику: «Я безотлагательно должен сказать Вам не-

сколько слов о приезде г-жи Нарышкиной в Санкт-Петербург. Я надеюсь, что Вы слишком хорошо знаете мое нынешнее состояние, чтобы испытывать малейшую тревогу по этому поводу. К тому же, оставаясь человеком света, считаю своим долгом полностью порвать с этой особой после всего, что произошло с ее стороны...». В самом деле: прекрасная любовница изменила царю, как какому-нибудь простому смертному. Отметим, однако, в ее оправдание, что особую склонность в любовных делах она все же проявляла к адъютантам именно *Его* Величества...

* * *

Кто же был настоящим другом царя? Как царь вел себя с друзьями? Тесная дружба связывала его с Чарторыйским, который был старше царя на семь лет. Александр не держал зла на любовника своей жены. Вот как он заканчивал, например, письмо к нему от 23 января 1813 г.: «Я был бы безумно счастлив хоть на миг оказаться в кругу Вашей семьи!.. Преданный Вам сердцем и душой, Александр»[8]. Однако князь был глубоко разочарован непостоянством царя по отношению к Польше и его отказом от своих политических обещаний.

Александр испытывал искреннюю симпатию к Виктору Кочубею, в котором ценил изысканность манер, благородство, ум и мягкость характера. Но самую большую привязанность он, судя по всему, испытывал к своему наставнику Фредерику Лагарпу. Вот несколько отрывков из писем Александра к нему:

Санкт-Петербург, 16 января 1808 г. «Сердце [мое] Вас обожает и будет обожать до последнего дыхания... Весь Ваш сердцем и душой...».

Фрибург в Бристау, 22 декабря 1813 г. — 3 января 1814 г. «Так близко от Вас я питаюсь утешением, что мне будет дано обнять Вас и повторить изустно всю признательность сердца моего до гроба».

Лангр (без даты). «Весь Ваш душой и сердцем на всю жизнь».

Веймар, 23 ноября — 4 декабря 1818 г. «Нужно ли говорить Вам о неизменных к Вам чувствах моих?.. Одобрение почтенного моего наставника имеет для меня несказанную цену, воспоминание о нем постоянно живет во мне, и весьма часто я мысленно сижу против него и стараюсь предугадать советы, которые он мог бы мне дать».

Во многих письмах, а также во время представления своего бывшего воспитателя прусскому королю в Лангре Александр говорил: «Господину де Лагарпу я обязан всем, что я знаю и чего, может быть, я стою...»[9].

Непостоянный и изменчивый, как и его отец, царь не доверял друзьям, советникам и подчиненным. Он имел тайных осведомителей даже в посольских домах, а друзей зачастую скрытно препровождали к нему по служебной лестнице. «Он был мастер играть в прятки», — писал Брянчанинов. Был момент, когда он восхищался Сперанским, сделал его своим доверенным лицом и даже мог пустить слезу у него на груди. Но затем Сперанский был разжалован, сослан, письма его оставались без ответа, и никогда больше Александр его не принимал.

Какие чувства испытывал Александр к правившим в те годы императорам, королям и другим государям? Он не выносил императора Австрии и короля Англии, зато при всех обстоятельствах оставался другом короля Пруссии, даже в ущерб России и несмотря на неприятности, которые доставляла ему эта августейшая бездарность. После сражения при Аустерлице царь писал ему: «В минуту опасности вспоминайте, Ваше Величество, что в моем лице Вы имеете друга, готового примчаться к Вам на помощь!». В течение 25 лет оба государя вели сердечную, доверительную и задушевную переписку.

Отношение царя к Наполеону со временем менялось — восхищение и даже чувство дружбы в Тильзите сменилось, особенно под влиянием Талейрана, недоверчивостью в Эрфурте. Когда Россия подверглась нашествию, он испытывал к своему противнику настоящую ненависть, утихшую только после победы над Наполеоном.

Сорель отмечал, что в 1807 г., после тильзитской встречи, царь был тверд в своих взглядах, несмотря на все зигзаги его политики, всплески фантазии, неожиданные порывы, обманчивый блеск прекрасных влажных глаз и изящное лукавство улыбки. «Он не может громко высказать свои побуждения, и он принужден так же тонко хитрить со своей семьей и со своим двором, как с Наполеоном; так же уговаривает терпеть русских, как австрийцев и пруссаков. Императрица-мать... еще не поняла этого характера, порывистого и в то же время сдержанного и последовательного под наружными признаками колебания; этого искусства ускользать, опу-

тывать противника, представляясь восхищенным им»[10].

* * *

«Этот человек легкомысленно относится к религии», — писала о царе супруга его брата Николая. Как же дело обстояло в действительности? Вплоть до 1812 г. Александр без особого рвения, можно сказать, равнодушно соблюдал обряды православной церкви и в то же время поощрял деятельность масонских лож. Безразличный скептик, агностик и франкмасон без всякого воодушевления играл роль светского главы православной церкви. Однако вторжение Наполеона в Россию повергло его в глубокое смятение. Он почувствовал себя одиноким и бессильным, стал искать опору, покровителя, руководителя — и тогда упал на колени и от всего сердца воззвал к Господу. Сам он так рассказывал пастору Эйлерту: «Пожар Москвы освятил мою душу, и я познал Бога...»[11].

Александр считал себя «избранником Всевышнего, призванным спасти Европу от наполеоновского ига». Он ежедневно читал Библию (заметим, на французском языке) и пересказывал целые отрывки из нее. За спасение России он прежде всего благодарил небо, а потом своих генералов. В 1816 г. во время посещения монастыря он сказал: «Все, что я имею, и вся моя слава не мне принадлежит, но Богу»[12]. В 1818 г. он молился вместе с английскими квакерами, после чего написал Лагарпу: «Если Вы довольны тем, что я говорил и как я действовал в непростых, запутанных обстоятельствах, например во время заседания Сейма в Варшаве или последнего конгресса в Ахене, или в такие же трудные мо-

менты раньше, то из уважения к правде я должен сказать, что я обязан этим Божьей помощи, в которой нам никогда не бывает отказано, если мы просим о ней с полной уверенностью в ее действенности»(Веймар, 23 ноября 1818 г.)[13].

После победы над Наполеоном царь мечтал об изменениях в Европе, о вверении ее божественной опеке, о счастье человечества. Не зря Чарторыйский предрекал ему роль всемирного судии, хранителя справедливости среди людей! Начиная с 1814 г. два начала постоянно боролись в царе — русского и европейца. Первому не терпелось завоевать Византию, второму — установить мир в Европе.

25 января 1813 г. царь писал князю Александру Голицыну, обер-прокурору Священного Синода и председателю Библейского общества: «Всевышний подтвердил: по сравнению с Ним нет ничего более сильного, более великого в этом мире, чем то, что Он сам захочет совершить... Не могу выразить словами, насколько меня заинтересовало и взволновало Ваше последнее письмо, в котором Вы сообщаете об открытии Библейского общества. Да благословит Всевышний это начинание! Для меня оно представляет огромную важность. Заставьте лучших архитекторов работать над проектом моего Храма! Да будет этот Храм нашего Христа Спасителя! Берите сколько нужно денег для печатания Библии!..»[14].

Насчитывавшее несколько сотен отделений Библейское общество напечатало Священное писание на 41 языке и распространило около 500 тыс. экземпляров этой книги. Несколько подписок на Библию принесли около двух миллионов рублей.

Царь писал Голицыну по поводу важного заседания Военного совета 23 марта 1814 г.: «В глубине

моего сердца было смутное чувство ожидания, неодолимое желание передать все на полную волю Бога. Заседание Совета продолжалось, а я на минуту вышел в свою комнату. Там колени мои сами подогнулись, и я излил перед Всевышним мое сердце»[15]. После этого царь вернулся в Совет и объявил намерение идти на Париж...

Александр участвовал в публичных богослужениях. Более того, он представил на рассмотрение изумленных государей других стран договор Священного союза, в котором прославлял «высшую добродетель, внушаемую нам вечной религией Христа Спасителя». По его мнению, Священный союз должен был стать венцом «европейского дома». Он связывал с ним самые честолюбивые надежды и уже видел день, когда Священный союз станет настоящим общеевропейским правительством, широко информированным и располагающим мощными средствами воздействия (Буркен). Нет сомнения, что царь — человек сложный, импульсивный, противоречивый, часто прибегавший к ухищрениям и уловкам — в делах веры был совершенно искренним. Парад русской армии в долине Добродетели 10 сентября 1815 г. был не просто торжественным прохождением войск, но и проявлением горячей веры. Многие письма Александр заканчивал словами: «Преданный Вам, душою и сердцем верующий в Господа нашего...», «Да приидет царствие Его...» и т.п.

В 1820 г. под сильнейшим нажимом церковной партии, протестантов, методистов, а более всего своей матери царь изгнал из России 320 иезуитов, обвинив их в чрезмерном стремлении обратить всех

в свою веру. При этом им были оплачены дорожные расходы.

18 августа 1818 г. Меттерних сообщал в Вену: «Религиозные настроения у царя усиливаются с каждым днем... Император и его кабинет все больше поддаются желанию практиковать моральный и политический прозелитизм. От этого происходят все большие и малые интриги, сбивающие с толку нас и, можно сказать, все правительства; этим же вызвано появление целых туч проповедников и апостолов. Однако нельзя не видеть, что в основе этих вечных происков лежит, может быть, смутное, а может быть, четко оформившееся в мозгу императора желание предоставить времени и естественному ходу вещей свершить то, что может служить расширению русского влияния. В этих условиях наше влияние теряет свою силу...»[16].

В 1821 г. Александр посетил сеансы ясновидящей г-жи Татариновой, которые проводились в Михайловском замке. Будучи проездом в Вене в 1822 г., он пожелал познакомиться с аббатом князем Гогенлоэ. Прелат принял царя и высказал много похвальных слов в адрес Священного союза и его основателя. Государь поблагодарил его и, встав на колени, попросил благословения. Затем они обнялись и еще в течение двух часов вели беседу, содержание которой осталось в тайне.

Говоря о религиозных чувствах царя, Милюков отмечал, что его поверхностный богословский либерализм не затрагивал его абсолютной власти; свобода была для Александра абстрактным понятием.

Было ли запоздалое религиозное рвение Александра вызвано убийством отца? Мы не склонны так думать, тем более что не считаем его ответствен-

ным за эту трагедию и не усматриваем доказательства вины в словах, сказанных им Чарторыйскому: «Я должен страдать, ибо ничто не может смягчить моих душевных мук». Он не сказал «угрызений совести». В конце жизни, после дней триумфа в Париже и Вене, потерявший иллюзии и разочарованный «освободитель Европы», «избранник Божий» удалился от людей и приблизился к Богу. Александр I победил Наполеона I. Всемогущий Бог победил царя.

* * *

Мы попытались рассказать о царе — человеке и христианине. Обратимся теперь к Александру — самодержцу, к его политическим взглядам, методам действий, достоинствам и слабостям.

В начале своего правления молодой царь, казалось, был полон решимости освободить Россию от тирании, душившей ее при Павле I. Александр проповедовал свободу, либерализм, терпимость, гуманизм. Он писал принцу-регенту Англии в 1812 г., что должно быть меньше переговоров, меньше формальностей и больше благородных горячих чувств, чтобы видеть во всех народах, объединившихся в борьбе за свободу, братьев, оказывающих друг другу помощь и преследующих одну цель: всеобщее спасение. Так он смотрит на вещи и считает, что эгоизм людей, эгоизм государств привел к нынешнему положению. Изменить его сможет лишь действие в обратном направлении.

В 1814 г. в салоне г-жи де Сталь Александр критиковал Бурбонов и называл их «неисправимыми» за приверженность старым порядкам, сожалел о том, что Фердинанд VII Испанский, придя к вла-

сти, отменил Конституцию. Одним словом, царь высказывался как убежденный либерал. В том же году во время посещения Лондона он попросил лорда Грея разработать проект создания политической оппозиции в России. Английский министр улыбнулся — и ничего не сказал, подумав, скорее всего, что это шутка.

15 ноября 1815 г. Александр обнародовал Конституцию, предоставлявшую Польше некоторую независимость, возможность иметь собственные органы управления, выборные ассамблеи, обеспечивавшую свободу слова и неприкосновенность прав. В 1816, 1817 и 1819 гг. царь подписал указы, освобождавшие крепостных крестьян последовательно в Эстонии, Курляндии и Ливонии. 15 марта 1818 г. в своей речи на открытии польского Сейма Александр сказал, что положение в стране позволило без промедления установить тот порядок, который он вводит, осуществляя на практике принципы либеральных установлений, которые с Божьей помощью он распространит на все земли, которые Провидение поручило его заботам.

Значило ли это, что царь стремился осуществить на практике принципы, которые он проповедовал в молодости? Он высказал пожелание обеспечить справедливость, отменить крепостное право, предоставить каждому гражданские права и политические свободы. Александр освободил сосланных в Сибирь поляков, вернул им имущество и заверил, что «время преследований прошло». Он создал Государственный совет и приказал составить проект конституционной хартии. Ливонским дворянам он сказал, что только либеральные принципы могут обеспечить счастье народов. Однако на этом пути

он ограничился полумерами, отдалился от друзей из «Негласного комитета», подверг опале Сперанского, отправил в архив памятную записку будущего посла Киселева о постепенной отмене крепостного права в России, похоронил проект конституции для Российской империи, разработанный комиссией Новосильцева. Вспыхнувшие во многих странах народные восстания, революция в Испании, убийство царского агента Коцебу положили конец либерализму Александра.

Забыв сказанные им слова о либеральных принципах, на которых только и может основываться счастье народов, Александр запретил в 1822 г. масонские ложи и тайные общества. Строгий надзор был установлен за печатью и литераторами, шестью университетами и всей системой образования. Среди прочих книг были запрещены *«Политика»* Аристотеля, произведения Байрона, *«История революции»* Тьера, *«Размышления»* Ламартина. Многие книги были сожжены.

Вследствие ужесточения надзора в Санкт-Петербургском университете осталось всего 40 слушателей, а в Казанском — 50! Цензура перегораживает дорогу и ничего не пропускает, жаловался Карамзин.

В 1814 г. Александр поручил специальной комиссии «установить спасительное согласие между верой, наукой и властью государства», очистить учебные книги от «всего, что противоречит христианству», убрать оттуда все «досужие вымыслы о происхождении и развитии Земли» и не допускать в медицинских трудах «ничего, что принижает духовную природу человека, внутреннюю свободу и Провидение Божие». Царь даровал личную свободу

крестьянам прибалтийских губерний, но ничего не сделал для улучшения участи крепостных в самой России. Он даже неодобрительно отозвался о дворянах Санкт-Петербургской губернии, освободивших своих крестьян.

28 ноября 1821 г. французский посол в Санкт-Петербурге писал в Париж: «У кабинета нет никакого определенного направления. Его система, планы, решения не четки, изменчивы и непостоянны, как характер и мнения государя, человека самых благородных чувств и чистых помыслов, но теряющегося в обилии деталей... думающего, что сможет подчинить политику и устремления своего века абстрактным и мистическим правилам, составляющим основу его собственного поведения». Обскурантизм торжествовал. Казалось, вернулось время Павла I.

Валишевский упрекал Александра в том, что он пренебрег задачами, ожидавшими его внутри страны, и сосредоточил внимание свое и своих подданных на внешних делах, на том, чем ни он, ни они не имели никаких причин заниматься; он отодвинул в тень и заставил замолчать большинство своих подданных, превратив их в немых и безвольных зрителей.

Александр отвернулся от либеральных настроений и мыслей о реформе, прежде всего во внутренней политике, тогда как внешняя еще несколько лет оставалась под его влиянием. «Забавная смесь!» — назвал это положение Буркен. Вскоре царь, изменчивый и неустойчивый либерал, сжигавший то, чему еще вчера поклонялся, присоединился к суровым репрессивным мерам против других стран, к которым призывал Меттерних. Таким образом, царь проявил свое непостоянство во внутренней и

внешней политике. Он призвал к власти Аракчеева, ставшего его серым кардиналом. Бунты и восстания жестоко подавлялись, стремление к свободе захлебнулось в крови. После смерти царя оказалось, что он не выполнил до конца ни одного из своих обещаний, а крепостные русские мужики не стали жить лучше.

Меттерних проследил эволюцию царя. «Каждый период, — писал он в своих *«Мемуарах»*, — длился примерно пять лет. Император усваивал какую-нибудь идею и вскоре начинал плыть по течению, на которое она его увлекала. Требовалось около двух лет, чтобы идея достигла полного развития и мало-помалу приобрела в его глазах значение системы. Во время третьего года он оставался верным избранной системе, привязывался к ней и с подлинной благожелательностью выслушивал ее защитников и сторонников... На четвертый год, когда становились очевидными возможные последствия, пелена начинала спадать с его глаз. Пятый год являл собой картину бесформенной смеси исчезающей системы и новой идеи, начинавшей зреть в его мозгу. Зачастую эта новая идея была полной противоположностью только что оставленной»[17].

Был ли искренним эфемерный либерализм царя? «Нет!» — отвечает Брянчанинов. Он пишет: «Под влиянием людей и событий царь поменял свой ярко-красный цвет на молочно-белый; другими словами, его либерализм и гуманные чувства были лишь видимостью. В глубине своего существа он был сторонником абсолютизма, внушившим себе радикальные идеи»[18]. Чарторыйский высказался не менее жестко: «Императору нравились внешние формы свободы, как нравятся красивые зрелища, ему нра-

вилось, что его правительство внешне походило на правительство свободное, и он хвастался этим. Но ему нужны были только наружный вид и форма, воплощения же их в действительности он не допускал»[19].

Посол Франции Ляферроней писал в Париж: «Мне с каждым днем становится все труднее понять и распознать характер императора. Я не думаю, чтобы можно было лучше, чем он, выучиться говорить на языке откровенности и верности. Разговор с ним всегда оставляет самое благоприятное впечатление, и вы покидаете его убежденным, что этот правитель соединяет в себе прекрасные качества настоящего рыцаря с чертами великого государя, человека умелого и очень энергичного. Его рассуждения безупречны, доводы убедительны, он изъясняется с выразительностью и жаром убежденного человека. И что же? В конечном счете опыт, история его жизни и то, что я вижу каждый день, предостерегают вас: не верьте. Многочисленные проявления слабости доказывают, что энергии, которую он вкладывает в свои слова, нет в его характере; с другой стороны, этот слабохарактерный человек может вдруг почувствовать прилив энергии и возбуждения, достаточный, чтобы принять самые жестокие решения с непредсказуемыми последствиями. Наконец, император чрезвычайно недоверчив и подозрителен, что свидетельствует о слабости, которая представляет собой тем большее зло, что этот государь в полном смысле слова (по крайней мере я так считаю) является самым честным из известных мне людей; ему часто случается совершать зло, но он всегда желает делать добро».

Чарторыйский отмечал в своих *«Мемуарах»*: «В продолжение всего своего царствования он страдал парадоманией, этой специфической болезнью государей, благодаря которой, будучи на троне, терял много драгоценного времени и которая мешала ему в его юные годы плодотворно работать и приобретать необходимые знания»[20]. Чарторыйский слишком сурово судил царя, ибо этот противоречивый и странный государь часто предпочитал скромность и простоту, ужасаясь той пышной роскоши, которую обожала его мать, но, так же как и он, не переносила его жена. Вот несколько фактов в подтверждение сказанного.

Вскоре после коронации Александр отправился в Вильно. На некотором расстоянии от города его встретили представители властей и горожане, собиравшиеся на себе тянуть его карету дальше. Царь воспротивился этому, не желая низводить своих подданных до положения скота. Графиня Шуазель написала тогда: «Я увидела человека исключительно любезного, не очень импозантного, заставлявшего забыть о его положении; я никак не могла привыкнуть к его подчеркнуто любезному, почтительному, уважительному обхождению».

Как-то царь ехал по пригороду в карете и увидел выходившего из церкви старого священника. Он остановил лошадей, соскочил на землю, с почтением поцеловал крест, а затем руку старика.

После сражения при Аустерлице Александр отказался от пожалованного ему Сенатом высшего ордена Св. Георгия, считая, что не заслужил такой награды. После победы над Наполеоном делегация от Синода, Государственного совета и Сената умоляла царя принять титул *«Благословенного»* и разрешить

возвести в Санкт-Петербурге памятник ему с такой надписью: «Александру Благословенному, Императору Всей Россіи, великодушному возстановителю Европейских держав, благодарная Россія»[21]. Царь отказался от этой чести в указе, где были и такие слова: «Да соорудится мне памятник в чувствах ваших, как оный сооружен в чувствах моих к вам! Да благословляет меня в сердцах своих народ мой, как я в сердце моем благословляю оный! Да благоденствует Россия, и да будет надо мною и над нею благословение Божие!»[22].

Незадолго до отъезда из Лондона в Россию царь написал петербургскому главнокомандующему генералу Вязьмитинову: «Оповещенный о приготовлениях к моему приему по возвращении и всегда испытывая отвращение к таким видам почестей, я считаю их сегодня более, чем когда-либо, излишними. Только Бог Всемогущий свершил события, положившие конец кровавой войне в России. Мы все должны пасть ниц перед его волей. Извольте поэтому сообщить о моем твердом повелении прекратить всякие приготовления и устройство церемоний к нашему приезду относящиеся. Пошлите губернаторам областей приказ ни под каким предлогом не удаляться от их губернских городов. Я возлагаю на Вас ответственность за исполнение этого приказа!».

Александр любил путешествовать инкогнито, без свиты, и охотно завязывал разговоры с незнакомыми людьми. Будучи человеком очень щедрым, он раздавал при этом деньги, а также драгоценности, табакерки, кольца, броши.

* * *

Милюков писал об Александре: «Царь не мог согласиться с реформой, ограничившей бы его личную власть... Его либерализм был поверхностным. Его мягкость была лишь тактической уловкой, и под маской благожелательности скрывалось презрение и недоверие к людям... За такую двойственность ему пришлось расплачиваться: вынужденный скрывать свои мысли, носить маску на своем прекрасном челе, Александр обрек себя на полное душевное одиночество, постепенно затянувшее его существо апатией и заволокшее туманом лучезарные мечты его молодости»[23].

По словам Вандаля, Наполеон воплощал действие, Александр — мечту[24].

Подобные суждения кажутся нам чрезмерно суровыми. Да, Александр часто казался нерешительным, сомневающимся до такой степени, что впадал в смятенное состояние духа, но он выбирал, на его взгляд, самую верную и наиболее соответствующую интересам России линию поведения и следовал ей наперекор всем и вся: он заключил Тильзитский договор, несмотря на противодействие семьи, двора и общественного мнения; после захвата Москвы Наполеоном он отказался рассматривать даже возможность заключения мира, о чем его упорно просили мать, брат Константин и многие генералы; он продолжил борьбу, перенеся военные действия за пределы России. Одержав победу, он проявил до тех пор несвойственную ему независимость мышления и твердость воли; народ почувствовал в нем вождя и восторженно его приветствовал; от Сены до Вислы, как писал Сорель, отчаявшиеся люди связывали с ним надежды на мирное, справедливое, свободное будущее.

Его недоброжелатели недооценивали сложность обстоятельств, в которых действовал Александр I. Шведский посол Стединг так писал об этом своему королю: «У этого государя, безусловно, наилучшие намерения, однако ему нужно проявить недюжинную изворотливость, чтобы не попасть в расставленные ловушки».

В то бурное время, когда сталкивались прямо противоположные политические воззрения, когда рекою лилась кровь, все слои русского общества, и особенно дворяне, собственники, выступали против реформ. В царствование Александра редко случалось, чтобы общественное мнение было на его стороне. Даже Карамзин, один из самых образованных умов той эпохи, писал царю, что России нужны 50 умных и честных губернаторов и все будет чудесно! Одна из главных причин недовольства русских людей, по его словам, состояла в чрезмерной любви нынешнего правительства к государственным реформам, потрясающим основы Империи и до сих пор сомнительным в своей полезности[25].

Еще 26 июня 1801 г. посол Семен Воронцов писал своему брату, будущему канцлеру: «Проводить существенные преобразования в самой обширной Империи Вселенной, среди 30-миллионного населения неподготовленной к этому, невежественной и развращенной нации — значит неизбежно вызвать возмущение в стране, вести к падению трона и распаду Империи... Такое предприятие готовит [царю] участь Людовика XVI, а России — неминуемую анархию».

В одном из писем Лагарп писал: «Русские должны повиниться в том, что не оказали поддержки добрым намерениям [Александра I]. Я не знаю и

десяти человек из высшего общества, которые бы его понимали».

Адъютант Александра генерал Данилевский отмечал в своем *«Дневнике»* осенью 1815 г.: «Царь хотел дать нам [гражданские] права, но никто его не понял. Более того, число недовольных росло с каждым днем».

Нельзя забывать, что большинство населения России того времени составляли крепостные крестьяне и лишь малая часть из них была грамотной. *Дворяне* же и *чиновники* и слышать не хотели ни о каких реформах.

* * *

У Александра было три страсти: парадомания, Мария Нарышкина и дипломатия. Полностью он преуспел лишь в третьей. Он блистал на Венском конгрессе во время ожесточенных дебатов о Польше и Саксонии. Однако как-то раз очень грубо обошелся с Меттернихом: в приступе ярости резко обвинил его в «бунтарском поведении», как будто глава австрийской дипломатии был его подданным! Александр даже бросил свою шпагу на стол, словно собирался вызвать Меттерниха на дуэль!

Александр дал очень либеральные обещания Польше, однако назначил главнокомандующим польскими войсками своего брата Константина, не любившего эту страну, а вице-королем вместо блестящего князя Чарторыйского незначительного человека. Весной 1812 г., когда «Великая армия» шла на Россию, Александр со слезами на глазах говорил генералу Лористону о неизбежном разрыве с Францией. Но в тот же день признался Чарторыйскому, что надеется скоро войти в Варшаву. Великий ис-

куситель, виртуозно умевший вызывать людей на доверие, царь был, по выражению Сперанского, «настоящим чародеем».

«Я ничего не понимаю в политике, — охотно говорил царь. — Я только солдат... Я не выношу гражданских и люблю только военных». Точнее, он обожал все «военное». Отец оставил ему четырех адъютантов, а через несколько лет у Александра их было уже 50! В 1815 г. он по-прежнему не мог похвастаться ни одной победой, одержанной под его непосредственным командованием, однако без тени улыбки заявил генералу Вольцогену: «Мы еще посмотрим, кто — я или Шварценберг — был самым крупным военачальником во время последних кампаний!». Он одинаково ревниво относился к славе и Веллингтона, и австрийского генералиссимуса. Не имея никакого боевого опыта, Александр перед Аустерлицким разгромом давал указания, прямо противоположные приказам генералиссимуса. «С капризным упрямством беременной женщины он стремился лично командовать армией», — говорил Чарторыйский, а Строганов иронизировал: «Не могу не отметить, насколько запутанны мысли нашего дорогого императора».

На заседаниях штаба Александр проявлял себя то медлительным и нерешительным, то строгим и суровым, тратил время на бесплодные дискуссии и отдавал приказы о проведении изнурительных учений. Историк и генерал Шильдер писал: «Пик парадомании императора был отмечен следующим случаем: в 1817 г. он провел день престольного праздника на главной квартире первой армии в Могилеве. Присутствуя на учениях конной артиллерийской роты под командованием подполковника

Тебенкова, царь остался так доволен, что подарил каждому унтер-офицеру 50 рублей, а каждому солдату 25 рублей, что было невиданной щедростью, ибо даже за Бородинское сражение солдаты получили только по 5 рублей»[26].

Суровые военные порядки, установленные Павлом I при гатчинском дворе, на всю жизнь наложили отпечаток на Александра. Гете понимал это, когда говорил: «Человек не может избавиться от своих первых детских впечатлений; это может зайти так далеко, что даже несовершенные вещи, окружавшие его в эти годы и ставшие привычными, оказываются так ему дороги, что человек как бы слепнет и не замечает их несовершенства»[27].

На самом деле наш великий стратег, для которого не было лучше места для житья, чем кордегардия, мог бы стать хорошим унтер-офицером. Не стоит забывать, однако, что нерешительный и витавший в облаках царь превратился в твердого и непоколебимого вождя в 1812 г. Он блестяще исполнил главную задачу государей — освободил страну от иноземного порабощения. Клемансо был прав, говоря, что *человек становится сильным, когда знает, что борется за существование своей Родины.*

* * *

Что думали об Александре видевшие его «в деле» современники? Людовик XVIII с иронией называл его «светочем века». Лагарп всегда гордился своим питомцем: «Самые недоверчивые вынуждены признать, что Александр — одно из редких созданий, которые появляются раз в тысячу лет!». На что Чарторыйский ответил в июле 1806 г.: «Царь хочет

делать, что ему заблагорассудится. Он стал нетерпимее, чем когда-либо. Это смесь слабости, нерешительности, страха, несправедливости, бессмыслицы, смесь удручающая и обескураживающая. Судите сами, могу ли я остаться!». Однако Чарторыйский остался и в Совете, и в Сенате...

А что говорит Наполеон? В 1810 г. император французов сказал Меттерниху: «Царь из тех людей, которые привлекают и, кажется, созданы, чтобы очаровывать тех, кто с ними сталкивается. Если бы я был человеком, поддающимся чисто личным впечатлениям, то мог бы привязаться к нему всем сердцем. Но наряду с выдающимися умственными способностями и умением покорять окружающих в нем есть черты, которые я не могу понять. Это нечто я не смогу лучше объяснить, чем сказав, что *во всем ему всегда чего-то не хватает.* Самое удивительное в том, что никогда нельзя предугадать, чего ему не будет хватать в том или ином случае или в данных обстоятельствах, потому что это *нехватающее* разнообразно до бесконечности».

Через два года Наполеон бесцеремонно назвал Александра «византийцем» и «греком времен заката империи». После похода в Россию Александр заслужит от него такие эпитеты: неискренний, лживый, коварный, лицемерный. Только на острове Св.Елены он выскажется об Александре в более доброжелательных выражениях[28].

Глава 14

КОНЕЦ АЛЕКСАНДРА. ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДА

Александр был более мистиком, чем императором...

Краковский

Начиная с 1820 г. Александр много путешествовал по России и Польше, над которой веяли революционные ветры. После жестоких репрессий отношения между Варшавой и Санкт-Петербургом, казалось, улучшились к моменту открытия третьего польского Сейма (13 мая 1825 г.).

Царь ездил днем и ночью, в любую погоду, по ужасным дорогам. Путешествия были утомительными и изнуряющими. Казалось, что Александр не объезжает свои владения, а бежит куда-то, преследуемый невидимым врагом. Что это могло быть? Тревога? Тоска? Ранящее душу воспоминание? Ежегодно служили заупокойную службу в память его отца, Павла I. Еще в 1809 г. царица Елизавета писала матери, что Александр начинал глубоко переживать при приближении этого события, погружаясь в мрачное отчаяние.

Напуганный политическими убийствами и революциями в Европе, царь все больше склонял-

ся к деспотизму и реакции. Он передал бразды правления бывшему военному министру Аракчееву, человеку со своеобразным характером. Современники называли его «гиеной», «бульдогом», «обезьяной в мундире», «проклятой змеей». Аракчеев владел тремя тысячами крепостных, с которыми обращался с небывалой жестокостью. Он подвергал суровому наказанию своих холопок, которые выкидывали или рожали девочек. Пугавшийся по слабонервности всякой опасности, этот офицер мог собственноручно выдрать у солдата усы. «...Как мог жестокий, лично вырывавший усы гренадерам и не могший по слабости нерв переносить опасность, необразованный, непридворный Аракчеев держаться в такой силе при рыцарски-благородном и нежном характере Александра», — спрашивал Л. Толстой[1].

Царь действительно установил обскурантистские, фельдфебельские порядки вместо эры свободы, справедливости и благоденствия, которую обещал в момент восшествия на престол. К концу царствования он отдал на откуп Аракчееву внутреннюю, а Меттерниху внешнюю политику. Но будем справедливы! Аракчеев — свирепый и хитрый, невежественный и спесивый, грубый и жестокий по отношению к подчиненным генерал — вел себя с Александром смиренно и подобострастно, был ему беспредельно предан и очень работоспособен. По свидетельству Грюнвальда, Александр уже не мог без него обойтись, долгое время проводил в имении генерала, а когда обстоятельства их разлучали, обменивался с ним посланиями. Оба они до ужаса боялись сражений, но страстно любили армейские

порядки: парады, марши, учения, шагистику, внутренний устав[2].

Александр, увлекшись примером шведов и австрийцев, приказал генералу организовывать «военные поселения» с двойной целью — сделать солдат из крестьян и землепашцев из служивого люда! Аракчеев полностью отдался осуществлению поставленной задачи. Он посылал полки на жительство в строго определенные сельские районы, жители которых включались в состав войск. Ставшие солдатами крестьяне были обязаны носить мундир даже на полевых работах, стричься наголо и бриться, что приводило в отчаяние староверов, которым религия предписывала предстать в день Страшного суда пред Богом, не сбривая бороды. Каждый солдат помещался вместе с семьей в небольшом доме. Он должен был служить 25 лет и все это время еще и работать в поле. Через три года треть русских солдат была переведена на такую смешанную службу. Чистые поселки, красные домики, офицерские квартиры, школы восхищали Александра. Но вид этот был обманчив. Вот что писал граф Ноайль: «В одной из областей переселение жителей, которые должны были освободить место для солдат, произведено было за 24 часа. Беременные женщины, больные, старики были перевезены более чем за тысячу верст от их очагов. В дороге многие из них умерли».

Солдаты-землепашцы (или крестьяне-воины, как хотите) шли на поля под грохот барабана, трактиры в деревнях были закрыты, дети записывались в солдаты с 7 лет, женились крестьяне по распоряжению. Прошения и жалобы не принимались. Аракчеев с крайней жестокостью подавлял восстания.

Убежденный, несмотря на кровавые мятежи, в успехе этого дела, Александр сказал саксонскому посланнику, что он справлялся с гораздо более трудными вещами и требует, чтобы здесь ему повиновались[3].

Вернувшиеся домой после французской кампании офицеры, завязавшие в Париже тесные дружеские связи в масонских ложах, страдали в России от железной казарменной дисциплины и надзора за их личной жизнью и взглядами. Как и в Германии, Италии, Польше, в России образовалось множество тайных обществ. Кроме сокращения численности войск и срока службы в мирное время для простых солдат, они выступали за отмену крепостного права, за равенство граждан перед законом, гласность в государственных делах и улучшение положения духовенства. Были и такие, которые требовали установления республики и даже преследовали революционные цели. Вот некоторые их названия: *Северное общество, Южное общество, Союз спасения, Союз благоденствия.* Закрываемые тайные общества вновь возрождались под другими названиями. Указом от августа 1822 г. они были запрещены. Однако на следующий год собравшиеся в Киеве представители южных групп, которыми руководил Павел Пестель, заявили, что для продвижения России к республике необходимо полное уничтожение императорской семьи!

Недовольство захватило все слои общества. В то время как единственный и всемогущий фаворит правил по своему произволу, царь был, казалось, занят лишь спасением своей души. «Надо оконча-

тельно отбросить легенду о влиянии Аракчеева на душу Александра; очевидно, что генерал был лишь слепым исполнителем воли царя», — писал Милюков[4]. Это мнение кажется нам обоснованным.

* * *

Несмотря на войны, Россия переживала пору процветания: вследствие навязанной Наполеоном континентальной блокады число заводов увеличилось. Важно отметить, что в начале XIX века около половины заводских рабочих были наемными, а не крепостными. Развитие рынка свободной рабочей силы в промышленности свидетельствовало о социальных переменах, которые мало-помалу расшатывали старый патриархальный строй, основанный на крепостничестве. Эти перемены были бы невозможны без массовой миграции крестьян в города и увеличения численности городского населения, без развития торговли, что влекло за собой постепенный отход от отсталых форм натурального хозяйства[5].

Прогресс в духовной сфере был еще более заметен. Общество интересовалось не только художественной и сатирической литературой, но и политическими и социальными вопросами. Новые журналы публиковали множество статей на эти темы; родилась настоящая журналистика. В литературе обозначились новые направления: Карамзин опубликовал свои городские и сентиментальные повести и составившую литературное явление *«Историю Государства Российского»*.

* * *

В июне 1824 г. Александра постигло большое горе — умерла его 18-летняя дочь от Марии Антоновны Нарышкиной. Царь удалился в имение Аракчеева Грузино, чтобы выплакать там в тишине и одиночестве свое горе. Каждый день в течение двух часов он молился, стоя на коленях, так что его медик даже записал: «На ногах Его Величества образовались обширные затвердения, остававшиеся у него вплоть до смерти»[5]. Уставший, разочарованный, недоверчивый, отрешенный от света, царь жил затворником. Он говорил послу Ляферронею: «Провидение послало мне суровое испытание в этом году. Вера повелевает нам подчиниться, когда рука Божия наказывает нас: страдать не жалуясь — вот что Бог предписывает нам. Я стараюсь смириться и не боюсь показать Вам мою слабость и страдания». Природное бедствие еще более усилило смятение и тревогу в душе царя: осенью 1824 г. страшная буря обрушилась на Санкт-Петербург — Нева вышла из берегов. В наводнении погибло более 500 человек, Зимний дворец был поврежден, а целые жилые кварталы разрушены. Во время большой заупокойной службы кто-то воскликнул: «Бог нас наказал!», на что царь тут же ответил: «Нет, это за грехи мои Он послал такое наказание!». Александр действительно увидел в этом бедствии кару небесную.

* * *

Царь и царица, долгое время жившие раздельно, как чужие, вновь сблизились. В январе 1822 г. Елизавета писала матери: «В это время года в моей

квартире очень холодно, тем более что она отделена от апартаментов императора еще более холодными залами, поэтому он заставил меня, обратившись к моему чувству, занять часть его апартаментов, устроиться в трех комнатах, убранных с изысканной элегантностью. Было умилительно следить за борьбой двух наших прекрасных душ, пока я не согласилась принять эту жертву. На следующий день, от обеда до поздней ночи, я каталась на санях с императором. Потом он захотел, чтобы я расположилась в его кабинете, пока он занимался там своими делами».

Тем временем царица похудела и сгорбилась от болезни, которую врачи никак не могли определить. Она отказалась покинуть Россию и поехать в Италию или на юг Франции, поэтому ей рекомендовали пожить в Таганроге на берегу Азовского моря. По возвращении из Варшавы в 1825 г. Александр решил поехать вместе с женой. Подготовка к путешествию была почти закончена, когда один молодой поручик сообщил царю, что двумя тайными офицерскими обществами готовится покушение на его жизнь. Спокойно воспринявший это известие государь отослал офицера и не пожелал ничего менять в своих планах. «Предадимся воле Божией! — сказал он Голицыну. — Он лучше направит ход вещей, чем мы, слабые смертные!». Александр признался принцу Оранскому: «Я решил отречься и жить как частное лицо».

В сентябре 1825 г., опередив на несколько дней жену, царь выехал в Таганрог. В те дни посол Лебцельтерн писал Меттерниху: «Верховный правитель (Александр I) стремится делать добро, но вид у него хмурый и переменчивый».

23 сентября императорская чета встретилась в Таганроге, где насчитывалось тогда 7 тыс. жителей, и обосновалась в скромном кирпичном побеленном известью домике, совершенно непохожем на их дворцы[7]. То ли под влиянием одиночества, то ли из-за отсутствия привычной роскоши и придворного окружения супруги с каждым днем все более сближались. Они обедали вдвоем, без сопровождения совершали долгие прогулки в коляске, чувствуя себя друг с другом как 32 года назад, после свадьбы...

Их свита состояла из барона Дибича, начальника генерального штаба князя Петра Волконского и его супруги, генерал-адъютанта Чернышева, пяти медиков, двух фрейлин и нескольких младших офицеров. Всего, таким образом, вместе с царем было около 20 человек, не считая охраны.

В один из дней Александр получил плохие новости: любовница Аракчеева, которую тот обожал, была зарезана избитой ею служанкой. Обезумевший от ярости генерал забросил государственные дела и все время проводил на допросах и пытках преступницы и ее действительных или мнимых сообщников. В других срочных донесениях государю сообщалось о заговоре, угрожавшем его жизни. Несмотря на это, он решил возвратиться в Санкт-Петербург только в конце года, не изменяя своих планов: 20 октября 1825 г. он отправился в инспекционную поездку по Крыму в сопровождении графа Воронцова и небольшой свиты. Сначала все шло хорошо, и император с большим интересом путешествовал по югу России. В Карасу-Базаре он помолился на могиле умершей за год до этого г-жи де Крюденер. Несмотря на простуду, он посетил

Севастополь и другие города. Махнув рукой на лечение и не обращая внимания на дувший со стороны Кавказа ледяной ветер, Александр день и ночь проводил в седле и вернулся в Таганрог в сильной горячке. Его силы быстро таяли. В воскресенье 14 ноября к нему срочно вызвали соборного протоиерея Федотова. «Император исповедался, причастился и соборовался»[8]. Из уважения к религии и следуя воле Божией, он согласился принять лекарства, от которых до сих пор отказывался. 17 ноября солнце залило комнату умирающего, который воскликнул: «Как это прекрасно!». Потом бред возобновился и, несмотря на все усилия врачей и то, что царица постоянно сидела у его изголовья, Его Величество Александр I скончался 19 ноября 1825 г. без четверти одиннадцать утра.

Узнав о кончине Александра I и о восшествии на престол Николая I, Меттерних воскликнул: «Роман окончен, начинается история!».

* * *

Медики Джеймс Виллие и Штофреген, лечившие государя, а также князь Петр Волконский и барон Дибич подписали свидетельство о смерти. На следующий день провели вскрытие: медики нашли тело царя очень здоровым, однако из затылочной части черепа вытекло около двух унций венозной крови; левая часть мозга почернела; артерия со стороны левого виска слиплась и как бы переплелась с другим сосудом. Акт вскрытия подписали девять медиков и генерал-адъютант Чернышев, затем тело было набальзамировано, одето в мундир армейского генерала с орденами и наградами, на руки надели

белые перчатки[9]. Несколько раз во время перевозки тела покойного из Таганрога в Санкт-Петербург, длившейся два месяца, гроб вскрывали и официально подтверждали личность государя. Каждый раз при этом генерал князь Орлов-Давыдов составлял протокол осмотра.

В своем *«Личном дневнике»*, а также в переписке с матерью, маркграфиней Баденской, царица Елизавета описала обстоятельства болезни своего мужа, его смерти и свое горе. На второй день после смерти Александра она писала: *«Наш ангел на небе, а я на земле. Из всех, кто его оплакивает, я самая несчастная.* О, если бы я могла вскоре с ним соединиться!.. Я как во сне, я не могу себе представить, ни понять, зачем я существую. Вот прядь его волос, милая мама. Увы! *Зачем он так страдал?* Теперь на его лице умиротворенное, благожелательное выражение, какое всегда у него было. Он, кажется, соглашается с тем, что происходит вокруг него. Ах, милая мама, как мы все несчастны!..

О Боже мой! Это выше моих сил! Если бы он не ласкал меня, не был со мной нежен *до самых последних мгновений... Зачем мне выпало видеть, как испускает последний вздох это ангельское существо,* которое, уже потеряв способность что-то понимать, еще могло любить!..»[10].

19 ноября князь Волконский писал: «Император более не выходил из коматозного состояния и испустил последний вздох в 10 часов 47 минут. Императрица сама закрыла его глаза и, перевязав челюсть платком, удалилась в свою комнату».

Комнатный слуга Федоров подтверждает своим свидетельством: «После того как ее августейший супруг испустил последний вздох, царица сама за-

крыла ему глаза и стянула челюсть платком, после чего разрыдалась, а затем упала в обморок. Ее унесли в другую комнату».

Царица Елизавета писала из Таганрога Лагарпу: «Быв счастлива ехать с ним в те дальние страны, пребывание в коих он считал столь полезным для моего здоровья, могла ли я предвидеть, что он сделается жертвою своей деятельности и своего рвения. Быстрые успехи южных губерний привязывали его и занимали; он слишком утомился, объехав Крым, но не принял надлежащих предосторожностей для своего здоровья в этом климате, опасном самой красотою своею, и он вывез первые признаки той жестокой, быстрой болезни, которая его сразила. Он не довольно ценил свою жизнь, это единственный упрек, которого он заслуживал. Я считала своим долгом сообщить все эти подробности его старейшему другу, и я нахожу утешение, говоря с Вами о нем. Вместе с Вами я сожалею о разделяющем нас расстоянии, тогда как мы бы хотели сообщить друг другу искреннюю, глубокую скорбь, которая тяготит над нами и которая не прекратится до конца дней наших»[11].

Когда через шесть недель после кончины прах царя был отправлен из Таганрога в Санкт-Петербург, царица Елизавета написала следующее: «Все земные связи между нами прерваны. Те, что объединят нас перед лицом вечности, будут другими. Подружившись в детстве, мы вместе шли тридцать два года и были рядом во все периоды его жизни. После частых разлук мы вновь находили друг друга. Выйдя наконец на истинный путь, мы вкушали сладость нашего союза. И в этот момент его *у меня отобрали*».

Собравшиеся в Царском Селе члены императорской семьи присутствовали при вскрытии гроба и были поражены чернотой лица покойного, но вдовствующая императрица Мария Федоровна воскликнула: «Я его хорошо узнаю: это мой сын, мой дорогой Александр! О, как он похудел!..».

Погребение было совершено 13 марта в Петропавловской крепости.

После отправки траурного поезда императрица Елизавета еще какое-то время оставалась в Таганроге, вероятно, по настоянию врачей. Она высказала там свое последнее желание — спокойно, в уединении дождаться назначенного ей Богом конца. Она скончалась 4 мая 1826 г. в Белеве по дороге в Санкт-Петербург.

* * *

В жизни Александра было слишком много изломов, загадок и противоречий, чтобы его скоропостижная смерть в маленьком южном городке за тысячи верст от столицы не вызвала подозрений. И действительно, скоро пошел слух, что царь не умер, а сел ночью на английский корабль, отплывавший в Палестину, на родину Христа. Говорили также, что из Таганрога в столицу торжественно доставили труп солдата, забитого четырьмя (а может быть, и пятью) тысячами палочных ударов, со сломанным позвоночником, и даже тело скончавшегося незадолго до этого кучера... Более того, утверждали, что 18 ноября 1825 г. ранним утром накануне смерти царя стоявший на часах солдат видел человека высокого роста, пробиравшегося вдоль стены таганрогского дома, где жил Александр. Солдат уверял

начальника караула, что это был царь! «Ты с ума сошел, — ответил офицер, — наш император лежит при смерти!».

Эти потрясающие известия настолько взбудоражили Россию, что власти Москвы и Санкт-Петербурга приняли меры предосторожности при встрече траурного поезда: войска, которым была придана артиллерия, охраняли ворота Кремля и въезд в Царское Село.

* * *

Прошло десять лет. В царствование Николая I, сына Павла I, смуты внутри страны и войны отвлекли внимание от судьбы Александра. Однако осенью 1836 г. произошел любопытный случай: однажды вечером в маленькой деревне в Пермской губернии на границе Урала, у дома кузнеца, остановился всадник на белом коне — человек очень высокого роста, благородной осанки, скромно одетый, на вид примерно 60 лет. Любопытный кузнец о чем-то его спросил, но незнакомец не ответил. Прибежали соседи, но также ничего не добились. Местный стражник отвел незнакомца к судье. Там он заявил, что зовут его Федором Кузмичом, что у него нет ни семьи, ни денег, ни дома. Он был приговорен к 20 ударам плетьми за бродяжничество и попрошайничество и к ссылке в Сибирь.

С этапом он был отправлен в Томскую губернию, где 5 лет работал на винокурне, а затем, спасаясь от людского любопытства, переезжал с места на место. Повсюду с ним обращались с большим почтением — настолько поражало его сходство с Александром I. Увидевший его однажды старый солдат

закричал: «Царь! Это наш батюшка Александр! Так он не умер?» — и бросился к ногам *старца*. Поползли тысячи слухов: на столе у него якобы видели подлинник брачного контракта царя, почерк его был, как у Александра, на стене висела икона с буквой «А» и императорской короной. Более того, он тоже был немного глуховат! Очень образованный, говоривший на нескольких языках, старец давал дельные советы крестьянам и прекрасно учил их детей. Жившие в тех краях или бывшие проездом епископы, монахи, военные, гражданские чиновники приходили к нему и оказывали знаки величайшего почтения *старцу*. Вскоре общее мнение сошлось на том, что Федор Кузмич был внуком Екатерины II, сыном Павла I. Однако когда его спрашивали о происхождении или о прошлом, он прерывал собеседника и с улыбкой говорил: «Я лишь воробышек, перелетная птичка!».

Тем не менее этот странный «воробышек» охотно рассказывал о кампании 1812 г. и особенно о вступлении русских войск в Париж. Однако он совершал любопытную ошибку: по его словам, слева от царя Александра тогда скакал на коне Меттерних, хотя глава австрийской дипломатии не присутствовал на этой памятной церемонии и прибыл в Париж только через несколько дней. Если бы, как говорили, Федор Кузмич действительно был Александром I, то он, конечно же, вспомнил бы, что при вступлении армии в Париж 31 марта 1814 г. справа от него был прусский король, а слева генерал Шварценберг.

20 января 1864 г. Федор Кузмич скончался, так и не назвав своего настоящего имени, и был похо-

ронен в одном из монастырей под Томском. На его могиле поставили крест с надписью: «Здесь покоится прах *великого и благословенного старца* Федора Кузмича». Впоследствии титул «Благословенного», данный царю за победу над Наполеоном, был стерт по приказу томского губернатора. Изучив несколько записок *старца*, графологи утверждали, что его почерк был очень похож на почерк государя. Александр III, внук Александра I, хранил портрет Федора Кузмича в своем рабочем кабинете.

С каждым днем в России росло число людей, уверенных, что покойный отшельник был Александром I, а сами томичи в этом даже не сомневались. Возникли и другие слухи — будто бы смерть царицы Елизаветы тоже была подстроена и она, как и ее муж, скрылась от мира. Однако никто не мог сказать, куда она направилась и кем был подменен ее прах в захороненном в Санкт-Петербурге гробу.

Приведем еще один связанный со всем этим факт: между 1897 и 1902 гг., то есть через 72 —77 лет после смерти (или исчезновения) 48-летнего Александра I, в Сингапуре объявился очень старый человек, называвший себя *Prince Alexander Tsar*. Иными словами, сыном Александра I. Если верить этому, то получается, что в течение более чем 70 лет ничего не было известно о рождении этого ребенка у царя.

* * *

Невозможно привести мнения всех историков, изучавших жизнь Александра I, о так называемой подмене праха царя в Таганроге. Ограничимся лишь несколькими цитатами.

В своей *«Истории России»* Брянчанинов высказывается очень осторожно: *«Как говорят,* Александр умер через десять дней после возвращения [в Таганрог]», хотя в книге *«Александр I»* он определеннее отвергает эту «легенду»[12]. Дальний родственник Александра I, великий князь Николай Михайлович, хоть и нерешительно, но все же признает некоторое правдоподобие этой истории.

Посол Франции в России Морис Палеолог писал по этому поводу: «Главный биограф Александра, получивший от венценосного племянника, Николая II, дозволение исследовать секретные архивы дома Романовых, вначале признавал совпадение личности Федора Кузмича и Александра. И вдруг под надуманными, неубедительными предлогами он отказался от своего мнения, как будто подчиняясь полученному сверху приказу». Сам Палеолог «скорее был склонен считать, располагая доступными в то время данными, что появление Федора Кузмича не имело ничего общего с таганрогской трагедией», прибавляя при этом, что «кончина царя окружена непроницаемой тайной»[13].

Краковский писал по поводу так называемой подмены: «Неизвестно, идет ли речь о простой легенде. Мы не можем брать на себя смелость делать какие-нибудь окончательные выводы».

Князь В. Барятинский отважился утверждать: «По-моему — император Александр I не умер в Таганроге, а удалился от мира и скончался в 1864 году в образе Федора Кузмича... В этом я убедился, изучая доводы и документы противников такой точки зрения»[14].

Грюновальд отмечал в предисловии к книге *«Александр I»*, что конец [этой трагической судь-

бы] окутан непроницаемой завесой тайны"[15]. Далее он писал: «За исключением княгини Надежды Петровны, вынесшей из внимательного изучения переписки императрицы Елизаветы убеждение, что Александр действительно скончался в Таганроге, все остальные члены бывшей императорской семьи склонны отождествлять Александра I и Федора Кузмича. Мы доподлинно знаем сегодня, что великий князь Николай Михайлович... действовал против своих убеждений, приняв официальную версию смерти своего двоюродного деда. В личном разговоре с великим князем Дмитрием и другими друзьями он признавался (как это сделал и лучший историк той эпохи генерал Шильдер), что в данном случае он подчинился прямому приказанию правившего тогда царя».

* * *

Скончался ли царь Александр I в ноябре 1825 г. в Таганроге или под его именем похоронили другого человека? Был ли царем возникший из ниоткуда осенью 1836 г. Федор Кузмич? Внимательно изучив эти вопросы, мы ответим просто: тайна еще не разгадана. Тем не менее мы склонны принять официальную версию смерти царя в Таганроге, опираясь на следующие, пока не опровергнутые факты:

1. В своем *«Личном дневнике»*, а также в письмах матери, маркграфине Баденской, и Лагарпу царица Елизавета описала обстоятельства болезни и смерти мужа, ее горе и желание присоединиться к нему в загробном мире.

2. Свидетельство о смерти Александра I было подписано лечившими его медиками Джеймсом

Виллие и Штофрегеном, а также его генерал-адъютантами Волконским и бароном Дибичем.

3. Перед бальзамированием тело государя подверглось вскрытию, протокол о котором был подписан девятью медиками, а затем генерал-адъютантом Чернышевым.

4. При перевозке тела из Таганрога в Санкт-Петербург гроб открывали несколько раз и личность царя удостоверяли. Каждый раз генерал граф Орлов-Давыдов составлял соответствующий протокол.

5. В Санкт-Петербурге царица-мать без колебаний узнала своего сына. Насколько мы знаем, ни один из присутствовавших членов императорской семьи не высказал сомнений по этому поводу.

Утверждение, что царь не умер в Таганроге, означало бы, что его супруга, мать, адъютанты и медики разыгрывали неизвестно с какой целью зловещий спектакль. Как можно поверить в то, что с момента исчезновения Александра I и до появления 11 лет спустя *старца* Федора Кузмича император мог где-то прятаться и жить неузнанным? Более того, выходит, что все правившие после Александра I государи — Николай I, Александр II, Александр III, Николай II — молча сносили то, что какой-то неизвестный солдат, наряженный в мундир с царскими регалиями, покоился рядом с прахом Петра Великого, императрицы Елизаветы II, Екатерины Великой? Трудно поверить, что они могли терпеть подобное святотатство.

В своей книге об Александре I Пьер Рен делает такой вывод: «В последнем томе *«Переписки императрицы Елизаветы»*, а также в статье, опубликованной в *«Еженедельном журнале» 2 ноября 1907 г., великий князь Николай подробно иссле-*

дует этот вопрос и доказывает ложность легенды». В 1907 г. Лев Толстой писал: «Пускай исторически доказана невозможность соединения личности Александра и Козмича, *легенда остается во всей своей красоте и истинности»*[16].

Пусть так! Легенда может быть красивой, очень красивой, волнующей, но это только легенда!

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

1. Желающих подробнее узнать о детстве и юности Павла мы отсылаем к главе XII нашей книги «Екатерина II» (V a l l o t t o n H. Catherine II. Paris, 1955).

2. С 25 апреля 1774 г. по 20 октября 1796 г. Екатерина II собственноручно написала 237 писем французскому писателю Гримму, составивших том в 700 страниц. С апреля 1795 г. она раз в три месяца посылала в Париж курьера, отвозившего ее послания — письма и привозившего ответы. Екатерина рассказывала в письмах о своей жизни, о внуках, о путешествиях, «ссорах» с иностранными послами, победах над шведами, турками и т.д.

Екатерина II — Гримму. Петергоф; 29 июня 1776 г. *(Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1878. Т.23, с.49).

3. Детьми Павла и Марии Федоровны были: царь Александр I (1777 — 1825); Константин, наместник Королевства Польского (1779 — 1831); Александра (1783 —1801); Елена (1784 — 1803); Мария (1786 — 1859); Екатерина, королева Вюртембергская (1788 — 1819); Ольга, умершая в младенчестве; Анна, королева Нидерландов (1795 — 1849); царь Николай I (1796 — 1855); Михаил (1798 — 1849).

4. Екатерина II — Гримму, 14 декабря 1777 г. *(СбИРИО. Т.23, с.72).

---

* Отмеченные * ссылки на источники даны справочно-информационным центром издательства.

5. Молодые князья Адам и Константин Чарторыйские прибыли в Санкт-Петербург, чтобы добиться отмены конфискации имущества своей семьи, приказ о которой был дан Екатериной II. Царица прежде всего потребовала их вступления в русскую армию. См.: *«Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I». М., 1912. Т.1, с.44.

6. *Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т.140. Дипломатическая переписка французских представителей при дворе императрицы Екатерины II. I. 1762 — 1765. СПб., 1912 , с.391.

7. (В сборниках РИО этого письма нет. Автор сноску на французский источник не дает. — *Ред.).*

8. Екатерина II — Гримму, 14 июля 1779 г. *(СбИРИО. Т.23, с.152).

9. Екатерина II — Гримму *(СбИРИО. Т.23, с.156, 176, 205, 214, 279, 336 — 337).

10.*Л а н ж е р о н А. Ф. Кончина императора Павла I. СПб., 1862.

11. Александр — Лагарпу *(Сборник Русского Исторического Общества. СПб., 1870. Т.5, с.4, 4 — 5, 7).

12. В августе 1791 г. она говорила о 20 тыс. человек послу Швеции Стедингу.

13. Екатерина II — Гримму *(СбИРИО. Т.23, с.550).

14. *Мемуары Кн. А.Чарторижского. М., 1912. Т.1, с.45.

15. Екатерина II — Гримму *(СбИРИО. Т.23, с.400).

16. *П р о т а с о в А. Я. О юности Александра I. Лейпциг, 1862, с.21 — 22.

17. В мае 1799 г. Елизавета родила девочку, которая умерла 27 июля 1800 г. В феврале 1808 г. она потеряет свою вторую дочь, пятнадцатимесячную Лизаньку. Детей у нее больше не будет.

18. Александр I — Лагарпу, 15 июля (без года). *(СРИО. Т.5, с.12 — 13).

19. *Ш и л ь д е р Н. К. Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т.1, с.107.

20. L a v a t e r - S l o m a n M a r y. Catherine II et son temps. Paris, 1952, p.378.

21. Александр — Лагарпу *(СРИО. Т.5, с.18 — 19, 22, 23 — 24, 24 — 26, 27 — 28).

22. См.: *С е г ю р Л. Ф. Записки гр.Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины. СПб., 1865.

23. Александр I — Виктору Кочубею, 10 мая 1976 г.*(Исторические документы из времени царствования Александра I. Лейпциг, 1880, с.78 — 79).

24. Константин — Лагарпу *(СРИО. Т.25, с.52, 53).

25. Константин — Лагарпу, 5 октября 1790 г. *(СРИО. Т.5, с.55 — 56).

26. Константин — Лагарпу *(СРИО. Т.5, с.70).

27. О разводе было объявлено лишь в 1820 г. Образованная, развитая, с живым характером принцесса долго жила в деревне Эльфенау (кантон Берн) и закончила свои дни в Буасьере, близ Женевы.

28. В 1797 г. Густав IV женился на Фредерике Доротее Вильгельмине, дочери наследного принца Баденского. В 1808 г. он потерял Финляндию, захваченную русскими. Затем был арестован в Стокгольмском королевском замке, через год низложен Сеймом, изгнан, нашел убежище в Базеле и стал гражданином этого города под именем полковника Густавсона. В 1812 г. развелся. В 1828 г. обосновался в Санкт-Галлене, где и умер 8 февраля 1837 г. одиноким, опустившимся, сломленным. Его бывшая супруга скончалась в Лозанне в 1826 г.

29. См.: Екатерина II — Гримму *(СбИРИО. Т.23, с.592).

Глава 2

1. См.: *Федор Головкин. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания и анекдоты. М., 1912, с.455.

2. Осыпав милостями и назначив Ростопчина членом иностранной коллегии, Павел I внезапно разжаловал его в 1801 г. Ростопчин уехал в свое имение Вороново около Москвы и был впоследствии, в 1812 г., назначен генерал-губернатором Москвы Александром I. Там мы с ним и встретимся вновь.

3. *Шильдер Н. К. Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т.1, с.162.

4. *Мемуары Кн. А.Чарторижского. М., 1912. Т.1, с.114.

5. Mouravieff B. La Monarchie russe. Paris, 1962, p.128 sqq.

6. Цены на крепостных значительно различались: оказавшиеся «без средств» помещики продавали крестьянок за 10 руб., однако хороший повар мог стоить до 2500 руб.

7. *Михайлов О. Н. Суворов. М., 1980, с.354.

8. В 1722 г., после трагической смерти своего сына Алексея, Петр I издал закон, позволявший царю по своему усмотрению назначать престолонаследника и отзывать его в случае неудачного выбора. Это позволило Елизавете Петровне лишить в 1741 г. трона несчастного Ивана VI и заменить его сыном своей сестры, принцем Фридрихом Гольштейн-Готторпским, будущим Петром III, мужем Екатерины II, убитым в Ропше в 1762 г., еще до Ивана VI (1764 г.).

9. См. *Цареубийство 11 марта 1801 г. Записки участников (Саблукова и др.). СПб., 1908.

10. Первый заговор в 1799 г. братьев Зубовых и Панина был безрезультатным (Grunwald C. Alexandre Ier, le tsar mystique. Paris, 1955, p.48 bas et

B r i a n - C h a n i n o v. Alexandre Ier. Paris, 1934, p. 16 sqq).

11. Mémoires du prince Adam Czartoryski. Paris, 1887. T.1, p. 234 — 235.

12. По рассказу Чарторыйского, первым в комнату Александра вошел Николай Зубов, взъерошенный, возбужденный вином и только что совершенным убийством, в смятой одежде. Он сказал: «Все сделано, Государь!» Тогда Александр впал в самое жестокое отчаяние (*Мемуары Кн. А.Чарторижского. Т.1, с.22). По словам Грюнвальда, Пален застал Александра «одетым в парадный мундир, они сидели обнявшись с Елизаветой и горько плакали...»(G r u n w a l d C. Alexandre Ier. Paris, 1955, p.505). Такую же версию излагает Федор Головкин, опираясь на рассказ лейб-медика Роджерсона (G o l o v k i n e. La cour et le règne de Paul Ier. Paris, 1905, p.284).

13.(По вступлении на престол своих предков, 12 (24) марта 1801 г., император Александр повелел обнародовать следующий манифест: «Судьбам Вышняго угодно было прекратить жизнь Любезнейшаго Родителя Нашего, Государя Императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-е число сего месяца. Мы, восприемля Наследственный Императорский Всероссийский престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом Нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великия, коея память Нам и всему отечеству вечно пребудет любезна...») *(Б о г д а н о в и ч М. И. История царствования Императора Александра I и Россия в его время. СПб, 1869. Т.1, с.45 — 46).—*Ред.*

14. P a l é o l o g u e M. Alexandre Ier. Un tsar énigmatique. Paris, 1937, p.5.

15. W a l i s z e w s k i K. Le règne d'Alexandre Ier. Paris, 1923, p.23.

16. A l e x a n d r o v V. Les mystères du Kremlin. 1000 ans d'histoire. Paris, 1960, p.228.

Глава 3

1. *К а р а м з и н Н. М. По его сочинениям, письмам и отзывам современников (Материалы для биографии с примечаниями М.Погодина). М., 1866. Ч.1, с.319).

2. *Д е р ж а в и н Г. Стихотворения. М., 1958, с.313.

3. *Мемуары Кн.А.Чарторижского. М., 1912. Т.1, с.256.

4. Последнее письмо Александра Лагарпу датировано 13/24 октября 1796 г.

5. Александр — Лагарпу *(СРИО. Т.5, с.29 — 31).

6. Впоследствии Чарторыйский станет министром иностранных дел, Новосильцев — министром юстиции, а Строганов — министром внутренних дел.

7. B o u r q u i n. Histoire de la Sainte-Alliance. Genève, 1954, p.337.

8. Милюков в своей «Истории России» перечисляет многочисленные указы, изданные в начале царствования (M i l i o u k o v. Histoire de Russie. Paris, 1932, vol.II, p.659 — 660).

9. *Мемуары Кн. А.Чарторижского. Т.1, с.307 и т.д.

10. *СбИРИО. Т.70. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона. Т.1 (1800 — 1802). СПб., 1890, с.553.

11. Александр — Лагарпу, 14 июля 1803 г.

12. Длинное письмо, помеченное 22 апреля 1803 г. *(см.: Афанасьев Г. Е. Наполеон и Александр. Причины войны 1812 года. Киев, 1912, с.4).

13. Correspondance de Napolèon Ier. Paris, 1861. T.8, p.7.

14. Bignon L. Histoire de France depuis le 18 Brumaire jusqu'à la paix de Tilsit. Paris, 1830. T.3, p.435 — 436.

15. *Мемуары Кн. А.Чарторижского. Т.1, с.260.

Глава 4

1. Эти инструкции от 11 сентября 1804 г. (18 печатных страниц) можно найти у *Чарторижского А., в «Мемуарах». М., 1912. Т.2.

2. Waliszewski K. Le règne d'Alexandre Ier. Paris, 1923, p. 147.

3. *Мемуары Кн. А.Чарторижского. М., 1912. Т.2, с.113 — 114.

4. *Майков П. М. Записки гр. Л.Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807г. СПб., 1900, с.154.

5. Письма отправлены 9 и 14 марта из замка Финкенштейн (Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1863. T.14, p.410, 440).

6. См.: *Сорель А. Европа и французская революция. Пер. с фр. Т. 7. Континентальная блокада — Великая Империя. 1806 — 1812. СПб., 1908, с.131.

7. Sophie-Marie Gräfin von Voss. Neunundsechzig Jahre am preussischen Hofe. Leipzig, 1887, p.294.

8. Tatistcheff. Alexandre Ier et Napoléon. (1801 — 1812). Paris, 1891, p.615 — 625. См. также: *Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968, с.76.

9. Донесение Лобанова Александру, 21 июня 1807 г. (T a t i s t c h e f f, op. cit. p.140). См. также: B i g n o n L. Histoire de France... Paris, 1830. T.3, p.435 — 436.

10. Благодаря изобретательности и умению французских солдат две лодки были превращены в красиво меблированный домик из двух комнат, в одной из которых императоры должны были встречаться, а другая была предназначена для их штабов (Будберг — Салтыкову, 16 июня 1807 г.).

11. Некоторые свидетели впоследствии говорили лишь о рукопожатии. Однако Тьер, Лефевр и др. упоминают о поцелуе при встрече. См.: Mémoires du Général Bennigsen. Paris, le s.d. T.2, p.229 — 230.

12. Deutsche Rundschau, 1892, z.228. Journal du prince Fr. Louis de Mecklembourg.

13. G r u n w a l d C. Trois siècles de diplomatie russe. Paris, 1945, p.150 sqq.

14. Договор о союзе и дополнительные конвенции были опубликованы Т а т и щ е в ы м в книге «Alexandre Ier et Napoléon», p.615 à 625. См. также: *С о р е л ь А. Европа и французская революция. Т.7, с.154; В а н д а л ь А. Наполеон и Александр I. Т. I. От Тильзита до Эрфурта. СПб., 1910, с.503 — 513.

15. *В а н д а л ь А. Указ. соч. Т. I, с.53.

16. *Т а л е й р а н. Мемуары. «Academia», М. — Л., 1934, с.302.

17. Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1864. T.15, p.372.

18. См.: *С о р е л ь А. Европа... Т.7, с.177.

19. См.: D u c h e s s e d'A b r a n t è s. Mémoires, ou Souvenirs historiques sur Napoléon. Paris, 1831.

20. *С о р е л ь А. Европа... Т.7, с.173.

21. L a s - C a s e s. Le Mémorial de Sainte-Hélène. Paris, 1861. T.1, p.250.

22. См.: Krakowski E. Histoire de Russie. Ed. des Deux-Rives, 1954.

23. Las-Cases, op. cit., p.467.

24. Correspondance de Napoléon I. Paris, 1864. T.15, p.395 — 396.

Глава 5

1. Correspondance de Napoléon I. Paris, 1864. T.15, p.498.

2. См.: *СбИРИО. Т.88. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Т.4 (1807 — 1808). СПб., 1893, с.145 — 146.

3. *Там же, с.265.

4. Савари — Наполеону, 6 августа 1807 г. (Melchior-Bonnet B. Un policier dans l'ombre de Napoléon. Savary, duc de Rovigo. Paris, 1962, p.51).

5. Савари — Наполеону, 9 октября 1807 г. (Tatistcheff. Alexandre Ier et Napoléon. Paris, 1891, p.222, 224 (см. также: *СРИО. Т.83, с.2 — 49, 55 — 92, 97 — 109).

6. Савари — Наполеону, 4 ноября 1807 г. (Tatistcheff, op.cit., p.228).

7. Metternich. Mémoires, documents et écrits divers, publiés par son fils le prince Richard de Metternich. Paris, 1880. T.1, p.59, 223. T.2, p.136 — 137.

8. Tatistcheff. Alexandre Ier et Napoléon, p.237.

9. Савари — Наполеону, 7 декабря 1807 г. (Tatistcheff. Alexandre Ier et Napoleon, p.247).

10. Г-жа Карбонель возьмет развод в 1813 г. и выйдет замуж за Коленкура.

11. C a u l a i n c o u r t A. Mémoires. Paris, 1933. T.1, p.199.

12. Инструкции, данные Коленкуру, сводились к тому, чтобы позволить на все надеяться, но ничего не обещать; можно было говорить самые прекрасные в мире слова, но ничего не оставлять на бумаге (T a t i s t c h e f f, op. cit., p.192 — 193). См. также: *СбИРИО. Т.88. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Т.4 (1807 — 1808). СПб., 1893, с.425.

13. C a u l a i n c o u r t A. Mémoires. Paris, 1933. T.1, p.200. См. также: T a t i s t c h e f f, op. cit., p.276.

14. См.: T a t i s t c h e f f, op. cit., p.192 — 193.

15. Ibid., p.300 — 378.

16. 22 мая 1808 г. папа Пий VII направил следующие наставления епископам стран, присоединенных к Империи: «...Нельзя присягать на верность и послушание самозванному правительству. Такая присяга была бы изменой и вероломством по отношению к законному государю» (*С о р е л ь А. Европа... Т.7, с.236).

17. *Русская старина. Историческое издание. 1899. Апрель. СПб., 1899, с.17, 20, 23.

18. Конвенция между Францией и Пруссией от 8 сентября 1808 г.

19. Recueil des traités de la France. Publié par M. de Clercq. T.2, 1803 — 1815. Paris, 1864, p.270 — 273.

20. T a l l e y r a n d. Mémoires du prince de Talleyrand. Paris, 1891 — 1892. T.5, p.81.

21. *С о р е л ь А. Европа... Т.7, с.302.

22. T a l l e y r a n d, op. cit., p.81.

23. T a t i s t c h e f f, op. cit., p.451.

24. Ibid., p.453 — 454.

25. T a l l e y r a n d. Mémoires. T.5, p.135.

26. *В а н д а л ь А. Наполеон и Александр I. T.I, с.440.

27. R o v i g o. Mémoires du Duc de Rovigo pour Servir à l'Histoire de l'empereur Napoléon. Paris, 1828. T.3, p.465.

28. *Т а л е й р а н. Мемуары. «Academia.» М. — Л., 1934, с.352 — 354.

29. *Там же, с.355.

Глава 6

1. См.: V a l l o t t o n H. Metternich. Les qrandes études historiques. Paris, 1965, chap.11, p.38 — 70.

2. *См.: С о р е л ь А. Европа... Т.7, с.393 — 394.

3. Шампаньи писал Коленкуру: «Сердце Наполеона уязвлено. Поэтому он не пишет императору Александру. Он не испытывает более к нему доверия. Он ничего не говорит, не жалуется, но более не придает значения союзу с Россией... Ведите себя соответственно, кажитесь довольным, но не берите никаких обязательств!..»

4. T a t i s t c h e f f. Alexandre Ier et Napoléon. Paris, 1891, p.514 sqq.

5. Письмо Александра — Екатерине Павловне 6/18 сентября 1809 г. *(Переписка Императора Александра I с сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910, с.25).

6. S v a n s t r ö m e t P a l m s t i e r n a. Histoire de Suède. 1944, p.267, 276.

7. Намерения (а возможно, и чувства) Александра к Польше значительно изменились. Во время двух встреч с Чарторыйским 12 ноября и 26 декабря 1809 г. он дал ему понять, что Польша или должна стать рус-

ской, или исчезнуть (*Мемуары Кн. А. Чарторижского. М., 1912. Т.2, с.197, 200).

8. 9 января 1810 г. епархиальные власти объявили недействительным церковный брак Наполеона с Жозефиной. Груссе назвал женитьбу Наполеона на Марии-Луизе «макиавеллиевским обманом, придуманным Меттернихом». Он прибавляет: «В новом Версале, который Наполеон восстанавливал в Тюильри, только один человек был лишним — Бонапарт...».

9. L a s - C a s e s. Le Mèmorial de Sainte-Hélène. T.2, p.201.

10. K r a k o w s k i E. Histoire de Russie. Ed. des Deux-Rives, 1954, p.250 sqq.

11. *См.: Б о г д а н о в и ч Т. Александр I. 1914, с.44.

12. В 1819 г. он все же будет назначен сибирским губернатором, а в 1821 г. сможет вернуться в Санкт-Петербург.

13. Во Франции должно было стать... 130 департаментов!

14. О настроениях царя Коленкур подробно писал Шампаньи 21 марта 1811 г.

15. Это письмо размером 5 печатных страниц воспроизведено Т а т и щ е в ы м (op. cit., p.547 — 552).
О деятельности Чернышева в Париже см.: *С о р е л ь А. Европа... т.7, с.429.

16. T a t i s t c h e f f. Alexandre Ier et Napoléon, p.570.

17. См.: R a m b a u d A. Histoire de la Russie. Paris, 1918.
Наполеон скажет про Турцию на о-ве св.Елены: «Я мог бы разделить Турецкую империю между собой и Россией; мы много раз говорили об этом. Ее всегда спасал Константинополь. Эта столица была великим препятствием, настоящим камнем преткновения. Россия его хотела прибрать к рукам; я не мог отдать; это был слишком ценный ключ; он один стоил всей импе-

рии, его владелец мог управлять миром...» (L a s-C a s e s. Le Mémorial... T.1, p.312).

Глава 7

1. В декабре 1810 г. в Стокгольме Бернадот дал Чернышеву свое честное слово — не маршала Франции, а королевского принца Швеции — «никогда не выступать против России...» (Донесение Чернышева от 7 декабря 1810 г.; *СбИРИО, т.21, с.1 — 22, 22 — 48, 54 — 56).

2. Три похода — Сюше в Арагон и Каталонию, Массена в Португалию и Сульта в Андалузию — закончились провалом.

3. См.: *К о л е н к у р А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943, с.78.

4. *Наполеон в России в 1812 г. Очерк истории Отечественной войны, составленный по официальным документам, мемуарам, запискам, характеристикам и проч. А.А. Каспари. СПб., 1911, с.68.

5. По «текущему дневнику» Наполеона, между 23 и 26 июня Неман перешли 564 408 солдат «Великой армии». В «Истории России» Рамбо оценивает численность «Великой армии» в 678 тыс. человек (без резервов), из них 356 тыс. французов и 322 тыс. иностранцев. Он пишет: «Если не считать корпусов Макдональда, Шварценберга, Виктора и Ожеро, Наполеон перешел Неман с 290 тыс. человек — из них более половины были французами...» (R a m b a u d A. Histoire de la Russie. Paris, 1918, p.572).

По мнению Мадлена, «Великая армия» насчитывала 392 батальона, 347 эскадронов, в которые входили 397 343 бойца, 98 311 лошадей, 984 орудия, не считая армейскую артиллерию. На левом фланге в ожидании стояли 20 тыс. пруссаков; справа — 34 тыс. австрийцев. В самой империи Наполеон оставил 130 батальонов, охранявших склады, и 120 тыс. не призванных в армию воен-

нообязанных. В Испании у него было 300 тыс. человек. В целом от Мадрида до русской границы численность его войск достигала одного миллиона человек! (M a d e l i n. La catastrophe de Russie. Paris, 1975, p.47 — 48).

Клаузевиц писал: «Согласно Шамбре (французский военный писатель.— *Ред.*), у которого мы заимствовали данные о численности французских вооруженных сил, мы определили численность французской армии при ее вступлении в Россию в 440 тыс. человек. В течение кампании подошли еще с маршалом Виктором 33 тыс. человек, с дивизиями Дюрютта и Луазона — 27 тыс. и других пополнений 80 тыс. человек; следовательно, около 140 тыс. человек. Прочее составляют обозные части» *(К л а у з е в и ц. 1812 год. М., 1937, с.194).

Малинский архиепископ отмечал в докладе, что «варшавская область» выставила «Великой армии» 25 тыс. человек.

6. См.: *К л а у з е в и ц. 1812 год. М., 1937, с.82 — 83.

7.*В е л и к и й к н я з ь Н и к о л а й М и х а й л о в и ч. Император Александр I. СПб., 1912. Т.1, с.513 — 515.

8. Вот наиболее важные даты русской кампании: 23 —24 июня 1812 г. — Наполеон переходит Неман к югу от Ковно; 28 июня — взятие Вильно; 7 сентября — Бородинское сражение; 14 сентября — вступление в Москву; 5 октября — Наполеон напрасно посылает Лористона к царю с целью заключения перемирия; 18 октября — начало отступления; 9 ноября — Наполеон в Смоленске; 28 — 29 ноября — переход через Березину; 5 декабря — Наполеон бросает армию в Сморгони; 18 декабря, полночь, — Наполеон возвратился в Париж.

Однако даты событий, так же как и численность армий, цифры потерь и т. д., часто по-разному называются различными авторами!

9. *Б о г д а н о в и ч М. И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869. Т.3. Приложения, с.53.

10. *М и х а й л о в с к и й - Д а н и л е в с к и й А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1850. Т.4, с.180.

11. *Там же, с.288 — 289.

12. *Б о г д а н о в и ч М. И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. СПб., 1858. Т.1, с.449, 465.

13. См.: *К о л е н к у р А. Мемуары, с.87.

14. *Там же, с.88.

15. Долгие разговоры и обед Наполеона с Балашовым подробно описаны у Т а т и щ е в а в книге «Alexandre Ier et Napoléon».

16. См.: M a d e l i n. La catastrophe de Russie, а также: M o u r a v i e f f B., L'alliance russo-turque au milieu des guerres napoléoniennes. Neuchâtel, 1954.

17. S é g u r. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'annee 1812. Paris, 1824. T.1, p.218.

18. *К о л е н к у р А. Мемуары, с.115.

19. Mme d e S t a ë l. Dix années d'exil. Paris, 1904, p.333.

20. Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre, 1811 — 1817. Recueillie et publiée par Albert Blanc. Paris, 1860. T.I, p.162.

21. *Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории, о военном деле из сочинений и переписки его, собранные Ф.Каузлером. СПб., 1844. Ч.2, с.112.

22. C a u l a i n c o u r t A. Mémoires. Paris, 1933. T.1, p.432 sqq.

23. *Т а р л е Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1943, с.169.

24. Два церковных собора, прошедших в 1809 — 1811 гг., дали ему право разрешать все спорные церковные вопросы на уровне всего католического мира.

25. *М.И.Кутузов: Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М.И.Кутузова. М., 1947, с.16.

26. Генерал Сегюр пишет: «У Филей, перед Москвой, русская армия насчитывала 91 тыс. человек, в том числе 6 тыс. казаков, 65 тыс. солдат старого войска, остатки от 121 тыс. человек, бывших в сражении у Москова (Бородинском — *Ред.*), и 20 тыс. новобранцев, вооруженных частью ружьями, а частью пиками. Французская армия, в которой до великого сражения было 130 тыс. солдат, потеряла при Бородино около 40 тыс. человек; от нее оставалось 90 тыс. К ней присоединились маршевые полки и дивизии Лаборда и Пино; следовательно, при подходе к Москве в ней еще было около 100 тыс. солдат. Ее продвижение затруднялось 607-ю орудиями, 250-ю артиллерийскими повозками и 5000-и обозными телегами; у нее оставалось боеприпасов только на один день сражения». *(Сегюр. Поход в Москву в 1812 г.: Мемуары участника французского генерала графа де Сегюра: Пер.с фр. М., 1911).

27.Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1840. Т.2., с.290.

28. *Клаузевиц. 1812 год. М., 1937, с.108.

29. *Там же, с.109.

30. *Назаревский В. В. Император Александр I. 1812 г. и другие войны этого царствования. М., 1910, с.62.

Глава 8

1. *Т а р л е Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 г. М., 1959, с.574.

2. *Н а з а р е в с к и й В. В. Император Александр I. М., 1910, с.74.

3. *Н а д л е р В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1866, с.337 — 338.

4. *Там же, с.343.

5. L a s -C a s e s. Le Mémorial. T. 2, p.143 — 144.

6. Ibid., t.1, p.1082 — 1083.

7. G r u n w a l d C. La campagne de Russie. Paris, 1964, p.212.

8. Ibid., p.208.

9. Lettres inédites à Marie-Louise (1810 — 1814). Paris, 1935, № 94 (Olivier D. L'incendie de Moscou. Paris, 1964, p.108).

10. 20e bulletin de la Grande Armée. Moscou, le 17 septembre 1812. (Recueil de pièces authentiques sur le captif de Ste-Hélène. T. 9). Bulletins officiels de la Grande Armée. Paris, 1822. T. 2., p. 86 — 87).

11. A l e x a n d r o v V. Les mystères du Kremlin, p.293. Толстой пишет: «Москва загорелась от трубок, от кухонь, от костров, из-за неряшливости неприятельских солдат, жителей — не хозяев домов.» *(Т о л с т о й Л. Н. ПСС в 20 т. М., 1962. Т. 6, с.401).

28 апреля 1814 г. Ростопчин написал графу Воронцову: «...Бонапарт, чтобы сбросить грех на другого, наградил меня званием поджигателя, и многие русские этому верят, хотя я потерял в этой истории около миллиона, так как Вороново и все постройки сгорели; мой загородный дом, сожженный по прямому приказанию Бонапарта, обошелся мне в 150 тыс. рублей; моя библиотека, мои картины, эстампы, физические инструменты — все было разграблено и разгромлено!..»

12. См.:*Т а р л е Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1959, с.574.

13. O l i v i e r D. L'incendie de Moscou (15 septembre 1812). Paris, 1964, p.43.

14. C a u l a i n c o u r t A. Mémoires. Paris, 1933. T. 2, p. 16.

15. *Сочинения графа Федора Васильевича Р о с т о п ч и н а. СПб., 1855, с. 202. В 1814 г. Ростопчин, которого считали виновником пожара, отправился из России в путешествие по Австрии, Пруссии и остановился в Париже, где был хорошо принят королем, Талейраном и в свете. Он вызвал туда свою жену и детей. Его дочь Софья, перешедшая, как и мать, в католичество, вышла замуж за графа Евгения де Сегюра и произвела на свет не только восемь детей, но и книги для детского чтения: «Приключения Сонечки» и «Примерные девочки». Губернатор вернулся в Россию вместе с женой в 1823 г. и умер там 18 января 1826 г.

16.C h e n e v i è r e J. La comtesse de Ségur, née Rostoptchine. Paris, 1932, p.14.

17. D r i o n d u C h a p o i s. A la recherche de l'Europe sur les routes du passé. Bruxelles, 1964. T. 6, p. 257.

18. F u s i l L. Souvenirs d'une Femme sur la Retraite de Russie. Paris, 1910, p. 219.

19. 16 октября Наполеон собственноручно написал императрице: «Мой добрый друг! Я получил твое письмо от 29-го. Все хорошее, что мне о тебе говорят, доставляет мне удовольствие. Я думаю, ты знаешь секрет, как сделать всех довольными! Мне кажется, что парижане тебя очень любят... Маленький король, как я надеюсь, приносит тебе счастье. Если этой зимой я не смогу вернуться в Париж, ты приедешь ко мне в Польшу. Ты понимаешь, что мне так же, как и тебе, хочется увидеться и рассказать о всех чувствах к тебе. Прощай, мой добрый друг. Твой Н.» (Lettres inédites de Napoléon I à Marie-Louise, p. 90).

20. Schnitzler I. La Russie en 1812. Rostoptchine et Koutousof. Tableau de moeurs et essai de critique historique. Paris, 1863, pp. 320 — 321. См. также: *Назаревский В. В. Указ. соч., с. 66.

21. Mme de Staël. Dix années d'exil. Paris, 1904, p. 332 sqq.

22. Цит. по:*Граф Сегюр. Поход в Россию: Записки адъютанта Наполеона I. Пер. с фр. Москва, б/года, с. 197.

23. *Тарле Е.В. Наполеон. М., 1939, с. 325.

24. Correspondance inédite de l'Empereur, Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812. Paris, 1909, p. 37 — 38.

25. *М.И.Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. I, с. 369 — 370.

26. *Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2, с. 392.

27. *Богданович М. И. История царствования Императора Александра I и Россия в его время. СПб.,1869.Т.3,с.377.

Глава 9

1. По словам Коленкура, при выходе из Москвы численность войск составляла 102 тыс. человек при 533 орудиях (Mémoires. T.2, p.83).

2. За армией следовали 3 тыс. гражданских лиц — мужчин, женщин и детей. Большинство из них погибли в дороге.

3. См.: *Поход на Москву в 1812 году: Мемуары участника французского генерала графа де Сегюра: Пер. с фр. М., 1911, с.87.

4. Lettres inédites de Napoléon I à Marie-Louise écrites de 1810 à 1814. Editions des bibliothèques nationales de France. Paris, 1935, p.927.

5. См. *Коленкур А. Мемуары. М., 1943, с.155.

6. Rambaud A. Histoire de la Russie. Paris, 1918, p.572.

7. См.: *Сегюр. Поход на Москву в 1812 г. М., 1911, с.118.

8. *Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1850. Т.5, с.249.

9. Lettres inédites de Napoléon I à Marie-Louise, p.100.

10. *Толстой Л. Н. ПСС в 20 т. М., 1963. Т.7, с.187.

11. *Роос Генрих. С Наполеоном в Россию. Записки врача «Великой армии». Пер.с нем. М., 1912, с.169, 173 — 174.

12. *Там же, с.262.

13. *Там же, с.330.

14. Из 12 тыс. швейцарцев, вошедших с «Великой армией» в Россию, лишь 300 вернулись домой. Посреднический Акт, дарованный Наполеоном Швейцарии, обошелся этой маленькой стране в 60 — 65 тыс. жизней. Напомним, что население Швейцарии тогда составляло 1 млн. 300 тыс. человек (Vallotton H. Metternich, Paris, 1965, p.94).

15. Приводимые разными авторами цифры значительно отличаются друг от друга. Приведем несколько примеров. Клаузевиц писал, что, когда остатки французской армии соединились за Вислой, их численность сократилась до 23 тыс. человек. Поредевшие австрийские и прусские войска насчитывали около 35 тыс. человек. В сумме это составляло 58 тыс. человек. В союзной (т.е. наполеоновской) армии, вместе с присо-

12 591

единившимися позже частями, было 610 тыс. человек; таким образом, в России осталось 552 тыс. убитых или взятых в плен солдат... Было потеряно 167 тыс. лошадей и более 1200 орудий (См.: *К л а у з е в и ц. 1812 год. М., 1937, с.228 — 229).

Александров отмечал: «В насчитывавшей вначале более 500 тыс. человек армии императора при переправе через Березину оставалось не более 60 тыс. солдат. Только 30 тыс. из них вернулись во Францию» (Les mystères du Kremlin, p.295).

Жорж Валлоттон писал: «По спискам 1813 г., из-за невозможности другим способом уничтожить все тела в течение этого года в Минской губернии было сожжено 48 903 трупа, в Московской губернии — 49 754, в Смоленской — 71 733, в Виленской — 72 203, и, наконец, в Калужской — 1048... Для полноты картины надо прибавить к этим цифрам тех, чьи тела были захоронены со времени форсирования Немана, при походе на Москву, Ригу, Полоцк, а также потери армии Шварценберга, общим числом более 100 тыс. человек. В итоге мы получаем около 350 тыс. погибших во время кампании только с французской стороны» (V a l l o t t o n G. Les Suisses à'la Bérésina. Paris, 1943, p.259, note 1).

16. M o u r a v i e f f B. La Monarchie russe. Neuchâtel, 1962, p.139.

17. Correspondance de Napoléon I. Paris, 1868. T.24, p.329.

18. О причинах поражения в России см.: *К л а у з е в и ц. 1812 год; J o m i n i . Précis politique et militaire des campagnes de 1812 à 1814; Т о л с т о й Л. Н. Война и мир. М., 1986. Т.4, с.176 и др.

19. Переписка двух государей насчитывает в общей сложности 123 письма; 67 написаны Наполеоном и 56 — Александром (Correspondance de Napoléon I. Paris, 1868. T.24, p.222).

20. Bernard H. La guerre et son évolution à travers les siècles. Bruxelles, 1957, p.309.

21. *Толстой Л. Н. Война и мир. М., 1986. Т.4, с.179.

Глава 10

1. См.: Grunwald C. Stein, l'ennemi de Napoléon. Paris, 1936.

2. Жак Пиренн писал: «Франция потеряла на полях сражений 1 млн. 400 тыс. человек из 2 млн. 800 тыс. призывников!» (Les grands courants de l'histoire. T.4, p.185).

3 Великий Князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Петроград, 1914, с.406.

4. *Поход Августейшего Императора Александра I в Германию и Францию. М., 1814. Ч.3, с.76.

5. Stenger G. Le retour des Bourbons, 1814 — 1815. Paris, 1908, p.128, 129.

6. *Поход Августейшего Императора Александра I..., с.45 — 46.

7. Brian-Chaninov. Alexandre Ier. Paris, 1934, p.242.

8. Vallotton H. Metternich. Les grandes études historiques. Paris, 1965, chap.IX, p.235 — 269.

9. Stenger G. Le retour des Bourbons, 1814 — 1815, Paris, 1908, p.203 — 204.

10. Waliszewski K. La Russie il y a cent ans. Le règne d'Alexandre Ier. Paris, 1923. T.2 p.245.

11. Chateaubriand. Congrès de Vérone. Guerre d'Espagne. Négociation: colonies espagnoles. Paris, 1838, p.182.

Глава 11

1. Этот договор, подписанный после первой капитуляции Парижа и перемирия от 23 апреля 1814 г., подтверждал потерю завоеваний Республики и империи, и возвращал Францию в границы, существовавшие на 1 января 1792 г. Секретные статьи предусматривали созыв Конгресса в Вене для определения участи оставляемых Францией территорий, причем без ее участия, на основах, выработанных союзными державами между собой.

2. Deroisin S. Le prince de Ligne. Paris, p.209 sqq; Vallotton H. Metternich, chap.V, p.120 — 154.

3. Nicolson H. The Congress of Vienna, A Studi in Allied Unity: 1812 — 1822. New-York, 1961, p.150.

4. Экземпляр этого сверхсекретного соглашения, посланный Талейраном королю, был забыт Людовиком XVIII в своем кабинете в Тюильри во время поспешного бегства из Парижа 19 марта. Вернувшийся с Эльбы Наполеон нашел его там и с экстренным курьером отправил царю в Вену.

5. См.: Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du Roi Louis XVIII pendant le Congrès de Vienne. Paris, 1881, p.209.

6. Deroisin S. Le prince de Ligne. Paris, p.209 sqq.

7. Mouravieff B. L'alliance russo-turque au milieu des guerres napoléoniennes. Neuchâtel, 1954, p.363.

8. Pirenne J. Les grands courants de l'histoire universelle. Paris, 1953. T.4, p.299.

9. Correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo, ambassadeur de Russie en France, et du comte de Nisselrode (1814 — 1818). Paris, 1890. T.1, p.189 — 226.

10. Marquis de Noailles Le compte M o l e. 1781 — 1855. La vie-les mémoires. Paris, 1923. T.2, p.90.

11. N i c o l s o n H. The Congress of Vienna. A Studi in Allied Unity: 1812 — 1822. New-York, 1961, p.102, 103.

Глава 12

1. См.: исследование историка Эдмона Росье (R o s s i e r E. Sur les degrés du trône (Mme de Krudener). Lausanne, 1939, p.165 sqq.

2. После г-жи де Крюденер в круг близких Александру людей была допущена гадалка на картах Буш, найденная во Франции и на несколько месяцев возведенная в ранг эгерии политической.

3. Священный союз между Австрией, Пруссией и Россией был заключен по договору от 26 ноября 1815 г., он подтверждал заключенный в Шомоне 9 марта 1814 г. союз между Австрией и Англией, Пруссией и Россией (B o u r q u i n. Histoire de la Sainte-Alliance, p.85 — 86). Договор полностью приведен в VI главе книги: V a l l o t t o n H. Metternich, p.154 — 190.

4. G r u n w a l d C. Alexandre Ier, Le tsar mystique. Paris, 1955, p.253.

5. P i r e n n e J. Les grands courants de l'histoire universelle. La Baconnière-Neuchâtel, 1954, T.4, p.341 — 351.

6. G r u n w a l d C., op.cit., p.245.

7. B o u r q u i n. Histoire de la Sainte-Alliance. Genève, 1954, p.140, 296.

8. Александр Стурдза, бывший тогда секретарем царя, заявил: «Я первым снял копию и подправил Акт Священного союза, целиком написанный карандашом рукой императора...». По мнению Милюкова, Каподистрия принимал участие в подготовке окончательной

редакции; с документом знакомились г-жа де Крюденер и Николя Бергас (Histoire de Russie. Paris, 1932, T.2, p.676).

9. Эта очень либеральная хартия предусматривала создание Сейма, в котором бы заседали король и две Палаты. Хартия обеспечивала свободу вероисповедания, прессы, личную свободу граждан (См.: R a i n P. Un tsar idéologue, Alexandre Ier, 1777 — 1825. Paris, 1913, p.292, 294).

10. *Ч а р т о р и ж с к и й , Л а д и с л а в. Беседы и частная переписка между Императором Александром I и Кн. Адамом Чарторижским. 1912, с.264 — 265.

11. Ш и л ь д е р Н. К. Император Александр I : Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т.3, с.360.

12. N i c o l s o n H. The Congress of Vienna, p.260, 261.

13. См. Декларацию, принятую на Конгрессе в Экс-ля-Шапель: V a l l o t t o n H. Metternich, chap.VI.

14. Цит. по: M e t t e r n i c h. Mémoires, documents et écrits divers, publilés par son fils le prince Richard de Metternich. Paris, 1880. T.3, p.173.

15. Ibid., p.360.

16. Idid., p.365.

17. Idid., p.374.

18. Ibid., p.376.

19. Ibid., p.426, 444.

20. Англия не одобрила такого вмешательства, считая, что любая держава может решиться на нее, только если ее интересы подвергаются прямой угрозе, но Каслри ограничился устным протестом. Поддерживавший точку зрения Англии Ришелье высказался очень осторожно. Таким образом, Меттерних одержал выдающуюся победу над внешней политикой Англии.

21. M e t t e r n i c h. Mémoires. T.3, p.449, 455, 457, 460, 466.

22. Ibid., p.502, 505.

23. L a n d o g n a F. Storia d'Italia. Cappelli, Rocca San Casciano, 1957, p.295.

24. P i r e n n e J. Les grands courants de l'histoire universelle. T.4, p.362.

25. C h a t e a u b r i a n d. Congrès de Vérone. Paris, 1838, p.182, 115.

Глава 13

1. *Мемуары Кн. А.Чарторижского. М., 1912. Т.1, с.330.

2. W a l i s z e w s k i K. Le règne d'Alexandre Ier. T.I, p.30, 183.

3. Ibid. T.I, p.133.

4. Ibid. T.1, p.441.

5. Mme d e S t a ë l. Dix années d'exil. Paris, 1904, p.332 — 333.

6. *Мемуары Кн. А.Чарторижского. М., 1912. Т.1, с.260.

7. См.: Mémoires politiques et correspondance diplomatique. J.de Maistre. Paris, 1858.

8. Ч а р т о р и ж с к и й, Л а д и с л а в. Беседы и частная переписка между Императором Александром I и Кн. Адамом Чарторижским. М., 1912, с.227.

9. *СРИО. Т.5, с.40 — 41, 45, 46, 48.

10. *С о р е л ь А. Европа... Т.7, с.257.

11.Об эволюции христианских и мистических взглядов Александра см.: G r u n w a l d C. Alexandre Ier, pp.216 à 243.

12. S c h i l d e r. L'empereur Alexandre Ier. T.4, p.58.

13. СРИО. Т.5, с.48.

14. В е л и к и й К н я з ь Н и к о л а й М и х а й л о в и ч. Император Александр I. Петроград, 1914, с.403.

15. Там же, с.256.

16. M e t t e r n i c h. Mémoires. T.3, p.144.

17. См. там же.

18. B r i a n - C h a n i n o v. Histoire de Russie. Paris, 1934, p.380 sqq.

19. Мемуары Кн. А.Чарторижского. М., 1912. Т.1, с.307.

20. Там же, с.96.

21. Цит.по: Г р а ф и н я Ш у а з е л ь - Г у ф ф ь е. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе. М., 1912, с.159.

22. См. там же, с.160.

23. M i l i o u k o v. Histoire de Russie. Paris, 1932. T.2, p.659.

24. В а н д а л ь А. Наполеон и Александр I. T.I, c.V.

25. К а р а м з и н Н. М. О древней и новой России. СПб., 1914, с.69 — 70, 118.

26. Ш и л ь д е р Н. К. Император Александр I : Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т.4, с.72.

27. Goeutes Gespräche mit Eckermann (J o h a n n P e t e r). Berlin, 1955, S.499.

28. См.: V a l l o t t o n H. Metternich. Paris, 1965, p.209 — 214.

Глава 14

1. *Толстой Л. Н. Война и мир. М., 1986. Т.4, с.23.

2. Grunwald C. Alexandre Ier. Paris, 1955, p.289.

3. См.: Rain P. Un tsar idéologue, Alexandre Ier. Paris, 1913, p.335 — 360.

4. Milioukov. Histoire de Russie. T.2, p.680.

5. Grunwald C., op.cit., p.273 sqq.

6. *Великий Князь Николай Михайлович. Император Александр I. Т.1, с.299 и след.

7. Графиня Шуазель писала: «Трудно понять, как и почему медики нашли климат Таганрога — города, расположенного на берегу моря и открытого зимой очень холодным ветрам, — благоприятным при грудных болезнях...» (*Мемуары, с.296).

8. Rain P. Un tsar idéologue, Alexandre Ier. Paris, 1913, p.441.

9. «Доклад о вскрытии был составлен очень плохо», — отмечал Грюнвальд (Grunwald, Alexandre Ier, p.322).

10. Некоторые строки из этих писем подчеркнуты автором. — *Ред.*

11. *СРИО. Т.5, с.51.

12. Brian-Chaninov. Histoire de Russie. Paris, 1934, p.389.

13. Paléologue M. Alexandre Ier. Paris, 1937, p.16, 301 — 303.

14. *Кн. Барятинский В. В. Царственный мистик. (Император Александр I — Федор Козьмич). М., 1912, с.146.

15. Grunwald C. Alexandre Ier, p.25, 330 sqq.

16. *Толстой Л. Н. ПСС в 90 томах. М., 1956. Т.77, с.185.

БИБЛИОГРАФИЯ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

История России

Rapports diplomatiques de la Russie avec la France au temps de Napoléon Ier (3 vol., en francais et en russe (1800 —1808)).

Alexandrov Victor —Les mystères du Kremlin. 1000 ans d'histoire (Libr. Arthème Fayard, Paris, 1960).

Brian-Chaninov —Histoire de Russie (Les Grandes Études historiques, Fayard, Paris).

Grunwald Constantin de —Trois siècles de diplomatie russe (Calmann-Lévy, Paris, 1945). La campagne de Russie (Julliard, Paris, 1964).

Florinsky, Michael T. —Russia. A History and an Interpretation (2 vol., The Macmillan Company, New-York, 1955).

Haumant, Émile —La Russie au XYIII[e] siècle (L.H. May, Paris).

Kovalevsky, Pierre —Manuel d'histoire russe (Payot, Paris, 1948).

Krakowski, Édouard —Histoire de Russie. L'Eurasie et l'Occident (Éd. des Deux-Rives, 1954). Pologne et Russie (Robert Laffont, 1946).

L'Héritier, Michel —La Russie (La Renaissance du livre, Paris, 1946).

Madelin, Louis —La catastrophe de Russie (T. 12. Librairie Jules Tallandier. Paris, 1975).

Milioukov, Seignobos et Eisenmann —Histoire de Russie (3 vol., Libr. Ernest Leroux, Paris, 1932).

Mouravieff Boris —L'alliance russo-turque au milieu des guerres napoléoniennes (La Baconnière-Neuchâtel, 1954).

La Monarchie russe (Payot, Paris, 1962).

Mousset Albert —Histoire de Russie (SEFI, Paris, 1945).

N a z a r e v s k i V. V. —Histoire de Moscou dépuis les origines... (Payot, Paris, 1932).
N o l d e B o r i s —La formation de l'Empire Russe (2 vol., Institut des Études slaves, Paris, 1952 — 1953).
O l i v i e r D a r i a —L'incendie de Moscou (Robert Laffont, Paris, 1964).
P i r e n n e J a c q u e s —Les grands courants de l'histoire universelle, t. 4 (La Baconnière-Neuchâtel, 1953).
R a m b a u d A l f r e d —Histoire de la Russie, dépuis des origines jusqu'en 1900 (Hachette, Paris, 1918).
V e r n a d s k y G e o r g e —A History of Russia (London, Oxford University Press, 1954).
W e l t e r G. —Histoire de Russie des origines à nos jours (Payot, Paris, 1963).

Александр I

Récueil de la Société d'histoire russe (Payot, Paris, 1929).
5e volume contenant la correspondance en français, avec commentaires en russe, de la correspondance d'Alexandre et de sa famille avec La Harpe, Saint-Pétersbourg 1870. 23e volume (1878). Correspondance de Catherine II avec Grimm.
B r u g u i è r e J. T. (du Gard) —Déclaration de l'empereur de Russie aux souverains réunis au Congrès de Vienne du 1er au 15 mai 1815 (Béraud imprimeur, Paris, mai 1815).
B a r i a t i n s k y W l a d i m i r — Le mystère d'Alexandre Ier (Payot, Paris, 1929).
B r i a n-C h a n i n o v —Alexandre Ier (Bernard Grasset, Paris, 1934).
C h o i s e u l-G o u f f i e r (née comtesse de Fisenhaus, ancienne demoiselle d'honneur à la cour de Russie) —Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre et la cour de Russie (Leroux, Paris, 1829).

Czartoryski (Prince Adam) —Mémoires et correspondance avec Alexandre Ier (2 vol., Plon, Paris, 1887).

Golovkine (Comte Fédor) —La cour et le règne de Paul Ier (Plon, Paris, 1905).

Grimm —Lettres de Grimm à Catherine II (publiées par Grot) (Saint-Pétersbourg, 1880).

Grunwald Constantin de —Alexandre Ier, le tsar mystique (Amiot-Dumont, Paris, 1955). Stein, L'ennemi de Napoléon (Grasset, Paris, 1936).

Louise de Prusse (Princesse Antoine Radziwill) —Quarantecinq ans de ma vie (Plon, Paris, 1911).

Mikhaïlovitch —Le tsar Alexandre Ier (traduit du russe par N. Wrangel, Paris, Payot).

Paléologue Maurice (de l'Acadèmie) —Alexandre Ier. Un tsar énigmatique(Plon, Paris,1937).

Rain — Alexandre Ier (Perrin, Paris, 1913).

Sementowski-Kurilo Nikolaï — Alexandre Ier. Rausch und Einkehr einer Seele (Scientia, A. G. urich, 1939).

Tatistcheff Serge — Alexandre Ier et Napoléon. D'après leur correspondance inédite, 1801 — 1812 (Perrin, Paris, 1891).

Vandal Albert —Napoléon et Alexandre Ier (3 vol., Plon, Paris, 1891).

Waliszewski K. — La Russie il y a cent ans. Le rKgne d'Alexandre Ier (2 vol., Plon, Paris, 1923).

Разное

Lettres interceptées par les Russes pendant la campagne de 1812 (La Sabretache, Paris, 1913).

Audiat Pierre — Napoléon en Russie (La Revue de Paris, 1961).

Bainville Jacques — Napoléon (Fayard, Paris, 1931).

Bernard H. — La guerre et son évolution à travers les siècles (Imprimerie médicale et scientifique, Bruxelles, 1957).

Bignon M. — Les cabinets et les peuples, dépuis 1815 jusqu'à la fin de 1822 (Bechet, Paris, 1822). Du Congrès de Troppau (Firmin-Didot, Paris, 1821).

Bourgoing (Jean de) —Vom Wiener Kongress (2e ed., Herold Wien, München, 1964).

Bourdon Jean — Napoléon au Conseil d'État (Berger-Levrault, Paris, 1963).

Chastenet Jacques — William Pitt (Les grandes études historiques, Fayard, Paris, 1941).

Chateaubriand (M. de) —Congrès de Vérone. Guerre d'Espagne (Delloys, Paris, 1838).

Clausewitz —La campagne de 1812 en Russie (Librairie militaire, 1900).

Chenevière Jacques —La comtesse de Ségur, née Rostoptchine (Gallimard, Paris, 1932).

Coquelle P. —Napoléon et l'Angleterre (1803 — 1813) (Plon, Paris, 1904).

Custine (Marquis de) —Lettres de Russie (Le Livre club du libraire, Paris).

Daudet Ernest —Une vie d'ambassadrice... La princesse de Lieven (Plon, Paris, 1903).

Driault Édouard —Tilsit (Alcan, Paris, 1917).

Drion du Chapois —À la recherche de l'Europe sur les routes du passé (de Rache, éd., Bruxelles, 1964).

Fain (Baron) (Ier secrétaire du cabinet de Napoléon Ier) —Souvenirs de la campagne de France (Manuscrit de 1814) (Perrin, Paris, 1914).

Fezensac (Duc de) général de division — Souvenirs militaires,de 1804 à 1814 (Dumaine, Paris, 1866).

Fusil Louise —Souvenirs d'une Femme sur la Retraite de Russie (Émile Paul, Paris, 1910).

Gaxotte Pierre —Histoire des Francais (Flammarion, Paris, 1951, 2 vol.). Histoire de l'Allemagne (Flammarion, Paris, 1963, 2 vol.).

Houssaye Henry —1814 (Perrin et Cie, Paris, 1914). 1815 (Perrin et Cie, Paris, 1947, 3 vol.).

J o m i n i (Général) —Précis politique et militaire des campagnes de 1812 à 1814, publiés par Lecomte, 2 vol.), (B. Benda, Lausanne, 1886).

L a b a n d e L.-H. —Un diplomate francais à la cour de Catherine II, le chevalier de Corberon (Plon, Paris, 1901, 2 vol.).

L a c r e t e l l e (J a c q u e s d e) — Talleyrand (Hachette, Paris, 1965).

L a v a t e r-S l o m a n M a r y — Catherine II et son temps (Payot, Paris, 1952).

M a a g A l b e r t —Die Schicksale der Schweizerregimenter in Napoleons I Feldzug nach Russland, 1812 (Biel, Kuhn, 1900).

M e l c h i o r-B o n n e t B e r n a r d i n e — Savary, duc de Rovigo. Un policier dans l'ombre de Napoléon (Perrin, Paris, 1962).

M o u r a v i e f f B o r i s — L'alliance russo-turque au milieu des guerres napoléoniennes (La Baconnière-Neuchâtel, 1957).

M u r a l t (A l b r e c h t v o n), T h o m a s L é g l e r — Bérésina.

P i n g a u d L é o n c e —Bernadotte et Napoléon (Plon, Paris, 1933).

P i r e n n e J e u c q u e s-H e n r i —La Sainte-Alliance (2 vol., La Baconniere-Neuchâtel, Paris, 1946 — 1949).

P r i v a t E d m o n d —L'Europe et l'Odyssée de la Pologne au XIXe siècle (Libr. Fischbacher, Paris, 1918).

R o o s (H e n r i d e) — Avec Napoléon en Russie (Chapelot, Paris, 1913).

R o s s i e r E d m o n d —Sur les degrés du trône (Mme de Krüdener) (Payot, Lausanne, 1939).

S c h a l l e r (H. d e) — Histoire des troupes suisses au service de France sous Napoléon Ier (Payot, Lausanne, 1883).

S é g u r (G é n é r a l c o m t e d e) — Histoire de Napoléon et de la Grande Arm.ée (Baudonin, Paris, 1824).

S o r e l A l b e r t — L'Europe et la Révolution Francaise (Plon, Nourrit, Paris, 8 vol., 1885 — 1904).

S o u r s a u d (G é n é r a l) — Examen critique de l'ouvrage du comte de Ségur (Bassange, Paris, 1895).

S t a ë l (Mme d e) — Dix années d'exil (Plon, Nourrit, Paris, 1904).

S t e n g e r G i l b e r t — Le retour des Bourbons, 1814 — 1815 (Plon, Paris, 1908).

T a l l e y r a n d — Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon, 1800 — 1809 (Perrin, Paris, 1889). Correspondance inédite du roi Louis XYIII (Plon Paris, 1881). Mèmoires, 5 vol. (Calmann-Levy, Paris, 1891 — 1892).

T a r l é E. — La campagne de Russie (Gallimard, Paris, 1941).

T h i r y J e a n — Ulm-Trafalgar-Austerlitz (Berger-Levrault, Paris, 1962). Eylau-Friedland-Tilsit (Berger-Levrault, Paris, 1964).

V a l l i è r e (P. d e) — «Honneur et Fidélité» (Éditions d'art suisse ancien, Lausanne, 1940).

V a l l o t t o n G. — Les Suisses à la Bérésina (A la Baconnière, Boudry, Suisse, 1943). Le gouverneur d'un prince: Frédéric-César de Laharpe et Alexandre Ier (G. Bridel, Lausanne, 1902).

БИБЛИОГРАФИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(дана справочно-информационным центром издательства)

Александр I

Барятинский В. В. Царственный мистик. СПб., 1913.

Богданович М. И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869.

Богданович Т. Александр I. М., 1914.

Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. I. СПб., 1912.

Великий князь Николай Михайлович. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича. СПб., 1907.

Греч Н. И. Биография императора Александра I. СПб., 1835.

Император Александр I (1777 — 1825). СПб., б/года.

Кудашев С. С. История императора Александра Павловича. М., 1912.

Мельгунов С. П. Дела и люди александровской эпохи. СПб., б/года.

Михайлов К. Н. Император Александр I. СПб., 1914.

Михайловский — Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники. Т. 1—6. 1845—1849 гг. СПб.

Мережковский Д. С. Александр I. М., 1991.

Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1866.

Поливанов М. Император Александр I и его сподвижники (1812—1815 гг.).СПб., 1908.

Протасов П. Я. О юности Александра I. Лейпциг, 1862.

Екатерина II, гуляющая в Царскосельском саду
с любимой своею собачкой.
Гравюра Уткина по оригиналу Боровиковского. 1827 г.

Павел I (1754— 1801).
Гравюра Радига с картины Вуаля. 1773 г.

Императрица Елизавета Алексеевна (1779 — 1826)
Фототипия по рисунку Сент-Обена. 1912 г.

Клятва у гроба Фридриха Великого 4 ноября 1805 г.
Гравюра Майера по оригиналу Кателя. I четв. XIX в.

Александр Первый (1777 — 1825).
Гравюра Вендрамини по рисунку Сент-Обена. 1813 г.

К.В.Нессельроде (1780 — 1862).
Литография П.Бореля. 1860-е гг.

Князь Адам Адамович Чарторижский (1770 — 1861).
Гравюра неизвестного автора по оригиналу Олешкевича.
2-я пол. XIX в.

П.Строганов (1774 — 1817).
Гравюра Карделли. 1810 г. (?)

М.М.Сперанский (1772 — 1839).
Литография П.Бореля. 1860-е гг.

Сражение при Бородино, 26 августа 1812 г.
Гравюра Федорова и Карделли
по оригиналу Скотти. 1814 г.

Наполеон в Москве, 1812 г.
Гравюра Вейбецаля по рисунку Френцеля, по литографиям Адама. 1830-е гг.

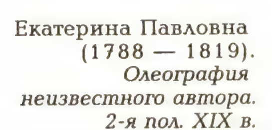

Разбитие Наполеона при переправе через Березину,
16 и 17 ноября 1812 г.
Гравюра Федорова и Карделли по оригиналу
Скотти. 1814 г.

Константин Павлович
(1779 — 1831).
Гравюра Вендрамини по рисунку Сент-Обена. 1813 г.

Екатерина Павловна
(1788 — 1819).
Олеография неизвестного автора. 2-я пол. XIX в.

Вступление Александра I и Фридриха-Вильгельма III в Париж 31 марта 1814 г.
Гравюра Хасселя по оригиналу Хаасса. I четв.XIX в.

Большое катание 22 января 1815 г. в Вене.
Гравюра неизвестного автора (Австрия) по оригиналу Рейнхольда. I четв. XIX в.

Пресняков А. Е. Александр I. Пг., 1924.
Пыпин А. И. Исследования и статьи по эпохе Александра. Пг., 1917.
Синягин Н. К. Материалы к истории Александра I. СПб., 1910.
Соловьев С. М. Император Александр I. Политика — дипломатия. СПб., 1877.
Толстой Л. Н. Таинственный старец Федор Кузьмич. СПб., 1912.
Хвостов Д. И. Александр I в Париже 16 апреля 1814 г. СПб., 1814.
Царствование Александра I. СПб., 1904.
Шильдер Н. К. Император Александр I: Его жизнь и царствование. Т. 1—4. СПб., 1897.
Яхонтов А. Н. Царствование Александра I. СПб. , 1903.

Войны Александра. Александр и Наполеон

Авчинников А. Г. Император Александр I Благословенный и Отечественная война (1812 — 1912 гг.). Екатеринослав, 1912.
Афанасьев Г. Е. Наполеон и Александр I. Причины войны 1812 года. Киев. 1912.
Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. СПб., 1858.
Бутурлин Д. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. СПб., 1837.
Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи. Т. 1—3. Пер. с фр. СПб., 1910.
Верещагин. 1812 год. СПб., 1895.
Герье В. И. Император Александр I и Наполеон. М., 1913.
Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. М., 1915.
Ефимов Д. И. Отношения императора Александра и Наполеона (1810 — 1812). СПб., 1878.
Жилин П. А. М.И.Кутузов. М., 1979.

14—591

Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974.

«Изгнание Наполеона из Москвы». М., 1938 (документы).

Император Александр в Париже и падение Наполеона. М., 1814.

Клаузевиц. 1812 год. М., 1937.

Коленкур, Арман. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943.

Майков П. М. Записки графа Л.Л.Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. СПб., 1900.

Манфред А. Наполеон Бонапарт. М., 1973.

Михайловский — Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. Полн. собр. соч. Т. 4. СПб., 1850.

Мысли Наполеона при вступлении в Москву. СПб., 1813.

Назаревский В. В. Император Александр I. 1812 год и другие войны этого царствования. М., 1910.

Наполеон в России в 1812 г. Очерк истории Отечественной войны, составленный по официальным документам, мемуарам, запискам, характеристикам и проч. А. А. Каспари. СПб., 1911.

Наполеон. Воспоминания (1812, 1813, 1814, 1819). б/м, 1855.

Пеэр. История Наполеона I. Пер. с фр. СПб., 1893.

Поход Августейшего Императора Александра I в Германию и Францию. М., 1814.

Поход в Москву в 1812 году: Мемуары участника французского генерала графа де Сегюра: Пер. с фр., М., 1911.

Розбери А. Ф. Конец Наполеона. Пер. с англ. СПб., 1901.

Романовский В. Е. Наполеон I и Александр I до и после 1812 г. СПб., 1912.

Росс, Генрих. С Наполеоном в Россию. Записки врача «Великой армии». Пер. с нем. М., «Сфинкс», 1912.Соловьев Н. А. Наполеон в ссылке (о. Св. Елены). СПб., 1912.

Т а р л е Е. В. Нашествие Наполеона на Россию, 1812 г. М., 1943.
Т а р л е Е. В. Наполеон. М., 1939.

Документы, мемуары, переписка и т.д.

Александр I. Указы Александра I (1803 — 1804). Т. 1 — 3. СПб., 1807.
Александр I. Указы 1815 — 1816. СПб., б/года.
А л е к с е е в Г. Н. Александр I. Лондон, 1908. (Документы)
А н д е р с о н В. М. Переписка императора Александра I с Наполеоном и Аракчеевым. СПб., б/года.
В а л и ш е в с к и й К. Сын Великой Екатерины император Павел I. Пер. с фр. СПб., б/года.
Время Павла и его смерть. Т. 1 — 2. СПб., 1908.
Г л и н к а С. Н. Записки о Москве. 1812—1815. СПб., 1837.
Г о л о в к и н Ф. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания, анекдоты. Пер. с фр. М., «Сфинкс», 1912.
«Девятнадцатый век». Кн. I (издание Бартенёва). (Речь Александра I в сейме в Польше. 15(27) марта 1818 г.) СПб., 1872.
Документы, относящиеся к последним месяцам жизни и кончине Александра Павловича и Елизаветы Алексеевны. М., 1910.
З о т о в Р. М. Александриада, или Собрание изречений Александра в Париже. СПб., 1818.
З о т о в Р. Наполеон на острове Святой Елены. СПб., 1838.
Исторические документы из времен царствования Александра I. Лейпциг, 1880.
К а р а м з и н Н. О древней и новой России. СПб., 1861.
К е р н А. П. Воспоминания (Три встречи с Александром I).— «Русская старина». 1870. Т. I, март, с. 258—272.
Кончина российского императора Павла. М., 1802.
К у т у з о в М. И. Сб. документов. Т. 1—4. М., 1952.

14*

Ланжерон А. Ф. Кончина императора Павла I. СПб., 1862.

«Листовки Отечественной войны 1812 г.» М., 1962.

Мемуары графини Головиной (1766—1821). Предисловие и примечания К.Валишевского. Пер. с фр. М., «Сфинкс», 1911.

Мемуары князя Адама Чарторижского. Т. 1—2. Пер. с фр. М., 1912.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

Несколько документов, относящихся к царствованию Александра I. СПб., 1912.

Наполеон. Письма Наполеона к Жозефине. Т. 1—2. СПб., 1834.

Некоторые из писем и рескриптов Екатерины II. СПб., б/года.

Несколько документов императора Александра I. М., 1878.

Памятники императору Александру I. Сост. С.А. Педашенко. М., 1912.

Переписка Екатерины II с разными особами. СПб., 1807.

Письма императора Александра I Лагарпу. СПб., 1832.

Письма императрицы Марии Федоровны императору Александру I. СПб., 1911.

Полное собрание законов. Россия. Законы. СПб., 1830.

Ростопчин Ф. В. Правда о пожаре Москвы. М., 1823.

Ростопчин Ф. В. Последний день жизни Екатерины II и 1 день царствования Павла I. СПб., 1864.

Ростопчин Ф. В. Сочинения. СПб., 1853.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 23. СПб., 1878. (Далее Сб. ИРИО).

Сб. ИРИО. Т. 5. СПб., 1870.

Сб. ИРИО. Т. 70. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Т. I. (1800 — 1802). СПб., 1890.

Сб. ИРИО. Т. 88. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Т. 4 (1807 — 1808). СПб., 1893.

Сен-Слудский журнал наполеоновских знаменательных дел, златых изречений Ч. 1 — 4. СПб., 1814.

Сорель А. Европа и французская революция. Пер. с фр. Т. 7. (1806 — 1812). СПб., 1908.

Сочинения графа Федора Ростопчина. СПб., 1855.

Талейран. Мемуары. " Academia" . М.-Л., 1934.

Чарторижский А. Записки князя Адама Чарторижского. СПб., 1908.

Чарторижский А. Русский двор в конце XYIII и начале XIX столетия. СПб., 1908.

Чарторижский А. Убийство императора Павла. СПб., 1887.

Чарторижский, Ладислав. Беседы и частная переписка между императором Александром I и кн. Адамом Чарторижским. 1801 — 1823 г. М., «Сфинкс», 1912.

Шнитцлер И. Ростопчин и Кутузов. Россия в 1812 году. Пер. с нем. СПб., 1912.

Шуазель-Гуффье, София. Воспоминания об Александре I. Пер. с фр. СПб., 1879.

Шуазель-Гуффье, София. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе. Пер. с фр. М., 1912.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автор послесловия не ставил своей задачей дать критический разбор сочинения швейцарского историка и политика А.Валлоттона, указав на его принципиальные ошибки или досадные неточности при использовании существующих источников. Не намеревался автор и выступить со своей научной концепцией царствования Александра I или с попыткой дать более объективный портрет российского самодержца, который казался его современникам «сфинксом, не разгаданным до гроба». Цель настоящего послесловия совершенно иная, она сводится к ознакомлению читателей со строго проверенным фактическим материалом, оказавшимся вне поля зрения А.Валлоттона, относящимся к царствованию Александра I, и в особенности с тем, который характеризует императора как государственного деятеля, законодателя, либерального реформатора и выдающегося дипломата и политика, на долю которого выпала тяжелейшая роль в борьбе с таким мировым завоевателем, как Наполеон Бонапарт.

Итак, автор хотел бы вооружить читателя конкретно-историческими фактами и тем самым дать ему возможность самостоятельно судить о тех проблемах александровского царствования, которые поставлены в книге А.Валлоттона.

В советской исторической литературе нет не только строго научной, но даже самой простейшей, популярной биографии Александра I (не считая очерк Преснякова, изд. в 1924 г.), и поэтому неискушенный читатель может поддаться одностороннему толкованию образа российского императора, укоренившемуся в западной историографии. Нам представляется, что нет нужды в послесловии опровергать всякого ро-

да небылицы и вымыслы, которые довольно щедро приведены в сочинении автора и которые заимствованы им либо из произведений мемуарного или исторического жанра, либо сконструированы им самим. Необходимо обратить внимание читателей на тот факт, что в книге Валлоттона Александр I представлен, главным образом как политик и дипломат, выступающий преимущественно на международной арене, и почти ничего не сообщается о нем как о самодержавном правителе России, как о творце и инициаторе крупных государственных реформ первой четверти XIX века. Почти не дает Валлоттон сведений о том, что же представляла собой Россия под управлением Александра I, и этот пробел мы отчасти попытаемся восполнить.

Отметим также и то, что, характеризуя 25-летнее царствование Александра I, главное внимание Валлоттон уделил юности царя и событиям, связанным с так называемыми «наполеоновскими войнами» (1805 — 1815), и буквально скороговоркой повествует о самых интересных в общественно-политическом отношении годах царствования Александра I, о 1817 — 1825 гг., в которые задумывались государственные реформы, составлялся проект Российской конституции, делались попытки отменить крепостное право и проч.

* * *

Время правления Екатерины II принято именовать эпохой «просвещенного абсолютизма», но есть основание утверждать, что она не закончилась со смертью «великой императрицы», а продолжалась и все царствование Александра I. Молодой монарх заботился о совершенствовании правового устройства Российской империи и выработке твердых законов для административных и просветительных учреждений феодальной державы. Изучая законотворческую деятельность царя и его талантливых помощников М.Сперанского и М. Балучьянского, невольно поражаешься широте и глубине разрабатываемых ими проблем, свидетельствующих о намерении Александра I ограничить произ-

вол чиновничьего аппарата и абсолютную власть монарха и ввести в русскую практику западные либеральные нормы и принципы.

О либеральных тенденциях во внутренней политике Александра I свидетельствуют его первые указы при восшествии на престол. Указом от 15 марта 1801 г. царем была объявлена полная амнистия политическим ссыльным, заключенным в тюрьмах, и эмигрантам. В этом указе говорилось: «Желая облегчить тягостный жребий людей, содержащихся по делам в Тайной экспедиции производящимися, препровождая по сем четыре списка, всемилостивейше прощая всех, поименованных в тех списках, возводя лишенных чинов и дворянства в первобытное их достоинство и повелевая Сенату нашему освободить их немедленно из постоянного места их пребывания, дозволить возвратиться: кто куда пожелает, уничтожая над последними и порученный присмотр» (Полное собрание законов, т.37, с.368). В указе было перечислено 156 амнистированных лиц, в том числе и известный автор «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищев. Всего же было освобождено 536 человек из 700, числившихся по спискам Тайной экспедиции и сосланных в монастыри, крепости и в Сибирь. 2 апреля Александр I издал указ об уничтожении Тайной экспедиции, одно название которой приводило людей в холодный трепет. В указе мы читаем следующие знаменательные слова молодого царя: «Рассуждая, что в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона, мы признали за благо, не только название, но и самое действие Тайной экспедиции навсегда упразднить и уничтожить, повелевая все дела, в оной бывшие, отдать в государственный архив к вечному забвению» (ПСЗ, т.37, с.9).

В то же время были восстановлены в своих правах офицеры и чиновники числом около 12 000, лишенные их при Павле I «по сентенции военного суда и без

суда», и приняты снова на службу («Русская старина», 1885, № 11; «Русский архив», 1876, № 1).

Отменялось запрещение (от 18 апреля 1800 г.) ввозить из-за границы книги и ноты; разрешены вновь частные типографии («Цензура при Павле», «РС», 1885, № 11).

28 мая выходит указ о запрещении печатать объявления о продаже крепостных крестьян без земли.

Все эти исторические акты дали основание А.С. Пушкину сказать: «дней александровых прекрасное начало».

Значительных успехов, особенно в первое десятилетие царствования Александра I, достигло в России и народное просвещение (об этом подробно говорится в «Материалах для истории просвещения в России», изд. П. Кеппеном в 1819 — 1827 гг., части 1 — 3). Напомним только, что при Александре I были открыты новые русские университеты: Харьковский, Казанский, Дерптский и в Вильно. Были также открыты: Институт путей сообщения, Училище правоведения, Земледельческое училище, Медико-хирургическая академия, Коммерческое училище и коммерческие гимназии в Одессе и Таганроге, Горный кадетский корпус. Расширялась сеть военно-учебных заведений и духовных училищ. Для державы, которая с 1804 г. почти непрерывно (до 1815 г.) вела войны на Западе и на Востоке, требовавшие огромных материальных и человеческих затрат, щедрые ассигнования на просвещение и науку свидетельствовали о том, какое значение правительство придавало этому вопросу.

Не будем далее последовательно перечислять все меры, которые принимались правительством и которые должны были стимулировать прогресс общей культуры российского народа, а отметим лишь некоторые из них. Издается множество всякого рода указов, уставов и инструкций, призванных регламентировать устройство и функционирование учебных заведений (университетов) и государственных учреждений и добровольных обществ, напри-

мер устав «Вольного экономического общества» 1824 г., «Общества любителей российской словесности» и др. Печатается масса книг, содействующих народному просвещению («Периодические сочинения о успехах народного просвещения» с 1803 по 1819 г.). Издаются учебники по русской и всеобщей истории и переводные труды западноевропейских экономистов и философов, знакомящие россиян с развитием зарубежной общественно-политической мысли. Выходят в свет ценные руководства и указатели по сельскохозяйственной деятельности, промышленности, ремеслам и торговле, например «Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии», изд. Н. Щеголевым (1824 — 1825), специальный «Технологический журнал» (1804 — 1815). Особое внимание уделяется распространению так называемой «правовой культуры», широко проводится кодификация российского законодательства, читаются лекции по истории отечественного и международного законодательства. Издается множество всякого рода законодательных документов и справочников к ним. В этой связи следует упомянуть «Систематический свод существующих законов Российской империи, с основаниями права из оных извлеченными, издаваемый Комиссией составления законов». Т. 1 — 7. СПб., 1815 — 1819. Добавлением к нему служил «Хронологический реестр к первой части свода существующих законов о гражданском праве». Т. 1 — 7, СПб., 1819 — 1823. Печатается «Систематическое обозрение российских законов с присовокуплением правил и примеров». Сост. С. Капылев. Ч.1 — 6. СПб., 1817 — 1819. Ф. Пряников издает 17 частей «Памятников из законов», 1813 — 1827.

Особое внимание правительства Александра I к законотворческой деятельности говорит о том, что царем был взят твердый курс на формирование правового государства, на постепенное упразднение так называемого «вотчинного права» и «обычая» и феодальных норм в сословных отношениях.

Все эти акты имели своей целью преодолеть произвол и коррупцию огромного чиновничьего аппарата тогдашней Российской империи и приучить его к цивилизованным нормам служебной деятельности. С начала царствования были также введены в практику печатные отчеты о деятельности министров. Например, были изданы: «Отчет министра внутренних дел» за 1803, 1804 гг.; отчеты различного рода Комитетов («Общества попечительного о тюрьмах» за 1821 — 1825 гг. и др.); «Отчеты об управлении библиотек» («Публичной» с 1814 г. и др.); «Отчеты Государственных кредитных установлений» с 1817 по 1825 г.; «Отчет главного директора путей сообщения» за 1810 г.; «Отчеты по военным поселениям» за 1824 и 1825 гг. С начала века в России вводятся Статистические отчеты, разрабатывается теория статистики, с 1808 г. издается «Статистический журнал». Все это позволяло прояснить внутреннее состояние Российской империи.

Таким образом в скрытую от общественного внимания деятельность многих правительственных и общественных учреждений вводилась гласность, дававшая возможность контролировать ранее замкнутую государственную структуру.

Одновременно издается крайне необходимая для централизованного государства справочная литература, и в частности «Имянные списки членам Государственного совета, сенаторам, военным и гражданским губернаторам и проч. чинам» с 1817 по 1823 г. Наряду с ними выходят в свет: «Месяцесловы с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи» с 1802 по 1825 г. и различного рода «Руководства» по арифметике, чистописанию, механике для учителей, к «благостной жизни» и проч.

Трудолюбивейший писатель и ученый В.А. Левшин, откликаясь на запросы времени, пишет сам и переводит с иностранных языков многотомные сочинения, посвященные искусству крашения сукон , лечению лошадей, возделыванию огородов, разве-

дению садов. Он публикует книги по домоводству для городских и сельских жителей, «поваренные наставления» о приготовлении «русских кушаньев». Весьма примечательны его труды по созданию русских фабрик и внедрению народных ремесел и об отечественных материалах, которыми можно заменить покупаемые за рубежом «колониальные товары».

При Александре I создавались необходимые условия для более быстрого (чем раньше) развития отечественного предпринимательства, и начало им положил манифест царя от 1 (13) января 1807 г. «О даровании купечеству новых выгод», стимулирующий развитие национальной торговли. Купечество получало ряд существенных социальных привилегий, и в частности освобождалось за денежные взносы от рекрутской повинности, ему позволялось создавать акционерные общества, а в то же время иностранные торговцы лишались былых преимуществ по сравнению с российскими. Согласно этому манифесту, отечественные купцы 1-й и 2-й гильдии во многом уравнивались в правах с дворянством, им разрешалось иметь отдельные собрания, собственные выборные органы, торговые суды и проч.

* * *

К 1816 г. Россия занимала территорию в 340 000 кв. км, а ее население составляло 37 000 000 душ обоего пола плюс 8 000 000 не вошедших по разным причинам в первые списки, итого все народонаселение насчитывало около 45 000 000 человек (из них нерусских национальностей 11 000 000) (см.: Арсеньев. Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818, с.51). Российская империя делилась на 50 губерний и пять областей (Новая Финляндия, присоединенная в 1809 г., Белостокская обл., включенная в состав России в 1807 г., Бессарабия, вошедшая в состав России по Бухарестскому миру 1812 г., земли донских

казаков, образовавшиеся еще в XVII в., и Грузия, вошедшая в состав империи в 1801 г.). По сословным признакам население делилось на следующие категории: «непроизводящие жители» — дворяне 225 000 душ, духовенство 215 000, военных до 1 000 000, разночинцев всякого рода 750 000. Жителей, входивших в состав класса «производящего», насчитывалось около 19 000 000 (и в их числе купцов 119 000, мещан 750 000, так называемых вольных людей 137 000, казенных крестьян 6 700 000, удельных крестьян 570 000, помещичьих крестьян 10 500 000). Любопытно, что многие современники хорошо понимали экономическую невыгоду крепостного труда. По этому поводу Арсеньев (автор «Начертания статистики») писал: «Крепостность земледельцев есть также великая преграда для улучшения состояния земледелия. Человек, неуверенный в полном возмездии за труд свой, в половину не производит того, что в состоянии сделать человек свободный от всяких уз принуждения» (Указ. соч., с.106).

* * *

Одновременно с отменой репрессивно-административных мер предшествующего царствования Александр I незамедлительно приступил и к преобразованию государственных учреждений, планы обдумывались царем вместе с друзьями из «Негласного комитета». Манифестом от 8 сентября 1802 г. на смену коллежской или коллегиальной системы управления была учреждена министерская. Были назначены следующие восемь министров: иностранных дел, внутренних дел, военно-сухопутных сил, военно-морских сил, финансов, коммерции, народного просвещения и юстиции. Министры по должности были членами Комитета министров и Государственного совета (с 1810 г.), а также должны были присутствовать в Сенате. 25 июня 1811 г. было издано «Общее учреждение министерств»,

разработанное М.М.Сперанским. Министерская система управления казалась реформаторам наилучшим способом управления огромным централизованным государством (см.:*Ермолов А.С.* Комитет министров в царствование имп. Александра I. Обозрение главнейших предметов, обсуждавшихся Комитетом в 1810 — 1812 гг. 1891). Преобразовательные планы сопутствовали всему периоду царствования Александра I. Усовершенствовав деятельность Кабинета министров, он намеревается (в 1820 г.) изменить и всю прежнюю структуру управления обширнейшей империей. Возник проект раздела всей страны на отдельные округа, которые должны были включить в свой состав несколько губерний, во главе которых надлежало поставить талантливых и энергичных российских администраторов. Устранив 50 губернаторов, часто малоспособных и невежественных, царь намеревался передать управление страной в руки 8 — 10 достойных просвещенных сановников. Чтобы проверить на опыте целесообразность своей идеи, он поручает генерал-адъютанту А.Д. Балашеву управление таким округом, состоявшим из 5 центральных губерний (Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской). Балашев, ознакомившись с положением дел, которое застал в этих губерниях, изложил свои впечатления в письме к царю в 1821 г.: «Отеческое сердце Ваше, государь, содрогнется при раскрытии всех подробностей внутреннего состояния губерний... Не только воровство в городах, не только частые и никогда почти не отыскивающиеся грабежи по дорогам, но целые шайки разбойников приезжали в усадьбы, связывали помещиков и слуг, разграбляли домы и пожитки и потом скрывались: смертоубийства производились заговорами и убийцы не находились. В селениях власть помещиков не ограничена, права крестьян не утверждены, а слухами повиновение последних к первым поколеблено и ослушаний тьма. Недоимок миллионы. Полиция уничтожена. Дел в присутственных местах кучи без счету, решают их по вы-

бору и произволу. Судилища и судьи в неуважении, подозреваются в мздоимстве. Волокиты отчаянно утомительные, но и ябедников великое множество. Лучшие дворяне от выборов уклоняются. Чины и ордена не в той высокой цене, как должно. Жалованье чиновников и канцелярских служащих почти ничтожно, кроме винных продавцов и таможни. Хозяйственной части нет и признаку. Главные доходы короны основаны на винной продаже! Слава воина и дипломата гремит по Европе, но внутреннее управление в государстве Вашем расслабло!.. Все части идут раздельно, одна другой ход затрудняя, и едва ли которая подается вперед: единственное на сей раз средство есть усилить местные управления; Вы сие и предлагали. Докончите, государь, намерение Ваше!» Эта длинная выписка приведена нами для того, чтобы читателю была ясна картина внутренней жизни тогдашней России, которая не могла не привести в отчаяние любого правителя, сидевшего в центре и оттуда наблюдавшего за «процветанием» вверенной его попечению державы. В действительности все обстояло гораздо мрачнее и безотраднее, чем это казалось нетерпеливым реформаторам. Видимо, Александр I к концу своего царствования понял, что народ и страна еще не готовы к принятию новой модели общественно-политической жизни и что еще надо затратить массу сил и времени, чтобы либеральные учреждения могли надежно вписаться в общую панораму российского «благоустройства».

В 1823 г. Балашев издал в Москве чрезвычайно любопытную книгу под названием «Краткия записки к статистической таблице округа, порученного надзору генерал-адъютанта Балашева», в которой он дал ценнейшие для историков географическое, экономическое и статистическое описание вышеназванных 5 губерний.

* * *

В советской историографии давно уже выработался железный штамп — обязательно именовать российских монархов крепостниками, реакционерами и проводниками угнетательской, антинародной политики господствующих классов. Долгое время советские историки даже не допускали мысли, что тот или иной монарх мог хотя бы на шаг отступить от своих заветных консервативных принципов. Раскрепощение научной мысли, происшедшее в последние годы, позволило иначе подойти к трактовке политических целей российских самодержцев. Объективное и глубокое изучение архивных и изданных источников показывает, что консервативный курс во внутренней политике российских самодержцев далеко не всегда являлся доминирующим фактором в их государственной деятельности и что под давлением разного рода обстоятельств они изменяли своим догматическим взглядам и выступали проводниками и сторонниками новых социальных и экономических отношений. Вот таким «отступником» от ортодоксальной модели монархизма был император Александр I, упорно, хотя и не всегда успешно работавший над осуществлением либеральных реформ в подвластной ему стране. Убедительный материал, подтверждающий данный вывод, собрал и опубликовал историк С.В. Мироненко в своем интереснейшем труде под названием: «Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в.». М., 1989.

Одним из либеральных актов Александра I стало запрещение и прекращение былых щедрых раздач государственных крестьян в частную собственность отличившимся царским сановникам и генералам. Другим, не менее важным антикрепостническим шагом являлось издание в 1803 г. указа «О вольных хлебопашцах». Позднее (после войны 1812 — 1815 гг.) Александр I поручит своим ближайшим советникам и министрам, в числе которых была даже такая одиозная фигура, как гр. А.А. Аракчеев, разработку проектов освобождения

крестьян от крепостной зависимости (см.: «Девятнадцатый век». Исторический сборник. Кн.2. М.,1872). Среди тех, кому было поручено заняться проблемой эмансипации крестьян, значатся фамилии А.Ф. Малиновского, адмирала Н.М. Мордвинова, С.М. Кочубея и др. Следовательно, поиск способов ликвидации в стране позорного института крепостничества велся по заданию царя с 1817 г. весьма интенсивно, и этой проблемой, оказывается, были озабочены не одни декабристы. Реальным же разрешением поставленной задачи были указы императора об освобождении в 1816 г. эстляндских (эстонских) крестьян от крепостных отношений, а в 1818 г. и курляндских. При всех экономических минусах проведенных в Прибалтике реформ главным было то, что крестьянам давалась, а не отнималась у них, как прежде, личная свобода. Однако в положении крестьян в самой «кондовой» России коренных улучшений не происходило и, естественно, возникал вопрос: а что, собственно говоря, мешало осуществить реформаторские намерения самодержавного царя? Это вызывалось мощным противодействием большинства российских дворян-крепостников, и глава верховной власти не мог решиться пренебречь этой негативной позицией своих привилегированных подданных, являющихся к тому же и исторически проверенной опорой для трона российских монархов.

Царь, формально располагавший неограниченной властью, в реальных условиях не мог, видимо, ее употребить и насильственно заставить дворян-помещиков освободить своих белых рабов. Александр I исходил из убеждения, что в любой проект отмены крепостного права «должен быть положен принцип добровольности». О серьезности либеральных увлечений Александра I свидетельствует и тот факт, что предмет его реформаторских замыслов не ограничивался только областью крепостного права. Царь, оказывается, готовился и к ограничению своей самодержавной власти путем введения в России конституционного правления.

Примечательно, что он не только не противился распространению в обществе либеральных и конституционных взглядов, но и сам способствовал их успеху. Дело в том, что из личных средств он выделил значительную сумму (120 000 р.), чтобы перевести и издать в Петербурге сочинения таких известных зарубежных писателей, как Бентам («Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении». Ч.1 — 3, 1805 — 1809); Монтескье («О сущности законов»); Адам Смит («Опыт о богатстве народов». Ч.1 — 4, 1802 — 1806); Беккариа («О преступлениях и наказаниях», 1806); Фергюсон («Наставления нравственной философии», 1804) и др. Кстати сказать, тогда же царь поручил Карамзину составить «Историю Государства Российского», а позднее ассигновал ему крупные суммы для ее издания.

Конечно, было бы наивно предполагать, что Александр I строго придерживался духа и буквы своих либеральных планов и не нарушал их в процессе государственного переустройства, что у него не было порой весьма печальных рецидивов реакционной практики своих предшественников. Таких отступлений, вызванных сиюминутными соображениями монарха или инсинуациями дворцовой камарильи, было у царя немало, но в главном он оставался верен своим «прекраснодушным мечтаниям» начала царствования.

В интимных беседах царь с жаром говорил о своей «преданности» конституционным идеям и ссылался при этом на дарованные Финляндии в 1809 г. и присоединенному к России «Царству Польскому» в 1815 г. соответствующие конституционные хартии. В послевоенное время 1816 — 1818 гг. он вплотную занялся конституционными программами и поручил своему доверенному лицу Н.Н. Новосильцеву разработать либеральную конституцию России, чтобы постепенно ввести в ней представительное правление. К участию в этой работе был привлечен и кн. П.А. Вяземский, известный в литературе под прозвищем «декабрист без

декабря», т.е. человек, исповедовавший либеральные взгляды участников тайных обществ, но формально не состоявший в их тайной организации.

Весной 1818 г., выступая на открытии польского Сейма, Александр I заявил о своем намерении распространить законно-судные учреждения и на Россию. Речь царя произвела буквально ошеломляющее впечатление на все слои русского общества и разделила его на два противоположных лагеря: безоговорочных сторонников российской Конституции и ее решительных противников, мотивировавших свое отрицательное отношение к буржуазным формам правления «неготовностью» русского народа к их принятию. По их мнению, дикость и бескультурье основной массы населения ничего не может обещать стране, кроме наступления эпохи бунтов и хаоса.

Несмотря на негативное отношение влиятельных кругов российского общества к идее конституционного правления, работа комиссии Новосильцева продолжалась, и царь дважды вносил собственноручные поправки в подготовленный к обсуждению текст. Ее основы были утверждены Александром I в октябре 1819 г. во время пребывания в Варшаве. Как доносил в Берлин прусский консул Шмидт: «После размышления и обсуждения с г.Новосильцевым его величество наконец окончательно принял ту ее основу, которую я имею счастие при сем почтительнейше представить вашему превосходительству и чью подлинность я могу засвидетельствовать, так как сам видел замечания, собственноручно внесенные монархом. На этой основе теперь здесь должно быть разработано великое дело и представлено его величеству самое позднее через два месяца» (*Schiemann Th.* Eine Konstitution für Russland vom Jahre 1819. Historische Zeitschrift. 1894. Bd. 72, S.65). Этот важный исторический документ получил название «Государственная уставная грамота Российской империи», но за пределы узкого круга посвященных так и не вы-

шел. Высказывается множество догадок, почему царь отказался от воплощения его в жизнь. Связывают поворот в либеральных настроениях царя прежде всего с международными событиями (греческим восстанием 1821 г. и революцией Риего в Испании), но так или иначе, а «Уставная грамота» осталась всего лишь архивным памятником либеральных исканий российского монарха. Любопытно, что о его содержании стало известно и в Европе и в России вследствие того, что во время восстания 1831 г. польские революционеры обнаружили эту «Грамоту» в варшавских бумагах Новосильцева и вскоре ее опубликовали к величайшей досаде Николая I, который приказал своим агентам скупить все брошюры и уничтожить их, очевидно, чтобы не воскрешать конституционные надежды у своих современников после подавления восстания декабристов в 1825 г.

По всей вероятности, конституционный пыл царя охладили и такие тревожные для него события, как волнения в Семеновском полку 1820 г. и подготовляемый декабристами антимонархический заговор. Когда после почти годичного отсутствия Александр I в конце мая 1821 г. вернулся в Россию (в Царское Село), то тотчас генерал-адъютант И.В. Васильчиков довел до его сведения содержание полученного властями доноса о подготовляемом в стране политическом заговоре и показал список участников этого тайного общества. Речь шла о заговоре декабристов. В руках правительства находилась еще и секретная записка, составленная тайным агентом правительства членом «Союза Благоденствия» М.К. Грибовским и хранившаяся у генерала А.Х. Бенкендорфа, занимавшего тогда пост начальника штаба гвардейского корпуса. И хотя в январе того же года «Союз Благоденствия» был распущен, но освободительные идеи не прекратили после этого своего медленного распространения, что вскоре и подтвердилось возникновением новых, но уже более радикальных по своим

целям обществ, как, например, «Северное» и «Южное».

Выслушав доклад Васильчикова, царь в раздумье сказал ему: «Дорогой Васильчиков, Вы, который находитесь на моей службе с начала моего царствования, Вы знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения. И не мне их (заговорщиков. — *Н.К.*) карать» (см.: *Н.Шильдер.* Император Александр I. Т.IV, с.204). Вследствие подобного отношения императора к своим политическим противникам никто из них не был отдан под суд и не подвергся каким-либо строгим административным преследованиям. Царь как бы амнистировал членов «Союза Благоденствия», но вскоре (в 1822 г.) запретил все масонские и иные тайные общества, существовавшие на территории России, что, впрочем, не помешало возникновению, как мы уже отметили, «Северного» и «Южного» обществ декабристов. Как бы пренебрежительно ни оценивался некоторыми декабристоведами милосердный жест императора, нельзя не видеть в нем яркое проявление его либеральных настроений.

* * *

Вряд ли у будущего биографа Александра I* есть серьезные основания слепо доверять западным источникам, изображающим царя как вечно колеблющуюся, нерешительную личность, неспособную к принятию твердых и ответственных решений. Многие факты его царствования свидетельствуют о том, что это был отнюдь не безвольный субъект, а достаточно волевой правитель. Об этом говорит прежде всего его политический курс 1801 — 1804 гг.,

* Граф А.А. Аракчеев после кончины Александра I внес в Государственный банк под проценты 50 000 рублей с тем, чтобы в 1925 г. эта сумма, которая должна была к тому времени достигнуть полмиллиона рублей, была бы обращена в награду (в виде гонорара) автору лучшей истории Александра I и на ее издание.

который он проводил, несмотря на то явную, то скрытую оппозицию российского консервативного дворянства. Ведь идти против воли большинства господствующего класса, особенно в такой стране, как Россия, где всем были памятны судьбы и Петра III и Павла I, было занятием весьма рискованным. Но царь и в начале своего правления не страшился борьбы с консервативными элементами российской аристократии. Особенно ярким примером твердости царя в проведении новой политики может служить Тильзитский мир с Наполеоном, известие о котором вызвало буквально бурю негодования российских дворян, усмотревших в союзе России с Наполеоном недвусмысленную угрозу своим привилегиям, и в особенности прочности крепостного права, открытым противником которого слыл тогда французский император. Феодальное дворянство искренне боялось, что дружба с революционным лидером французской буржуазии отрицательно повлияет на монархические убеждения молодого российского самодержца. Несмотря на то, что к многочисленным и влиятельным противникам Тильзитского соглашения с Наполеоном присоединилась мать императора — Мария Федоровна, с мнением которой всегда очень считался ее венценосный сын (в числе резких критиков Тильзитского мира были и его «молодые друзья» — Чарторыйский, Строганов, Новосильцев), он не сдался под мощным напором антифранцузской оппозиции и настойчиво проводил свою тогда абсолютно реалистическую внешнюю политику, позволившую ему с успехом (после полученной передышки) подготовиться к разрыву франко-русских отношений в 1812 г.

Отстаивая правильность своего внешнеполитического курса, Александр I писал матери, что ее непродуманное вмешательство во внешние дела недопустимо, что Россия одна не в состоянии сейчас сопротивляться агрессии Наполеона и нуждается в немедленном мире и что только вынужденный союз с Францией способен дать ей возможность «не-

которое время дышать свободно и увеличить в течение этого столь драгоценного времени наши силы и средства... А для этого, — полагал царь, — мы должны работать в глубочайшей тайне и не кричать о наших вооружениях и приготовлениях публично, не высказываться открыто против того, к кому мы питаем недоверие» («Русская старина», 1899. Кн. 4, с.4 — 7).

Исключительную твердость и настойчивость проявил Александр I и тогда, когда русские войска достигли границ и разбитая армия Наполеона была выдворена за пределы России. Российские военачальники во главе с фельдмаршалом Кутузовым советовали царю дать измученным войскам заслуженный отдых и не преследовать отступающих французов. Несмотря на вескость аргументов сторонников передышки в военных операциях, царь все же приказал войскам перейти в наступление и открыть так называемый зарубежный освободительный поход 1813 г. Решение, принятое Александром, было стратегически совершенно оправданным, Наполеону не удалось реорганизовать свои деморализованные полки и оказать эффективное сопротивление русским. К тому же бывшие союзники Наполеона изменили ему и встали на сторону победоносной России.

Твердая и ясная позиция Александра I в войне с Наполеоном в конечном счете оправдала себя, и царь победителем вошел в Париж в марте 1814 г. Разве мог так вести себя легкомысленный ловелас, каким его изображают порой и зарубежные и наши историки? Нет, Александр I был человеком стойким и целеустремленным, хотя, возможно, перед тем, как принять окончательное решение, он и колебался в выборе наилучшего средства для достижения цели.

В период зарубежного похода 1813 — 1814 гг. Александр I сумел, несмотря на, казалось бы, непримиримые противоречия Англии, Пруссии и Австрии, побудить их действовать по единому стратегическому и внешнеполитическому плану,

составленному в русском штабе, и был, по сути дела, душой антинаполеоновской коалиции. Российский император предложил в 1813 г. союзникам мудрую политическую тактику по отношению к побежденным французам. Царь настойчиво повторял, что он воюет не против французского народа, а исключительно против Наполеона, который является не только врагом европейских монархий, но и своих подданных, которых он вверг в тяжелейшие испытания и несчастья. Подобная позиция союзников помогла им добиться крупных боевых успехов и в конечном счете привлечь на свою сторону почитателей Наполеона.

Войдя в Париж как победитель Наполеона, Александр I с гордостью как-то сказал генералу Ермолову: «Ну что, Алексей Петрович, теперь скажут в Петербурге? Ведь, право, было время, когда у нас, величая Наполеона, меня считали за простачка».

И в самом деле, после войн 1812 — 1815 гг. авторитет Александра I и в России, и во всем мире был чрезвычайно высок. Громкая слава царя подтверждается воспоминаниями такого нелицеприятного наблюдателя, как декабрист С.П. Трубецкой, который писал: «По окончании Отечественной войны имя императора Александра гремело во всем просвещенном мире. Россия гордилась им и ожидала от него новой для себя судьбы. Эпоха самостоятельности настала. Оставалось вкусить плодов этого положения. Император изъявил манифестом благодарность свою войску и всем сословиям народа русского, вознесшего его на высочайшую степень славы, обещал, утвердив спокойствие общим миром в Европе, заняться устройством внутреннего благоденствия вверенного Провидением державы его пространного государства» (*Трубецкой С.* Записки. Иркутск, 1983, с. 217).

* * *

Последние главы (12 — 14) книги Валлоттона чрезвычайно перегружены «сырым материалом»

характеристик Александра I, данных ему преимущественно его иностранными современниками и историками. Эти характеристики, как правило, резко негативные, с постоянными вариациями на тему о лживости, лицемерии и непостоянстве российского монарха, что, впрочем, вполне согласуется и с теми оценками, которые давались ему до недавнего времени советскими историками, и в частности проф. С. Окунем, писавшим, что Александр I «отличался двуличностью и подозрительностью». Я назвал эти характеристики иностранцев «сырыми» потому, что ни одна из них не подкреплялась конкретными фактами, скажем, «лживости и лицемерности» царя, а «покоились» на одних литературных софизмах. Конечно, Александр I не был земным ангелом, как его аттестовывала жена — императрица Елизавета Алексеевна, но он, бесспорно, был отнюдь не лживее Меттерниха, Талейрана и Наполеона, которые обвиняли своего политического и дипломатического противника в лицемерии и прочих этических грехах, так присущих всем без исключения дипломатам начала XIX века.

Следует отметить в этой связи, что беспардонная компрометация своих военно-политических соперников или врагов являлась давним оружием как европейских, так и азиатских дипломатов.

Примером же потрясающей лживости и двуличия западной дипломатии может служить следующий эпизод, происшедший в Вене в январе 1815 г. В этот день представители Австрии (Меттерних), Англии (Каслри) и Франции (Талейран) подписали секретный договор, направленный против России, предусматривавший даже возможность начала против нее военных действий, если она не откажется от своих территориальных притязаний на польские земли. Этот секретный акт означал конец антинаполеоновской коалиции, и только неожиданное возвращение Наполеона с острова Эльба во Францию помешало осуществлению договора. Экземпляр этого антирусского соглашения был послан Та-

лейраном в Париж Людовику XVIII, который, узнав о высадке Наполеона, поспешно бежал из Парижа (19 марта 1815 г.), оставив в своем кабинете этот сверхсекретный договор. Наполеон обнаружил его там и срочно отправил царю в Вену, чтобы показать коварство его недавних союзников и тем самым склонить российского императора к разрыву с Англией и Австрией и возобновлению франко-русской дружбы.

И крайне примечательно, как поступил в этой ситуации Александр I, когда он получил это разоблачительное известие от Наполеона. Царь не вспылил против своих неверных союзников, не стал им мстить, а пригласил их представителей в свой кабинет и, показав им свидетельство их предательства, примирительно сказал: «Забудем об этом эпизоде. Сейчас мы должны быть вместе, чтобы покончить с Наполеоном».

Нельзя также согласиться с утверждением Валлоттона о том, что Александр I передал (после 1815 г.) всю полноту власти в стране ничтожному солдафону А.А. Аракчееву, а сам тем временем впал в мистический сомнамбулизм. Да, действительно, царь абсолютно доверял своему верному слуге Аракчееву и ценил его за неутомимую работоспособность и строгую исполнительность, именно за те качества, которые так редко встречались в среде чиновной российской бюрократии. Аракчеев был отнюдь не ничтожной пешкой в тогдашнем окружении царя, а очень энергичным организатором и строителем русских вооруженных сил, что он и доказал, будучи на посту военного министра России в 1808 — 1810 гг. Славу же жестокого солдафона и крепостника ему создали его завистники и противники из лагеря царской камарильи, а также его неутомимая деятельность по созданию в империи с 1816 г. так называемых «военных поселений» (особой организации войск, которая позволяла совмещать военную службу с занятием сельским хозяйством). Идея военных поселений возникла у царя еще до войны 1812 г., а после

нее стала им ревностно осуществляться в пяти губерниях России. Военные поселения представляли собой как бы отдельные гарнизоны, состоящие из 60 домов-связей, в которых располагалась рота в 228 человек. В доме размещались четыре хозяина с нераздельным хозяйством. Прикрепленных принудительно к земле крестьян одели в военную форму, снабдили оружием и одновременно с интенсивным обучением военному делу заставляли вести все земледельческие крестьянские работы. Вся жизнь военных поселян была подвергнута строжайшей регламентации (весь их быт был расписан по часам), и эта непривычная для россиян «регулярная» жизнь и суровое с ними обращение поставленных начальников являлись поводом для частых бунтов и волнений поселенных войск (особенно крупным было восстание Чугуевского полка, начавшееся в июне 1819 г.). О настойчивости, с которой внедрялись в русскую жизнь военные поселения, можно судить по заявлению царя, который сказал: «Военные поселения будут, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чугуева». Несмотря на сопротивление крестьян, развертывание военных поселений продолжалось, поскольку правительство надеялось с их помощью сократить огромные расходы на содержание армии, насчитывавшей в 1821 г. более миллиона человек. И в самом деле, все затраты на создание «новых войск», которые насчитывали до $\frac{1}{4}$ регулярных, скоро окупились, и к 1825 г. особый капитал «военных поселений» насчитывал 32 млн. рублей.

* * *

Итак, что же представлял собой Александр I как государь и как человек, которого в дореволюционной историографии именовали «Благословенным»? Перед исследователем или романистом встает труднейший вопрос как характеризовать человека, про-

жившего, скажем, пятьдесят лет и в биографии которого были периоды, когда он был отчаянным либералом, затем неустойчивым радикалом и, наконец, закончил жизнь ярым консерватором? Каким его настроениям и убеждениям отдать предпочтение? Не дает однозначного ответа и А. Валлоттон. Приведя самые противоречивые оценки российского императора (из западных источников), он предоставил читателю из множества литературных характеристик царя сделать собственные выводы. Но все же общее впечатление о деятельности российского монарха остается далеко не мрачным и не бесцветным, ибо даже на основании приведенных Валлоттоном материалов мы видим, что Александр I был, бесспорно, талантливым политиком и дипломатом и в целом человеком своего времени, т.е. эпохи революционных взрывов и либеральных увлечений, когда даже легитимные монархи под давлением неумолимых обстоятельств вынуждены были идти на перестройку старых зданий средневековых абсолютистских режимов и приспосабливать их хотя бы внешний вид под суровые требования времени.

В заключение уместно привести оценку царствования императора Александра I, данную кн. П.А. Вяземским. Он писал, что царь к концу своего правления прошел суровую школу «событий и тяжких испытаний. Либеральные помыслы его и молодые сочувствия болезненно были затронуты грубой действительностью. Заграничные революционные движения, домашний бунт (Семеновского полка. — *Н.К.*), неурядицы, строптивые замашки Варшавского сейма, на которые еще так недавно он полагал лучшие свои упования, догадки и более чем догадки о том, что и в России замышлялось что-то недоброе, — все эти признаки, болезненные симптомы, совокупившиеся в одно целое, не могли не отразиться сильно на впечатлительном уме Александра... Он вынужден был сознаться, что добро не легко совершается, что в самих людях встречается какое-то необдуманное, тупое противодействие, па-

рализующее лучшие помыслы, лучшие заботы о пользе и благоденствии их» (см: *Н..Шильдер.*Император Александр I. Т. IV, с.202).

Н.И.Казаков
кандидат исторических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

А.Валлоттон
АЛЕКСАНДР I

На обложке: Александр I.
По рисунку Десноэрса литографирован Бурже Ричарди

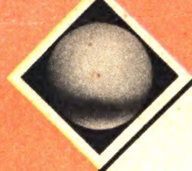
Редакторы Т.В. Хордина, Н.В. Дейнеко
Художник В. Новиков
Художественный редактор О.В. Барвенко
Технические редакторы Н.А. Галанчева, В.А. Юрченко
Корректор В.В. Евтюхина

В книге использованы архивные фотодокументы

ИБ №19227. Подписано в печать 26.08.91.Формат 70×100 1/32.
Бумага офсетная.Гарнитура таймс. Печать офсетная.
Усл. печ.л. 16,12 + 0,64 печ.л.вклеек. Усл. кр.-отт.17,08.
Уч.-изд.л.14,10. Доп.тираж 50 000 экз. Заказ №591.
Цена 5р. Изд. № 48318.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по печати.
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17.

Отпечатано на Можайском полиграфкомбинате
Государственного комитета СССР по печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

Века и люди

«ВЕКА И ЛЮДИ» — новая серия издательства «Прогресс». Популярная форма изложения, живой образный язык, новые, не публиковавшиеся ранее страницы истории и факты жизни известных и мало известных, но в чем-то замечательных людей наверняка привлекут внимание самого взыскательного читателя.

В 1992 г. предполагаются к изданию книги:

Ю.Буранов, В.Хрусталев *«Гибель императорского дома»*;
В.Кривенький, С.Степанов *«Дмитрий Богров и загадки убийства Столыпина»*;
Х.Эджингтон *«Адмирал Нельсон»*;
Р.Перну, М.-В.Клэн *«Жанна д'Арк»*

5 р.

ISBN 5-01-003613-4

«Прогресс»

Александр I
А. Валлоттон